ВЫЖИВАЛЬЩИК

ИГОРЬ ЧИРКУНОВ

Annotation

...Наше время, город как город, всё как везде: люди жили и работали, создавали семьи и растили детей, участвовали в политической жизни или занимались хобби. Кто же знал, что в одну из ночей вся эта жизнь накроется ядерным грибом?

У Артема и его друзей, «выживальщиков» все готово, чтоб пережить непростые времена: бункер в лесу, должная подготовка и снаряжение. Вот только вокруг люди: растерянные, не ждавшие, не готовые.

Как поступить правильно, в сложившейся обстановке, чтоб оставаться человеком?

Прим.: «Выживальщики», или Сурвивалисты (от англ. Survival – выживание) - движение (субкультура), объединяющее людей, которые активно готовятся к ожидаемым чрезвычайным ситуациям, в том числе глобального масштаба.

- Вместо пролога. Лес.
- Глава 1 Город. Начало.
- Глава 2 Город. Яснее не становится.
- Глава 3 Город. Варианты?
- Глава 4 Город. Новый день, новые проблемы
- Глава 5 Город. "Звездный"
- Глава 6 Город. Николаичи
- Глава 7 Город. Военные
- Глава 8 Прощай город
- Глава 9 Лес
- Глава 10 Городок. ТЦ "Аврора"
- Глава 11 Городок. Равилич
- Глава 12 Деревня
- Глава 13 Лес
- Эпилог

Выживальщик (повесть)

Вместо пролога. Лес.

— Почти дошли, — рослый заросший щетиной парень, вышедший на край речного обрыва, оглядел открывшуюся перед ним перспективу бескрайнего леса, еще раз сверился с компасом, несколько минут разглядывал карту, поворачивая ее так и эдак. Потом снова обратился к своей спутнице: — Никогда с Владом не думали, что придется топать пехом от самого города. План был доехать до дедова кордона, оттуда всего два часа ходу. Он погрустнел, помолчал: — Кто ж знал то?

— Тёма, нам еще долго до твоего бункера? — устало вздохнула спутница, невысокая худенькая девушка, в таких же, как у него, берцах и горном костюме, в просторечии «горке», из-под камуфлированной кепки которого выглядывал пук светлых волос, но с гораздо меньшим рюкзаком.

— Нашего, Светик. Теперь — нашего. Думаю, часа за три дойдем, считай, мы уже в безопасности.

— Давай отдохнем, а? Ног не чувствую и спина просто отваливается.

Парень с нежностью провел тыльной стороной кисти по ее щеке:

— Устала, малышка? Тогда, конечно, полчаса-час теперь роли не сыграют.

Он принялся расстегивать пряжки здоровенного станкового рюкзака.

— Надо было со мной в походы ходить, — добавил другим, беззлобно-ироничным тоном, — сейчас бы так не выматывалась

— Надо, — выдохнула девушка, облокотилась рюкзаком на ближайшее дерево, да так по нему и съехала на корточки, — но кто ж вас, выживальщиков, всерьез-то воспринимал?

Артём, уже избавившийся от своей ноши, подошел, заботливо расстегнул грудную и поясную стяжку, освободил ее плечи от лямок, помог вытянуть ноги. Предложил коврик из вспененного материала:

— Пенку подстелить?

Света помотала головой.

— Ну хорошо, отдыхай. Сейчас кашу сварганю и кофейку.

Он поцеловал ее, сделал шаг в сторону, но глухие всхлипы заставили обернуться — девушка закрыла лицо руками, плечи начали подрагивать.

— Господи, как же жить дальше?

Парень подсел рядом, прижал к себе, снял с нее кепку и принялся ласково гладить по волосам:

— Надо просто жить, раз уж повезло. Просто жить.

Глава 1 Город. Начало.

Совсем недавно, буквально пять дней назад, Артём и Света жили в большом промышленным городе — за полмиллиона жителей, несколько крупных предприятий, деловой центр с высотками из стекла и бетона. Стихийные митинги, скачущая и скандирующая молодежь, местные и заезжие: то ли правдорубы, радеющие за народ; то ли негодяи, пытающиеся на мутной волне въехать во власть. А может, и просто фрики да городские сумасшедшие. Если верить телевизору — одно, если интернету — другое, а послушать народ в очередях — третье. Полиция, разгоняющая митингующих; задержанные, постящие фотки в инстаграм из автозаков; матерящиеся на всех муниципальные службы, убирающие мусор после подобного веселья, — одним словом, последние годы в городе шла нормальная цивилизованная жизнь.

Сквозь хаос местных новостей прорывались новости международные, обозреватели обещали скорейший мировой коллапс. Добавляли жару экологи, рассказывающие о надвигающейся катастрофе: тут и химический завод, построенный еще во времена оные, уже дважды исчерпал свои ресурсы; и нефтеперерабатывающий завод, недавно сданный в эксплуатацию с вопиющими нарушениями технологий.

Горожане давно привыкли, что живут буквально за день до конца света, который только по недоразумению никак не настанет, и занимались своими обычными делами. Никто даже не удивлялся, что, обсудив в курилке очередные рассуждения очередного эксперта, абсолютно достоверно доказывающего, что конец света — завтра, ну край — на следующей неделе, и придя к выводу, что на сей раз этот специалист действительно прав, начинали обсуждать следующий посевной сезон: кто куда поедет в отпуск или куда отправить детей учиться.

Впрочем, не все были так беззаботны. Некоторые, снисходительно поглядывая на беспечных земляков, готовились. К чему, иные и сами не знали: к отключению электричества, землетрясению, гражданской войне с погромами, ядерной зиме, зомби-апокалипсису, нашествию инопланетян — одним словом, к худшему, в чем бы это ни

проявлялось. Одни затаривали тонны гречки с макаронами и тушенкой, скупали коробками соль и спички. Другие готовили тревожный чемоданчик или, что практичнее, рюкзачок, который в час икс можно быстро схватить, и бегом — выживать. Третьи получали лицензии на охотничье оружие и закупали его на все деньги, разумно полагая, что в условиях глобального катаклизма, при отсутствии институтов правопорядка лучше иметь под рукой огнестрельные аргументы. Особенно в ситуации, когда к тебе ломятся зомби, ну или банальные бандиты.

Каждого такого готовящегося или считающего, что он готовится, можно было легко опознать по EDC-набору (от англ. Every Day Carry — «носить каждый день»). Впрочем, канонического варианта также не было: кто-то ограничивался фонариком и перочинным ножиком, у других этот набор с трудом вмещался в небольшой рюкзак.

Но, конечно, вершиной в подготовке был бункер. О, этот бункер! Мечта! Место, где можно наглухо затвориться от разгула радиации, шастающих по лесам боевых марсианских треножников или шаек мародеров. Пусть весь мир катится в тартарары, обитатели бункера смогут жить припеваючи. Пока не кончится запас продуктов.

Сами себя эти ребята называли выживальщиками, или сурвивалистами на английский манер. Ведь они собирались выжить в будущей катастрофе, которая вот-вот наступит.

Артём, хоть и являлся адептом сурвивальной веры почти восемь лет, оголтелым фанатиком себя не считал. Он не носил браслеты из паракорда и не писался от радости при виде Navy Seals knife или чего-то подобного. Все это, по его мнению, были атрибуты так называемых диванных выживальщиков. Иногда он интересовался у любителя похвастаться очередным ножом, типа «сдохни от зависти, Рембо», для чего тот собирается его использовать? Для самообороны? Охотиться на медведей? Строить укрытие из бревен? Резать колбасу? Или вот браслет из пресловутого паракорда. На фига? В нужный момент расплести и использовать? Как? Для спуска из разрушенного здания? Ну так ты прямо сейчас попробуй, а то потом сюрприз будет.

Но даже его внешне весьма скромные приготовления вызывали нездоровый ажиотаж окружающих, особенно коллег. Человеком он был надежным, у начальства числился на хорошем счету, в свою веру

обращать никого не стремился, поэтому проходил у сослуживцев по разряду «хороший человек со странностями».

— Слышь, Артём, ты же не куришь, зачем тебе зажигалка? Отдай мне. А нож тебе на фига?

— Это не нож, это мультитул.

— Все равно. Разве это не холодное оружие? Смотри, менты отберут!

— Артём, привет! Как выходные? Небось, опять в лесу комаров кормил? Предлагали же тебе с нами в сауну! Нормально оттянулись, я конец вечера какими-то урывками помню! Что будешь в старости вспоминать?

— Ты что, и в театр пойдешь в своих ботиках «нас бомбили, мы спаслись»? Меня слушай, я пацан на стиле, научу тебя как одеваться.

— Вот Артём, вроде красивый мужик, спортсмен, все при нем, но как же одевается! Вечно напялит на себя нечто, будто только что из леса вылез. Ему бы прикид приличный, причесочку модную. Я б наверно с таким замутила!

Так бы и шло все своим чередом, но вот, когда текущим гарантам прав и свобод оставался год до переизбрания (а никто не сомневался, что еще один срок правящий клан не потянет чисто по возрасту), накал бреда усилился. Пропасть между очень богатыми и совсем не богатыми зияла страшной чернотой. Уходящие хозяева жизни пытались как-то застолбить завоеванное непосильным трудом. Готовящиеся стать новыми хозяевами плотоядно облизываясь, косились на «стариков» и друг на друга. Бензинчику в огонь подливали зарубежные «друзья».

Как-то внезапно волна протестов переросла в откровенные стычки с властями, на улицах раздались выстрелы. Кто первым нажал на спусковой крючок, так и осталось тайной. По телевизору люди с добрыми, озабоченными лицами рассказывали про распоясавшихся молодчиков, спонсированных мировой закулисой. По интернету такие же хорошие, светлые лица с горящими от возмущения глазами утверждали прямо противоположное.

А потом и вправду пришел глобальный писец. Всем. Что произошло, никто не понимал, ибо с пропавшим электричеством кончились и телевидение, и интернет. Впрочем, закончились не только

они. Вся жизнь, как ни банально звучит, разделилась на «до» и «после».

Накануне позвонил ближайший приятель и собрат по выживальщицкой вере Влад. Кстати, именно он когда-то затащил еще простого туриста Артёма в свои ряды и вскоре они спелись в отличный дуэт. Сейчас он с нервным смешком рассказал, что у него под окнами появилась бронетехника и что по ходу день «Д» не за горами. Предупредил, чтоб был готов, как говорится, по первому свистку и лучше прямо сегодня проверил рюкзаки.

— Тёмыч, если что, ждать не буду. Хватаем жен, и ну весь этот цирк в задницу, у нас есть где отсидеться. Пусть другие на этот раз побудут очевидцами, а я потом их мемуары почитаю. На мою долю острых ощущений хватило.

Артём только вздохнул — на руках уже были билеты. С завтрашнего дня начинался отпуск, и у Светки как раз оставались две недельки до того, как музыкальный колледж, в котором она работала педагогом, начнет отходить от летней спячки.

В отличие от Влада, жившего в центре, у ребят в пригороде было относительно спокойно. Но все-таки решили, что пару дней до отъезда можно поспать и на полу, а кровать с толстенным матрасом поставить стоймя к окну, раскрепив палками и привязав к батарее.

Писец пришел той же ночью. Проснулись от удара и грохота рушащихся шкафов. Стекла в окне выбиты, проем загораживал только выживший матрас. В комнате столбом стояла пыль.

Несмотря на заложенные уши и звон в голове, первое что поразило — тишина. Конечно, где-то что-то рушилось, изредка продолжали звенеть стекла, но современные городские жители привыкли, что даже ночью никогда не бывает по-настоящему тихо: гул машин, музыка, гомон компаний. Кому-то «везет» с железной дорогой. Но сейчас над районом повисла тишина: ни воя сирен, ни ора сигнализаций. А ведь когда более пяти лет назад у дома напротив бабахнула иномарка их соседа, сработали сигнализации автомобилей половины района.

Лишь спустя секунды, показавшиеся вечностью, раздались первые крики.

— Что там? — Светка, приподнявшись с груды спальников, служивших постелью, промаргивалась, прижимая к груди одеяло.

— Не подходи, пожалуйста, — Артём выставил раскрытую ладонь, — побудь в глубине комнаты.

Перешел на кухню, пробрался сквозь мешанину кухонных шкафчиков («Вот ведь! надо было все-таки на анкеры крепить!»), окно отсутствовало напрочь. Осторожно выглянул — на улице темень: ни звезд, ни луны, ни фонарей. Пятиэтажку напротив, проступавшую из темноты, как будто погрызли по срезу крыши. На фоне чуть более светлой стены провалами зияли глазницы окон, некоторые из них наверху уже разгорались. Но, похоже, рушиться дома не будут.

Пощелкал выключателями, покрутил краны — ни воды, ни электричества.

— Малыш, я на улицу, надо осмотреться. Не хотелось бы проморгать пожар по соседству. Ты без меня к окнам не подходи, и вообще — посиди лучше на месте. Здесь в темноте легко ноги переломать.

— Тёма, ты не долго?

— Ну что ты, родная, я быстро!

Прикроватная тумбочка оказалась погребена под обломками шкафа, стоявшего у противоположной стены, но все же дотянувшегося до нее своей антресолью. И как только не задело спящих? Повезло.

Артём раскидал обломки. Где же? На глаза попался мобильник: экран расколот, аппарат мертв. О! Нашел! Ну, слава богу! Почему-то вспомнилось, как Светка, дурачась, подтрунивала над его привычкой всегда иметь налобник под рукой: «Что ты его в тумбочку прячешь, надевай! Тебе же без него меня в кровати не найти!». Маленький Petzl пережил нападение шкафа. В его свете нашарил брюки, затем в прихожей сунул ноги в трекинговые ботинки. Не зашнуровывая их, открыл дверь на лестничную клетку — луч фонарика уперся в плотную стену висящей в воздухе пыли, которая мигом забила ноздри. Пошарил светом по сторонам: стены, двери соседних квартир, ступеньки, лестница цела. Взглянул наверх — вроде ничего на голову не свалится. Четыре этажа вниз, металлическая подъездная дверь, магнитный замок (разумеется, не работающий) — и вывалился на заваленную крупными обломками и мелким мусором улицу. В воздухе все та же оседающая пыль, кружат какие-то листочки.

Не горело ни одного фонаря, однако улица подсвечивалась пламенем: одна из квартир противоположного дома уже вовсю

полыхала. Начали хлопать подъездные двери, тут и там замелькали фонарики. Люди что-то кричали, обращаясь друг к другу и ни к кому конкретно. Одни заполошно бегали, другие стояли и ошарашенно оглядывались.

Отойдя подальше, он бросил взгляд на свою хрущобу. Окна отсутствовали почти везде, колоритно выглядывал его матрас. Успокаивало, что признаков пожара ни по соседству со их квартирой, нигде по всему дому не видно. Мозг старательно концентрировался на каких-то деталях. До сих пор крутилось сожаление, что не озаботился надежнее закрепить мебель и что теперь из посуды у них, по всей видимости, остались только его походные кастрюльки-миски-кружки. Огорчился, что Светка будет переживать из-за наверняка погибшего сервиза, подарка ее матери на их свадьбу. Попытался вспомнить, уцелел ли компьютер, стоящий на столе у окна. Глядя на повсеместно отсутствующее остекление, порадовался, что не зима.

Из подъезда белым пятном растянутой футболки выскочил Миха — сосед, живущий как раз под ребятами.

— Здорово, Артём, чего это у нас тут шандарахнуло? Война?

Артём уставился ему в лицо, в отсвете пожара сосед казался хищно-азартным, в глазах скакали отсветы, как искры адского пламени.

— Типун тебе на язык.

— А что? Достало уже всё, хоть так.

— Да не, ну что ты, Мишаня, какая война?

— И что же тогда?

Удивляясь собственной растерянности, пожал плечами. Вопрос «что?» он старательно гнал от себя все это время, забивая сознание разной мелочью.

— Ладно, пойдем на проспект, оттуда должно быть лучше видно. Да и дом обойти надо, не горит ли что. Только... — бросил взгляд на домашние тапочки соседа, — обуйся, стекла много.

Мишаня чертыхнулся и бросился домой, Артём неспешно двинулся вдоль дома в сторону первого подъезда. Там, по краю квартала, проходила магистральная улица района — эдакая пуповина, связывающая их пригород с остальным городом. Прямая, многополосная, с центральным газоном, в который понатыканы фонарные столбы, — настоящий проспект. Тянулась в направлении

центра, деля район почти пополам, и с нее должен был открываться примелькавшийся уже вид: по четыре бело-коричневых торца хрущевок с каждой стороны проезжей части, дальше мостик через небольшой ручей и с четверть километра насыпи сквозь пойму, заросшую мелким ивняком, — так и незастроенную болотину. Еще метров двести вверх, к косогору, на котором высились ряды девятиэтажек старых районов. Дальше проспект поворачивал, скрываясь за спинами домов, но с расстояния было хорошо видно, как над крышами старых панелек высились современные четырнадцати- и шестнадцатиэтажные монолиты. А правее, километрах в пяти, взметывался в небо стеклянно-стальной остров делового центра. Дальше, по идее, шел исторический центр, низкоэтажный, пафосный, с закрытыми территориями, кованными заборами, кучей бутиков, кафе и административными зданиями. Но его, понятно, не видно с их окраины.

На что рассчитывать, Артём не знал. Если во всем районе вырубилось электричество, а небо затянуто, ни луны ни звездочки, то возможно, на проспекте темень — глаз выколи, здесь хотя бы пожар подсвечивает. Хотя в душе он все еще надеялся, что, выйдя из-за угла дома, увидит залитые электричеством жилые массивы, где люди, может, даже не проснулись из-за того, что у них тут что-то шарахнуло.

Вышел. Сердце бухнуло и провалилось в желудок. Внутри резко заныло, спина покрылась липким холодным потом, захотелось протереть глаза и проснуться.

Темноты в центре города он не увидел. Впрочем, не увидел и сверкающего электричеством града на холме. На фоне багровых отсветов в небесах ближайшие к нему высотки казались надкусанными пеньками. А дальше только зарево гигантского пожара да изредка взметывающиеся протуберанцы.

В мозгу лихорадочно стали всплывать строки старой инструкции: «*При воздушном взрыве эквивалентом в одну мегатонну зона полных разрушений три целых шесть десятых километра. Сильных — семь с половиной. Уже в десяти километрах погибает только пять процентов населения*». А мы? Сколько у нас погибло? Впрочем, о чем это я! До центра города от дома как раз восемь километров! Значит, не оно?!

Подходили люди и останавливались в оцепенении. Медленно, но их группка росла. Стояли молча, слова закончились. Потом кто-то пробормотал, обращаясь скорее к Вселенной:

— Да что, черт возьми, творится-то?

— А это, молодые люди, скажите спасибо нынешнему руководству химкомбината, — раздался скрипучий с ехидцей голос.

На говорящего стали оборачиваться. Им оказался какой-то старичок, сухенький, в вязаной кофте, несмотря на теплую ночь, и очках с толстенными линзами. Послышались удивленные возгласы, а старик с видимым удовольствием продолжил:

— Двенадцать тысяч кубов... — названия Артём не расслышал, — это вам не комар чихнул! А я говорил нынешнему директору, что «твоя экономия до добра не доведет!» И кто теперь перестраховщик?

— Что-то ты путаешь, старый, химичка вон там, левее, — пузатый бородач неопределенного возраста, в шортах и сланцах, указал рукой, — она вообще за городом, а полыхает-то центр.

— Ничего удивительного, — старик напоминал вредного учителя, — вчера ваши молодчики пальбу устроили как раз у комбината, наверняка в емкость попали. Пошла утечка, разлив... легко испаряется. Ветром как раз к центру и снесло. Что-нибудь искрануло, да хоть трамвай, — и амба. Насчет стрельбы мне вчера вечером Вадимыч звонил, мы с ним почитай двадцать лет вместе на химическом проработали. Он тоже не раз говорил...

Артём ничего не понял. Что там говорил Вадимыч, дослушивать не стал: «Блин, там же Светка одна! Все равно созерцание пожарища ничего не решает». И развернувшись, стал проталкиваться сквозь собравшуюся толпу на выход.

Глава 2 Город. Яснее не становится.

Протолкавшись на волю, Артем был перехвачен Михой.

— Чего там? — с жадным интересом тот вцепился в руку

— Не знаю, — Артём помотал головой, — просто все горит.

— Из-за чего?

— Повторяю, откуда мне знать?! Дед вон один говорит — химкомбинат рванул.

— Да ладно! Дай сам гляну.

И Мишка ужом ввинтился в толпу. Артём даже поразился, насколько ловче это у него выходило, сам-то он проламывался сквозь людей как ледокол, вызывая недовольство и бурчание. Мишаня при том же росте был более худощав и гибок. Из толпы слышалось его «извините», «простите», «мне только спросить». Да, этот без мыла куда хочешь пролезет.

Пока ждал, в памяти всплыл день, когда они познакомились. Миха заселился год назад, новоселье справлял со своими друзьями, такими же молодыми ребятами от двадцати до двадцати пяти лет, повеселились конечно, но без перебора, и всей гурьбой отвалили. А уже около часа ночи, в квартире ребят раздался звонок. С крайне нелюбезным настроением Артем потащился открывать. За дверью обнаружился их новый сосед, который молча изобразил на своей физиономии такую гамму раскаянья и неловкости, подкрепленную жестами рук, что недовольное сердце потихоньку оттаяло.

— Извините, ради бога, я ваш новый сосед с низу. Тут такая засада — ключи потерял, слесаря сейчас не найдешь, а снизу до своих окон мне гравитация допрыгнуть не дает, — глянул в глаза, протянул руку, — я, кстати, Миха.

— Артем, — ответил на рукопожатие. — И что предлагаешь?

— Слушай, у тебя веревки какой-нибудь не найдется? — сходу перешел на «ты» новый сосед, — я от тебя спущусь, у меня на кухне окно не закрыто.

— Какой-нибудь не найдется, а хорошая есть, — буркнул Артем и отступил вглубь, пропуская парня в квартиру. — Только давай я сам спущусь, не в твоем состоянии по веревкам карабкаться.

— Ты про это? — Мишка щелкнул пальцем по горлу, — не дрефь, я же в погранцах на Кавказе служил. Знаешь по каким горам лазили?

Короче, уболтал его тогда новый сосед, а буквально спустя минуту звонок раздался по новой.

— Во-первых, вот документы, чтоб ты был спокоен. Во-вторых, в знак признательности..., — появилась бутылка довольно дорогого коньяка, и коробка конфет. Мишка оказался очень веселым, общительным малым, работавшим торговым представителем в компании замороженных полуфабрикатов. С этого момента и началась их если не дружба, то, как минимум хорошие добрососедские отношения.

— Еще говорят, что мог НПЗ взорваться, хотя версия про химичку мне тоже кажется правдоподобнее, — вернулся из толпы Миха. — Пойдем? А еще я думаю, это не случайность, а теракт. Специально подстроили.

— Да ты что?! Кому такое надо?

— Мало ли? Это же инфоповод! Трагедия, бла-бла-бла, нужно сплотиться! И вот уже вся страна в едином порыве объединяется вокруг текущей власти!

Артём сбился с шага и остановился.

— Как тебе такое в голову приходит? Это ж сколько народу сейчас погибло?!

Миха усмехнулся.

— Ради бабок и не на такое пойти могут. Помнишь одиннадцатое сентября? Известно же, что американцы сами все подстроили!

— Да брось, это не доказано, и тем более при чем тут бабки?

— Власть, Тёма. Власть это и есть бабки!

Ответить нечего, Артём вздохнул, махнул рукой, и они опять зашагали к своему подъезду. В ряду припаркованных машин взгляд выцепил знакомый силуэт Kia: на лобовухе паутина трещин, одного зеркала нет, на крышке багажника кусок кладки из нескольких кирпичей с толстым слоем штукатурки. Артём рефлекторно нащупал в кармане ключи. Нажатие кнопки брелока осталось безответным. Дернул ручку — заперто, открыл ключом. Машина мертва, поворот зажигания не вызвал никакой реакции.

— Куда ты на ней собрался? Вся дорога в поваленных деревьях. Я даже фонарный столб видел, — Миха был ироничен. — Да не зыркай

так на меня, у тебя хоть этот кусок железа остался, может, реанимировать получится. А я свою пару дней назад на «Гарант» загнал.

— Вот блин! — Артём сочувственно вздохнул: станция техобслуживания «Гарант» находилась через забор от химкомбината.

На всякий случай забрал из бардачка еще один налобный фонарик и мультитул, достал из багажника титановую саперную лопату и складную ножовку.

Дверь подъезда хлопнула, на улицу вывалились несколько соседей.

— Здорово, мужики! — Мишка, в отличие от малообщительного Артёма, был на короткой ноге почти со всем подъездом.

— Чего вы тут стоите-выстаиваете? Тушить же надо! — вместо приветствия набросился на них крепкий сухощавый пенсионер Родионыч и махнул рукой на соседний дом.

Артём пожал плечами:

— Чем?

Родионыч зыркнул по сторонам:

— Во, землей! Дай лопату.

— Не дам. Толку никакого. Ты отсюда землю таскать будешь?

— Больно умный, малолетка, — Родионыч посверлил обоих парней безумными глазами, тщетно петушась, потом обернулся к сопровождавшим его соседям:

— Ладно, мужики, нечего тут время терять, там соседи наши погибают!

Ткнул пальцем соседа с первого этажа, возрастного, интеллигентного вида мужчину, в очках, рубашке и растянутых на коленях «домашних» трениках, — Валентин, дуй к первому подъезду, там пожарный щит был. Нужны лопаты, ведра, багор захвати.

— Так я же не донесу все, — Валентин развел руками, — да и замок там.

— Замок сбивай, — в уверенном тоне Родионыча не было ни капли сомнения. — Вон, Федор тебе поможет. Остальные, за мной мужики. Поможем нашим!

И они почесали вокруг дома.

— Дыма не наглотайтесь! — крикнул вдогонку Артем. И добавил уже скорее самому себе, — кто вас откачивать потом будет? Спасатели,

блин.

Миха, промолчавший всю сцену, осторожно кашлянул — Не по-людски все-таки это, — он показал глазами на горящие квартиры и удаляющиеся спины соседей, — помочь бы надо. Сегодня ты поможешь, завтра — тебе.

— Да что я, сволочь конченная? — возмутился Артём. — Но не так же! Это ж чистая самодеятельность! Есть правило, Миша, «*при проведении спасработ не увеличивай количество пострадавших*»! А эти? Он в сердцах сплюнул: — Короче, есть что одеть плотное и не из синтетики? Идеально — брезентуха. На ноги, лучше берцы или керзачи. И налобник. И противогаз, — поймал удивленный взгляд, махнул рукой, — ладно, через десять минут здесь.

Следующие несколько часов Артём провел, бегая по подъездам своего дома. Взламывали квартиры, в чьих окнах чудились отсветы пламени, а когда рассвело — дым.

Для этого заорганизовали троих подростков — двое выглядывали подозрительные окна, один носился с сообщениями: «третий подъезд, второй этаж, левая, похоже на огонь». Тушить не тушили — нечем, старались выводить людей. В паре квартир нашлись жильцы, успевшие угореть от дыма, их вытащили на воздух и даже выкинули в окно тлеющую мебель. В общем, кого-то спасли, но реально нуждающихся в помощи оказалось не столь уж и много. Ну и, конечно, ничего не могли поделать с металлическими дверями, хотя за одной пожар был точно, даже дверь нагрелась. Но на стук никто не открыл: то ли квартира была пустая, то ли хозяевам уже не помочь, а взломать такую дверь решительно нечем.

Артему пришлось проводить ускоренный ликбез, объясняя, что в задымленных помещениях надо двигаться или ползком, или на корточках, иначе можно наглотаться дыма. Кого-то пришлось отправлять назад из-за неподходящей одежды.

Самое страшное оказалось в самой первой квартире. Когда дверь все-таки выломали, прорубив ее маленьким туристическим топориком, оттуда дохнуло настоящим адом. Жар такой, что внутрь никто не сунулся. Выглянувшая из квартиры напротив тетка, ахнув, зажала себе рот обеими руками. Появившийся следом муж — с виду тщедушный мужичонка в майке-алкоголичке — сделал попытку сунуться в огонь. Оттаскивали вдвоем с Мишкой.

— У них же дети малые! — кричал он.

— Держись мужик, им уже не поможешь, — Мишка покачал головой, приобнял мужичка за плечи, заглянул тому в мокрые от слез глаза. — Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это не дать огню распространиться. Надо дверь прикрыть чем-нибудь негорючим. Найдете?

Мужик покивал, его поддержала жена. А парни отправились дальше.

Вернулись уже засветло. Чумазые, с опаленными бровями и волосами. Мишка заявил, что пойдет спать, просил не дергать без серьезных причин. На вопрос: «И ты после всего, сможешь уснуть?», ответил просто, пожимая плечами:

— А чего рефлексировать, без толку? Что-то изменишь? А так, как говорится — Вдруг война, а я уставший!

Подмигнул, пожал руку и скрылся за дверью своей квартиры. Обычной, филеночной, установленной наверно еще при строительстве дома, что Артем отметил на автомате, «Ну вот, если что — вынесу в два счета, напрактиковался».

Светка мирно спала, свернувшись в позе эмбриона на раскиданных спальниках. Стараясь не шуметь, разулся. Но когда стягивал с себя подпаленную горку, на плечи легли нежные пальцы.

— Привет! Ну как, ты всех спас?

Обернулся, заключил в объятия прильнувшую к груди жену:

— Конечно, дорогая, мы всех спасли, — не смог выдавить из себя правду.

— Иди мойся, я пока завтрак приготовлю. Ты же устал, наверно? Ой, — Светка прыснула в кулачок, — а у тебя брови сгорели! Какой ты смешной!

— С «помыться», солнышко, кажется, не выйдет. Воды нет.

— Да? Ну вот наконец-то твой дурацкий запас пригодится, зря я, что ли, об него себе все пальцы на ногах поотбивала?

Светка имела в виду пять пятилитровых баклажек и упаковку литрушек питьевой негазированной воды, что Артём держал под кухонным столом, обновляя раз в пару-тройку месяцев.

— Давай побережем питьевую воду, хорошо? Я потом к ручью схожу, умоюсь.

Он сделал попытку поцеловать жену, но та стукнула его кулачком по груди, извернулась, погрозила пальчиком:

— Ну нет, мой муж за стол чумазым неумывайкой не сядет, — она протянула влажные салфетки. — Чего хочешь на завтрак?

И когда только успела их найти в этом бедламе!

— Давай съедим то, что в первую очередь может пропасть.

— Кстати, не знаешь, света долго не будет? А то в морозилке пельмени раскиснут.

—Светик, света теперь не будет долго. Мы их с тобой пожарим на сливочном масле, пока оно тоже не крякнулось. И давай съедим сырники. Сейчас горелку настрою.

— А что, и газа тоже нет? Ужас какой! — Светка подошла, крепко-накрепко прижалась к нему, посмотрела снизу-вверх в глаза, спросила шепотом, — Темочка, ты ведь расскажешь мне, что случилось?

Он с нежностью провел костяшками пальцев по щеке жены, оставляя грязные разводы

— Обязательно, родная, дай я только себя в порядок приведу

— Конечно-конечно

Жена отлепилась, пошла хозяйничать на кухню, оттуда донеслось:

— Ой, мамин сервиз. Как же я ей расскажу...

У Артема защемило сердце, перед мысленным взором встала картина горящего города, потом вспомнил, как Светка первый раз привела его знакомиться со своими родителями. И будущий тесть, хвастающийся видом на исторический центр с 11 этажа. Да как же ей сказать то?!

В дверь постучали. Вернее, до Артёма дошло, что в дверь уже некоторое время кто-то еле-еле стучится. Явно не Мишаня, тот вполне мог бы сразу вломиться: «А что? Если вы заняты чем-то, для посторонних глаз не предназначенным, так запирайтесь. А коль не заперто, так чего возмущаетесь?».

Дверь, кстати, оказалась не заперта. На пороге стоял сосед по лестничной площадке:

— Привет, Саня, чего тебе?

— У вас воды нет? У нас малой раскричался, кормить пора, а вишь как — краны сухие.

К Сане Артём относился снисходительно. Тот был на пару лет моложе, но уже обзавелся изрядным пивным брюшком и тещей-склочницей в придачу с рассадой и дачей, в которую, судя по разговорам, вколачивал весь свой бюджет. Недавно у них появился первенец и, судя по всему, кормили его в основном смесями. То ли у матери были проблемы с грудным молоком, то ли берегла фигуру: что-то такое Светка рассказывала, но Артём, конечно же, пропустил мимо ушей. Мало ли у кого какие проблемы, почему это должно его интересовать?

Мелькнула мысль сказать «нет». Даже успел отрицательно помотать головой, но что-то задержало. Прикинул. Без излишеств, вдвоем, смогут обойтись пятью литрами в сутки. Ну а за два-три дня что-нибудь решится.

— Погоди...

Прикрыл дверь, сходил на кухню, вернулся и протянул пятилитровку.

— Больше не дам, у самих в обрез, расходуйте экономно, воды в кранах теперь долго не будет.

— Думаешь, надолго?

— А ты на улице был? Не видел, что там с центром?

— Не, куда там, мало́го ели успокоили.

— Нет там больше никакого центра. Вот так. Так что воду, свет и газ давать нам некому. Может, воду привезут в цистернах, но я бы не рассчитывал.

— А что случилось-то?

— Да кто знает? Одни догадки.

— Ладно, спасибо за воду.

— Подожди еще. Ты воду на чем греть собрался?

— Что? — Александр, успевший повернуться, схватился за голову. — Точняк, газ тоже тю-тю. Бли-и-и-ин...

Опять развернулся к Артёму, растерянно хлопая глазами. Эх, и что с ними делать!

— Ща, не уходи.

Снова прикрыл дверь, сходил в комнату, осмотрел свои запасы. Выбрал горелку с раскладными лапками и шлангом, прикрутил газовый баллон на четыреста пятьдесят миллилитров, вернулся.

— Держи. Вот пьезоподжиг, вот регулятор. Разберешься?

— Спасибо. А вы как?

— У меня еще один есть, не переживай, — успокоил его Артём. Потом добавил с нажимом: — Экономьте. Как бы мебелью не пришлось топить.

У Сани округлились глаза, он пробормотал что-то нечленораздельное и отправился в свою квартиру. Артём постоял немного в проеме двери, прислушиваясь, закрыл дверь и вернулся к Светке.

— У них ребенок мелкий, — как бы извиняясь, развел руками.

— Конечно, милый. Ты правильно поступил. Тебе сырники со сметаной?

Завтрак проходил в молчании: жена ничего не спрашивала, а Артём так и не нашел в себе сил начать разговор.

Света была домашней девочкой и к родителям очень привязана. Он до сих пор порой удивлялся, что девушка из семьи рафинированных интеллигентов могла найти в таком простом парне? Когда она ответила согласием выйти за него замуж, он в ближайшем походе полночи не дал Владу уснуть, изливая душу.

— Посмотри на меня, я же простой складской работяга. Не инженер, не музыкант, не искусствовед, как ее мама. Я не тащусь от этих, как их там, импрессионистов, и ни фига не понимаю в классической музыке. Что я могу ей дать? Обсудить какую-нибудь симфонию? Я Баха от Бетховена не отличу. Не хожу на концерты и выставки, меня не тянет ехать в Рим, рассматривать старые развалины. Мне милей вот, — он обвел рукой ночной лес, обступивший островок дрожащего света со всех сторон.

Влад понимающе усмехнулся в усы:

— Знаешь, я тоже не психолог, но жизнь повидал. Мне кажется, она нашла в тебе то, с чем дефицит в их, как ты говоришь, рафинированной среде, — он сделал нарочито длинную паузу, прихлебывая из закопченной кружки неизменный кофе, который пил даже на ночь, — надежность. Ты надежный, уверенный в себе мужик, за спиной которого уютно и спокойно. А симфонии, как я тебя понял, она на работе обсуждает.

Артём судорожно вздохнул:

— Все равно. Нам же ее родители жить не дадут. Мы когда к ним приходим, я себя забавной зверушкой чувствую. Все жду, когда они ей

скажут: «Хватит милая, наигралась, перебесилась, бросай своего грузчика, пора тебе нормального мужа поискать, из наших. Есть у отца на работе один скрипач... или пианист».

Влад хохотнул:

— А ничего, что ты не грузчик, а начальник смены?

— Ты думаешь, для ее родителей это не одно и то же?

— Артём, — включилась Вера, — ты на Светке женишься или на ее родителях? Вот и перестань паниковать, я тебя прям не узнаю. Зачем тогда предложение делал?

Вот Вера, по Артёмову мнению, была идеальной женой выживальщика. Влад познакомился с ней еще на службе, когда та работала в госпитале. Верная, надежная подруга и в походе, и в жизни. И обед приготовит, и рану, если что, перевяжет, и с ноги в ухо вполне может. При этом весьма миловидная и стройненькая.

— Если честно, я даже не надеялся, что согласится. Для меня это все равно что... — замялся, подбирая сравнение, — все равно что мечтать стать президентом. А тут раз, и соглашается. Я даже не знаю, что мне делать!

— Делать? Вести под венец и перестать грузиться негативными мыслями, — Влад подмигнул, — и нам спать не мешать, а то завтра надо верст двадцать отмахать.

Вера встала, отряхиваясь, сделала шаг и потрепала Артёма по волосам:

— Но в Рим тебе все же придется съездить. Или во Флоренцию. Надежность надежностью, но маленькие радости своим любимым доставлять надо, раз уж решил мужем назваться. Ничего, перебьются местные комары без твоей крови недельку-другую. И пусть это будет сюрприз.

К удивлению и несказанному облегчению, родители отнеслись к Светкиному выбору с уважением, отношения вполне наладились. Может, с тестем он и не ходил на рыбалку или в походы, а тещу не называл мамой, но у себя дома они принимали зятя весьма радушно и, кажется, радовались за дочь.

О своих родителях он не беспокоился. Мать долго болела, ему даже отсрочку от армии сделали по уходу за больной. Когда он учился уже на пятом курсе, умерла, а отец через полгода женился по новой, причем на материной подруге. Простить такое сын не смог и по

окончании института рванул к приятелю в другой город, да так тут и остался. С тех пор отца ни разу не видел, вот сейчас только вспомнил.

— Кстати, хозяюшка моя, у нас пустые пластиковые бутылки есть?

Завтрак подходил к концу, и, наблюдая, как супруга наливает из баклажки воду для чая в стоящую на огне кастрюльку, Артём внезапно вспомнил о многотопливной горелке.

— Схожу, из машины бензин солью, пока это кто-то другой не сделал.

— А мы что, на ней пока ездить не будем?

— Пока нет.

— Жалко, я так люблю нашу машинку.

Эх, женщины! Мир летит в тартарары, а вам лишь бы муж был сытый да привычные вещи под рукой. Ладно, для того у вас есть мы, мужчины, чтоб все остальные заботы брать на себя.

Когда Артём появился на улице снова, рассвело окончательно. Квартиры напротив уже не горели, из некоторых продолжал валить дым, следы пожара в других оставались заметны только по копоти вокруг окон. На удивление, улица казалась безлюдной. Видимо, тот народ, что подорвался ночью, как Артём с Михой, уже отправился отсыпаться. А кто проспал все события, еще не выходили, с удивлением разглядывая перемены во внешнем облике района из разбитых окон.

Со стороны проспекта доносился какой-то гомон. Подойдя ближе, Артём увидел группку мужчин, что-то отчаянно обсуждавших. Подошел, поздоровался. Некоторых знал, кого-то просто видел, человек десять относительно активных соседей. Они обступили худощавого мужичонку лет за сорок, который жадно прикладывался к пластиковой бутылке и в перерывах пытался что-то рассказать, перемежая речь матюгами и жестикуляцией. Мужичок был одет в хэбэшный камуфляж, сейчас сильно обгоревший, местами даже еще дымившийся; короткие рыжеватые волосы закурчавились от жара, на лице и кистях рук виднелись ожоги.

— Короче, дальше ручья хода нет. Жарит — мама не горюй, что в печке у Яги. Я хотел по воде поближе подобраться, глянуть, ну как там да чего. До моста еще можно, а дальше писец.

По словам Славуна, так звали «разведчика», полыхать начинало со старого района, где среди девятиэтажек еще умудрялись сохраняться островки частного сектора, сейчас добавлявшие огоньку. Но ближе к району огонь не подобрался: на склоне гореть нечему, а пойма ручья все ж болотина — пока жар ее не высушит, можно не сильно беспокоиться.

С рассветом, гонимый то ли любопытством, то ли гражданским долгом, Славун оседлал верного железного коня о двух колесах и попылил на разведку. Человек, тертый жизнью, оделся в плотное хэбэ, замотал лицо тряпкой и вылил на себя полведра воды. Одежда высохла еще на подъезде к мостику.

— Так жарит, мужики, аж трындец: дыхалку перехватило, чую — кожа на лбу трескается. А потом взорвались шины. Насилу ушел, думал, вот тебе, Слава, и карачун пришел. Мостик, кстати, мужики, просел. Не обвалился, но одна плита провалилась, теперь там чисто, как на жэдэ переезде порог, и всё, приехали.

— Не видел, вода в ручье осталась?

— Бляха... вот не посмотрел, трындеть не стану. Воды не видел. Мож, посохла вся, а мож, просто обмелел ручей.

Глава 3 Город. Варианты?

Артём дальше слушать не стал, ибо опять начались рассуждения, что же могло случиться. Тратить на это время посчитал бессмысленным, вернулся домой, где Светка громыхала на кухне, разбираясь с завалами из посуды и мебели. Взглянула на вошедшего мужа выжидательно и, не дождавшись ответа, вернулась к уборке. Артём же добрел до спального угла и рухнул на пол. В голове носился хоровод невеселых мыслей. Почему-то вспомнилась фраза, задумчиво высказанная молодым парнем лет двадцати пяти, когда во всеобщем офигевании первый раз таращились на полыхающий город: «Судя по всему, на работу мне завтра не надо».

Да я и так в отпуске. Сделалось до боли обидно, захотелось крикнуть в пространство: «Вы что, два-три дня не могли потерпеть? Мы бы уехали, и тогда взрывайте что хотите!».

Сознание как будто разделилось. Что будешь делать, Артём? Ведь это то самое, к чему так готовился. И вот случилось, радуйся: теперь всем, кто над тобой смеялся, можно расхохотаться в лицо, говорила одна часть Артема, умная, рациональная. Что-то не хочется, отвечала другая его часть. И снова зудил первый: чего же ты сидишь? Почему еще не собран, зачем Светка разбирается на кухне? По плану при ядерном ударе вы уже должны были покинуть город и быть на полпути к убежищу. Да с чего ты решил, что это ядерная война? Второй: это же химкомбинат рванул. Или нефтепереработка. Или оба разом. Кто-нибудь видел гриб? Или пожары? От светового излучения должен был лес загореться, и где? Первый: а то, что куски кирпичной кладки с крыш посрывало у нас, в восьми километрах от центра, и вся электроника вырубилась — это тебе ни о чем не говорит? Или тебе надо, чтоб по трансляции президент выступил? Второй: Так проводную систему оповещения сняли еще лет пять назад. Если прав тот дед и сначала был разлив чего-то взрывоопасного, а потом испарение и перемешивание с воздухом, то это гигантский объемный взрыв, представляешь силу? ТЭЦ стояла рядом с химиками, вот и нет электричества. Небось, и все подстанции накрылись.

А если все-таки оно? И что тогда? Вот приедут военные: «выходи строиться на эвакуацию, с собой маленький узелок личных вещей» — что делать будешь? «Дяденьки, отпустите меня, у меня есть свой бункер»? Ага, и получишь: «сообщите координаты, спасибо за проявленную сознательность, он очень пригодится... а теперь — марш в автобус, и не отсвечивай». Эх, опять отвечало альтер эго, если эвакуация начнется, то все вопросы отпадут. Вот тогда и ломанемся со Светкой, не думаю, что вокруг района будет кольцо непроходимое. Это же эвакуация, а не отлов преступников.

А какие вопросы у тебя еще остались? Ждешь, пока дозу хапнешь побольше? Или тебе нужно, чтоб Влад дал распоряжение? Влада нет, и Веры нет. Они жили как раз там. Ну, там, в общем, где сейчас филиал ада.

Да, черт побери! Да! Если бы сейчас открылась дверь, вошел Влад и сказал: «Собирайся боец, наше время пришло», Артём не секунды не колеблясь схватил бы рюкзак... Кстати, где он? Поискал глазами, мысленно выругался. Рюкзаки, его и Светкин, лежали в углу комнаты, конечно же полупустые. Особенно его, после крайнего (или теперь все же последнего?) тренировочного выхода в лес. КЛМН (кружка, ложка, миска, нож) в мойке, пришлось использовать, поскольку остальная посуда побилась. Оба спальника они подстелили себе на пол вместо матраса, до сих пор торчащего в окне. Пенки вместе с самонадувайками там же. Вся электроника: навигатор, рации, фонари — все на зарядке, в оружейном сейфе. Впрочем, какая на фиг зарядка? Электричества же нет. Ходовая одежда частью в стирке, частью по шкафам. Собирались же на море, а не в лес. Короче, рюкзаки надо собирать заново.

Светка неслышной тенью опустилась рядом; смешно морщась, попыталась сдуть челку, лезущую в глаза. Не получилось. Он аккуратно убрал, провел рукой по волосам, привлек, поцеловал.

— Не прижимайся, я вся пыльная, — уперевшись кулачками ему в грудь, отстранилась, — у нас там просто армагеддон какой-то, вся посуда вдребезги. Кстати, так ты расскажешь, что у нас тут случилось?

Она нахмурилась, посмотрела искоса, толкнула плечом:

— Только не вздумай говорить, что случилась эта ваша ядерная война и на нас со всех сторон лезут мутанты.

— Да, — хрипло выдавил Артём, кивая.

— Что «да», милый? Мутанты?

Он прочистил горло, собрался с силами. Господи! Ну почему в книгах и фильмах все всегда всё понимают по лицу? Почему не в жизни?! Тогда бы не пришлось сейчас из себя выдавливать правду. Потом взял супругу за плечи и, глядя в глаза, проговорил, как в прорубь прыгнул:

— Я на самом деле точно не знаю, что произошло. Был большой взрыв. Сейчас весь город горит. Похоже, уцелел только наш район, огонь через ручей не перекинулся.

— Как горит? — все еще продолжая улыбаться, спросила недоверчиво

Ее лицо на глазах преображалось. Погас веселый блеск в глазах. Растянутые губы съеживались, стирая улыбку. На смену приходила растерянность.

— Это шутка такая?

Он отрицательно помотал головой.

— Подожди. Что ты такое говоришь? А как же...

Замолчала, не найдя в себе сил выговорить. Тогда сказал он:

— Родители?

Ее большие серые глаза стали наполняться влагой, и вот уже первая капля прокатилась по щеке, пробивая себе блестящую дорожку. Губы, минуту назад улыбавшиеся, задрожали.

Он опять покачал головой:

— Прости родная, но...

Мягкая ладошка накрыла его рот, затыкая, не давая вырваться наружу словам.

— Не говори, нет. С ними все хорошо, я знаю. Я бы почувствовала.

Она отвернулась, съеживаясь, сжимая руки между коленями. Потом снова взглянула на мужа невидящим, обращенным внутрь себя взглядом.

— Н-нет, это не может быть правдой.

У Артёма сильно сжалось сердце. Да лучше бы она заставляла его что-то сделать, ругала, обвиняла в недостатке мужества.

Он обнял жену, крепко прижимая к себе, зачем-то принялся говорить какую-то глупость: дескать, да, родная, еще ничего не известно, они высоко и огонь до них не дотянулся. И вообще,

современные дома полностью бетонные, гореть в них нечему, и чуть позже он обязательно сходит и выручит ее родителей.

А перед мысленным взором стоял обожженный Славун, полыхающие дома за ним и ощущаемый спиной поток воздуха, дующий в направлении пожара. Читал о таком — огненный шторм, когда большой пожар начинает работать по принципу печи: нагретый воздух над пожаром улетает вверх, а на его место со стороны подтягивается свежий, раздувая огонь еще больше. Температура в центре города сейчас такая, что надежды никакой.

Сколько они бы так просидели, неизвестно. Но в дверь сначала энергично постучали, а потом она и вовсе открылась.

— Хозяева!

Светка отстранилась, начала вставать. Из-за дверного косяка в комнату заглянула Мишкина голова. Он был взъерошен, с оставшимися следами сажи.

— Проходи, — Артём махнул рукой, — только у нас тут вот. И показал на обломки шкафа, разбросанные вещи.

— Да не парься, у всех так же.

Сосед появился полностью. Взглянул на Светку, потом внимательно на Артёма, потом опять на Светку.

— Слушай, Тёмыч, мы тут за водой собрались, составишь компанию?

Мелькнула мысль, что вода пока есть, да и свободной тары после слива бензина с машины в доме не осталось. Но он ухватился за малодушную возможность сбежать из дома, отвертеться от дальнейших объяснений. Или, по крайней мере, отложить их на какое-то время.

— Ага, сейчас. Свет, нам же нужна техническая вода?

— Какая?

— Ну там умыться, посуду помыть? Чтоб питьевую не тратить.

— Конечно, родной, — немного вымученно улыбнулась жена. — Ты же как раз собирался отмыться. Возьми тогда с собой гель и полотенце.

Уже выйдя из квартиры, толкнул соседа в бок, заговорщическим тоном спросил:

— Слушай, Мишань, у тебя свободная тара есть? У меня просто вся заполнена.

— Найду что-нибудь.

Перед дверью своей квартиры Миха вдруг слегка сконфузился:

— Только ты не мог бы подождать здесь? Я, понимаешь, не один...

— Когда же ты успел?!

— Да еще вчера, до всего этого. Подцепил в «Трех пескарях».

Артём понимающе усмехнулся — Мишаня был тем еще ходоком. Буквально через пару месяцев знакомства Артём перестал даже пытаться запомнить внешность и имена девиц, которых видел в компании соседа. На вопрос «когда же ты остепенишься?» Миха обычно отвечал, что как только встретит ту единственную, а сейчас он в поиске, как говорится, «методом простого перебора вариантов». В начале Артём немного напрягался из-за Светки. Но к чести соседа, тот, видимо что-то почувствовал и как-то заявил, что он — не козел, а жены и подруги его друзей — святое. Светка, со своей стороны, эту особенность их знакомого восприняла спокойно, сказав, что девицы, выходящие по утрам из квартиры под ними, взрослые, дееспособные, и на обманутых наивных дурочек не похожи. Так что эта сторона чужой жизни ее не касается.

У подъезда ждали еще двое. Василия Федоровича, сухопарого мужчину лет шестидесяти, Артём знал: тот жил в их подъезде, на верхнем этаже, при встрече здоровались, но и только. Второго, такого же возрастного дядьку чуть помассивнее Федорыча, он тоже видел, знал, что живет в их же доме, но знаком не был.

— Кирилл, — представился незнакомец, обменялись рукопожатиями. — Пошли?

Вчетвером они пошагали вдоль дома в противоположную от проспекта сторону. Гроздья пустых баклажек в руках погромыхивали в такт шагам. Некоторое время шли молча, потом новый знакомый заговорил.

— Артём, Михаил говорит, что ты специалист по выживанию, так?

Артём глянул на Миху, тот пожал плечами: дескать, а что такого?

— Вроде того. В природной среде.

— Это в лесу, что ли?

Артём молча кивнул.

— Ну, у нас тут не лес, слава богу, а самая что ни на есть городская среда. Впрочем, неважно. Что думаешь по поводу всего

этого? — он крутанул пальцем над головой, как бы показывая на окружающее.

Артём пожал плечами:

— А что я должен думать? Я не знаю, что произошло, говорят, техногенная катастрофа.

Кирилл, не сбиваясь с шага, посмотрел не него долгим, внимательным взглядом:

— Я тебя не о причинах спрашиваю. О них нам потом расскажут. Или внуки в книжках прочитают. А может, и не узнаем никогда, неважно. Сейчас важнее — что делать дальше, а, выживальщик?

— Выживать, — буркнул Артём.

Кирилл посмотрел на Мишку, обменялся взглядами с Василь Федоровичем, остановился.

— Слушай, парень, что я из тебя слова тащу, как клещами. Не хочешь помогать, так и скажи: мужики, идите лесом. Только сначала послушай меня. Старая жизнь нынче ночью пошла коту под хвост. И есть у меня большое сомнение, что кто-то о нас обо всех сейчас думает. А у нас здесь семьи, дети, у некоторых уже внуки. Им, как ты правильно заметил, нужно выжить. Как минимум до того момента, когда власти вспомнят. Как максимум...

Он отвел глаза, сплюнул:

— Люди пока не пришли в себя, тихарятся по домам. Продукты у большинства есть. Вот только что будет, когда они поймут, что в магазин за хлебом метнуться не получится. А кушать тем не менее хочется.

— Погоди, ведь магазины, по крайней мере на районе, уцелели. Почему не получится?

— А ты ходил, проверял? Сейчас сколько времени?

Артём глянул на часы:

— Ух ты! Половина первого!

— Вот именно! Ни один не открылся! Думаешь, чего я вас за водой потащил? И потом, на сколько их хватит? За день-два все сожрут, а что дальше?

— Ну это ты зря, Кирилл Вячеславич, в нашем торговом центре запасы большие, я же в пищевке работаю, видел их склады.

— Какие бы склады большие ни были, Миша, а они конечные.

— Продукты ерунда, — буркнул Артём, — за неделю никто не умрет. Вода! В первую очередь нужно подумать о воде.

Кирилл снова взглянул на Артёма:

— Вода?

— Конечно. Какая норма потребления воды в сутки? От двух до трех литров, если точнее — тридцать миллилитров на килограмм массы тела в день. Физиологическая норма.

Увидев непонимание в глазах, пояснил:

— Это простое восполнение суточных потерь организма, меньше — будут проблемы.

Федорыч и Кирилл спросили хором:

— Какие? Как быстро?

— Сначала сухость и резь в глазах, потом появится чувство голода. Дальше хроническая усталость, потеря мышечной массы, боли в суставах, головная боль. Потеря двадцати процентов влаги — смерть.

Мужики переглянулись:

— Вот блин!

— Кстати, сейчас лето, дни жаркие, увеличивайте расход. А теперь задумайтесь, сколько у большинства воды дома? Думаю — полчайника и бачок унитаза, если еще не спускали. Может, кому-то повезло и в морозилке лед намерз, который сейчас активно тает.

Федорыч хлопнул себя по лбу:

— Вот ведь! Представляете, а моя заявила: «Ну и хорошо, я как раз морозилку разморожу!». Мелкий сейчас эти куски в ванну носит. Черт, вернуться, сказать, чтоб собрали куда?

— Да ладно, не надо, и так за водой идем. Я просто хотел обрисовать картину, чтоб понимали. В конце концов, у нас ручей под боком и до реки относительно недалеко. Не в пустыне — не пропадем.

— Ну что ж, — протянул Кирилл, — вот ты уже и помогаешь. Как видишь, это несложно. Значит, сейчас разведаем, где можно набирать воду, организуем доставку к домам. Эх, надо бы цистерну найти, но только небольшую, чтоб ее можно было в рукопашную таскать.

— Скажите, Кирилл, — начал Артем, тот его перебил.

— Можно на «ты», не до церемоний, одно дело делаем

— Хорошо. Скажи, Кирилл, вот ты организуешь доставку воды. Дело хорошее, народ, сидящий по своим норам, наверно, даже скажет тебе спасибо. Потом еще дрова...

Опять непонимающие взгляды, снова пришлось пояснять:

— Воду надо кипятить, пить сырую из ручья или реки я бы не советовал. Тем более сейчас. Но ты же, наверное, и централизованное распределение продуктов решишь организовать, ведь так?

— Придется.

— А как ты это представляешь? Вот смотри, привез ты бочку воды, тележку дров. Кстати, автомобильный прицеп вполне и под воду подойдет, если достаточное количество пустых пятилитровок найти. Народ выстроился в очередь, разобрал. Но как только ты заявишь, что наложишь лапу на продовольственные запасы, тебя тут же спросят: «На каком основании? Ты кто такой, чтоб решать, кому сколько еды?».

— Вот ты уже и правильные вопросы задаешь. Все же не ошиблись мы с тобой. Да, мозговали над этим. Придется общее собрание проводить и выбирать что-то вроде комитета. И чтоб все проголосовали. Тогда ни одна тварь не скажет: «Кто ты такой?». Но без этого никак!

И Кирилл рубанул воздух ребром ладони. Артём вздохнул. Собрания он не любил, считая пустой говорильней, в которой побеждает не тот, у кого лучше аргументы, а тот, кто глотку дерет громче. Но спросил другое:

— Ну, хорошо, предположим, провели вы собрание, угробили кучу нервов и времени, чтоб убедить всяких горлопанов, что вы — это то, что нужно. Организовали комитет, начали обеспечение водой и дровами, даже на контроль продуктовых запасов добро от людей получили... А буквально завтра-послезавтра появляется здесь колонна, присланная для помощи, вам говорят: «Спасибо, но теперь мы сами». Что делать будешь?

— Сдам полномочия, выдохну и встану в ту же очередь. Ты пойми, я не боюсь показаться глупым перестраховщиком, я не хочу оказаться мертвым... В общем, ты понял.

К воде пришлось продираться через кустарник, расширять бочажок, чтоб набрать в пятилитровку, ждать, пока смоет муть, и все равно Артём посоветовал воду перед кипячением профильтровать через ткань. Потом еще Кириллу приспичило найти место, где можно подкатить прицеп. В итоге экспедиция затянулась и вернулись к дому весьма нескоро.

У подъезда Мишаня придержал приятеля за рукав

— Ты какой-то смурной, — всмотрелся в лицо, — причем чем ближе к дому, тем мрачнее. Дома что-то?

— Да... — Артем мрачно поморщился, — Светке пришлось рассказать. Про остальной город. А там же ее родители! Короче...

Недоговорив, махнул рукой.

— И поперся с нами?! Ну ты даешь! Надо было послать меня с этой водой, я бы понял.

— Ну я же не просто так с вами гулял. Мы же делом занимались!

— Слушай, мы все вменяемые. Мужики так вообще — семейные, не то, что я, балбес. Сходили бы одни, о делах поговорить и позже можно, за час-другой ничего не изменится. Это же жена! Мало того, что рассказал о смерти родителей, так и смылся вдобавок. — Миха покачал головой. — И я, хорош! Вижу, что фигня какая-то, у тебя жена в слезах, нет чтоб спросить, что происходит!

— Да она, похоже, не верит. Может так лучше. — стал оправдываться Артем.

Мишка положил Артему руку на плечо.

—Нет дружище, не лучше, правду надо рассказать. Да она у тебя и сама, девочка умная, догадывается. Просто пока не может смириться. Но ты, — ощутимо ткнул его пальцем в грудь, — должен ее поддерживать.

— Да что я, не поддерживаю что ль?

— Ага, я вижу, как. Давай, домой, и — к исполнению супружеского долга приступить

Артем в изумлении уставился на приятеля

— Поддерживать, выслушивать, успокаивать, подставлять плечо чтоб было где всплакнуть. Являть собой зримую опору и стенку, за которой можно спрятаться от невзгод. — начал перечислять Мишка. Подмигнул, — А ты о чем подумал?

— Тебе то откуда знать, — буркнул под нос Артем, уже отвернувшись, и поднимаясь по лестнице. Мишкину усмешку вслед он уже не увидел.

— Милая, я дома. Теперь у нас есть чем умываться и посуду помыть, — он сгрузил в коридоре принесенные баклажки.

— Я здесь, — раздалось из комнаты.

К его удивлению, за прошедшее время Светка, оказывается, весьма много успела сделать. Небольшие обломки мебели свалены в

углу, платяной шкаф, освобожденный от содержимого, поднят вертикально. Валяющиеся вещи по большей части сложены в несколько стопок. Комната начинала снова приобретать уют.

Артём украдкой присмотрелся к жене. Она сновала по комнате, сортируя вещи, деловитая, вроде даже веселая, слез не видно. Ну и слава богу! Увидев входящего мужа, распрямилась, утерла лицо о плечо выпрямленной руки, дунула на лезущую в глаза прядь.

— Ты ополоснулся? — поинтересовалась заботливо.

— Просто умылся. Там берега сильно заболоченные, да и мужиков задерживать не хотел. Ты за меня не переживай, я в походе, бывало, неделями не мылся.

Светка прыснула.

— Вот успокоил! Я за себя переживаю! Неделю с немытым мужчиной! Бр-р-р!

— Ну, я принес воды, можем помыться.

Жена подошла, приподнявшись на носочках чмокнула мужа.

Как-то за делами незаметно подкрался вечер. Перед ужином устроили романтическую помывку — при свечах, пристроенных на стены. Артём подогрел воды в широкой кастрюле, из которой и поливали друг друга походной кружкой, забравшись в ванну вдвоем. Романтика подзатянулась, ужинать пришлось при тех же свечах. На улице смеркалось, к тому же окно кухни пришлось затянуть запасной шторой от ванны, а батарейки в фонарях Артём предложил поберечь.

Наконец в дрожащем свете единственной свечки Светка сервировала столик. А потом, неожиданно для Артёма, подошла и присела к нему на колени. Мелькнула мысль, что супруга решила продолжить романтику, но она заглянула в глаза и спросила без нотки игривости:

— Скажи мне, муж, что с тобой происходит? Только не надо считать меня маленькой дурочкой. Конечно, очень приятно, что ты стараешься уберечь меня от всего. Но иногда лучше сказать правду. Ничего, я вообще-то уже большая девочка и выдержу. А сейчас ты как будто не со мной, не здесь. Тебя что-то гнетет, я вижу.

— Если честно, я в раздрае, — Артём тяжко вздохнул, — по всем планам, что разрабатывали с Владом, мы уже должны были уйти.

— Куда?

— У нас с Владом есть убежище. Помнишь, я рассказывал? Его начали оборудовать, когда мы с тобой еще не были знакомы.

Светка пожала плечами

— Это какой-то ваш шалаш в лесу?

— Шалаш? — Артём даже усмехнулся. — Нет, родная, это далеко не шалаш. Дело в том, что Владов дед — лесник, его кордон в тридцати километрах отсюда, в стороне от дорог и деревенек, глухомань глухоманью. Так вот, километрах в десяти от его домика была заброшенная, полуразвалившаяся землянка. Чья — непонятно, Влад еще в детстве нашел. Место удобное: скрыта от случайного взгляда, рядом родник, в километре река. Мы ее расширили, углубили, отремонтировали. Выкопали второй этаж вниз. Запасов, конечно, натащили. Короче, сейчас это полноценный бункер, хорошо замаскированный и оборудованный.

— То есть ты предлагаешь уходить?

Артём надолго замолчал. Света терпеливо ждала, не теребя с ответом. Наконец выдохнул:

— Я не знаю, — сжав голову руками, как будто боясь, что она разорвется, как гнилая перезревшая тыква: — Не знаю!

Продолжил уже тише:

— Понимаешь, для меня, если честно, вся это выживальщическая тема была как... — замялся, пытаясь подобрать слово, пощелкал пальцами, — ну не игра конечно, скорее вот — хобби! Влад, тот на полном серьезе относился. И Вера, конечно. Они бы сейчас не сомневались ни минуты, а я... Раньше все казалось логично: бабах — ядерный взрыв! Или... Он иронично улыбнулся: — Инопланетяне. Кругом паника, неразбериха; те, кто посильнее, топят слабых. В смысле отбирают у них еду, шмотки. Кругом разруха, в общем — апокалипсис, версия двадцать первого века. Тогда все просто и понятно: Влад на своем монструозном джипе заезжает за нами, мы все вместе едем, отстреливаясь от обезумевших толп, к дедову кордону, там маскируем машину, пешочком в бункер и закупориваемся. А сейчас?

В горле пересохло, он отпил чаю, продолжил:

— А сейчас бабах — и? Что это, ядерная война? Теракт? Просто безалаберность, приведшая к техногенной катастрофе? Как понять? Ни тебе паники, ни мародеров, от которых отстреливаться надо. Вдруг мы

сейчас уйдем, запремся в бункере, запасов у нас там на год, это на четверых. А завтра или послезавтра — раз, и въезжает в город колонна спасателей, над головами вертушки летают, по мегафону просят сохранять спокойствие. Разворачиваются госпитали, пункты горячего питания, вода в цистернах.

Он даже явственно увидел, как это будет: на улицах люди в ярких комбинезонах, плачущие жители с наброшенными на плечи пледами — какая-то штампованная муть из телевизора.

— А теперь представь, — Артём даже хохотнул, правда, смех вышел нервным, — выходим мы такие через годик-другой из лесу. А тут уже и город отстроили, жизнь идет обычная. Нас из квартиры выселили, с работы уволили, вообще числимся среди мертвых. Документы восстанавливаем, и тут ко мне из банка: «Так вы живой? А у вас за ипотеку год просрочки!».

— Ага, — включилась Светка, — выходим мы заросшие, оборванные, у тебя борода до пояса, встречаем бабку: — Бабка, немцы в городе есть?

— Да не, ну какие немцы? Ты о чем? И борода за год так не отрастает.

— Ладно, — жена щелкнула его по носу, — проехали. А если не теракт? Если все-таки то, к чему вы готовились? И сегодня это только прелюдия. А завтра тебе и мародеры, и беспорядки, и что там у тебя по списку?

Артёма резануло, вспомнил. Ну конечно, было дело. Они как раз копали второй этаж в будущем бункере, и в перерыве зашел разговор. Что послужило поводом, он уже и вспомнить не мог. Когда Влад, развалившись на подстеленной пенке и задумчиво вертя в пальцах сорванный стебель, вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Слушай, Тём, а что ты знаешь о Варшавском гетто?

— Это где немцы во время Второй мировой почти всех евреев уничтожили? — пожал плечами. — Да только это и знаю. Фильмы видел, «Список Шиндлера» и, по-моему, «Пианист» о том же. Ты к чему?

— А знаешь, что меня во всей этой истории больше всего вымораживает? Вот смотри. Война, как ты знаешь, началась первого сентября, операция «Вайс». Я сейчас не про то, вероломно или нет, были шансы у поляков или нет и тому подобное. Я о датах. Восьмого

сентября немцы дошли до Варшавы, тогда началась ее оборона. Окружили город только четырнадцатого. Двадцать восьмого гарнизон капитулировал, немцы вступили в город. О том, какую политику немцы проводят в отношении евреев, уже всем известно. Уже восьмого было понятно, что ловить нечего и надо рвать когти куда подальше. Так какого лешего эти ребята сидели и ждали?

— Я думаю, гражданских не сильно-то и стремились информировать о том, что все плохо. Даже рядовой состав в армии, скорее всего, держали в неведении.

— Ну допустим. Знаешь, когда было образовано Варшавское гетто? Шестнадцатого октября. Представляешь? Даже если брать от вступления немцев в город, прошло семнадцать дней! Больше двух недель! О чем они думали? Что нас это не касается? Мы в стороне? Еще пятнадцатого можно было уехать, не знаю, уйти, может, бросив вещи, ценности, взяв только детей в охапку. Что их держало? Дома? Бизнесок? Наверное, были голоса про то, что надо бежать, да кто же слушал! Небось, говорили: вот мол, две недели уже немцы в городе, а жизнь продолжается, — голос Влада понизился почти до шепота. — А шестнадцатого они все встали на эскалатор, с которого соскочить уже было нельзя и который довез их до крематориев Треблинки.

И вот сейчас Артём вспомнил тот случайный разговор, и он отозвался совсем другими мыслями, чем тогда.

— Знаешь родная, хоть у нас сейчас по улицам не мечутся обезумевшие толпы и народ не дерется за кусок хлеба, но все же давай подготовимся, чтоб, если придется делать ноги, не пришлось бросать все и убегать в чем есть. Хорошо?

— Хорошо, любимый, — она кивнула с серьезным видом, — а теперь давай все же поедим, а то уже остыло.

Глава 4 Город. Новый день, новые проблемы

Первая ночь новой жизни прошла без приключений. Район как вымер, народ большей частью затворился по домам. Артём проверил дверь, запер на все запоры, скептически посмотрел на окна, но решил, что сегодня персонально его квартиру штурмовать при помощи приставных лестниц или спускаясь с крыши на веревках в лучших традициях спецназа никто не будет.

Все же достал из сейфа ружье, проверил, зарядил и положил под руку, накрыв брошенной курткой, чтоб в глаза, если что, не бросалось. Затем улегся все на тот же ворох из пенок, матрасов-самонадуваек, расстеленных спальников и сгреб жену в охапку. Так, обнявшись, они и проспали всю ночь.

Утром разбудил грохот в дверь. Покосился на куртку, но с лестничной площадки послышался Мишкин голос. Блин, да так он весь подъезд перебудит!

— Чего буянишь? — открыл дверь и посторонился. — Проходи.

— Я на минутку, извини, брат, дела. А вы спите, как сурки, не достучишься. Спать ночью надо, а не черт-те чем заниматься, — и подмигнул пошаркавшей мимо них в сторону кухни Светке. — Между прочим, пока некоторые дрыхнут, чуть ли не до полудня, другие с рассвета уже о своих соседях думают. Короче, заходил Кирилл, просил прикинуть, где брать дрова, как централизовано организовать кипячение воды и, возможно, готовку горячей еды. Он опасается, что если все начнут готовить по свои норам, то район может запылать не хуже города.

— Ну да, логично, — Артём, хмурясь, поскреб затылок, — я об этом как-то не подумал. Сейчас закину что-нибудь в топку и пойду гляну, откуда лучше доставку топлива наладить. А по поводу готовки... Ладно, посмотрим.

В этот момент щелкнул замок соседской квартиры, и в приоткрывшейся щели показалась физиономия Александра.

— Ты чего шумишь ни свет ни заря?

— Заря, Саша, уже давным-давно отыграла. Все пчелки вылетели и трудятся во славу улья. Только трутни дрыхнут.

— А чего вскакивать спозаранку? На работу же не надо.

Тут Саня перевел взгляд на Артёма:

— Слушай, у тебя воды еще нет?

— Вы что, — Артём усмехнулся, — ребенку ванну устраивали?

Честно говоря, он подумал, что у семьи с маленьким ребенком расход воды, в общем-то, окажется выше как раз из-за гигиенических нужд. Это взрослый человек вполне может обойтись какое-то время без мытья. Ничего, запах пота, в отличие от обезвоживания, не убивает.

— Да понимаешь... — замялся сосед, — Зинаида Петровна со своей рассадой...

— Ч-о-о-о?! — взвился Артём. — Ты хочешь сказать, что вы воду, которую я оторвал от своей семьи, фактически вылили в землю?!

— Да там и было-то всего литр, может полтора...

— Саня, я тебе дал питьевую воду. Понимаешь — питьевую. Мы даже для умывания ее не используем.

— А как же?..

— А так же, — подключился Миха, — взял тару, и гоу ту ручей.

— Да ладно, что вы завелись? Будто свет клином на этой воде сошелся. Если тебе жалко, так и скажи. В конце концов будет же она рано или поздно!

Ребята опять переглянулись, Миха покачал головой, Артём вздохнул.

— Кстати, забыл сказать. Тебя, Саня, тоже касается. В полдень общее собрание района. Будем решать, как жить дальше. Кто не придет, пусть потом пеняет на себя и не говорит — надо так или эдак. Есть предложения — приходи. Не придешь — делай, что решило большинство.

— Куда приходить-то?

— Традиционно, к школе.

Что-то буркнув, сосед скрылся своей дверью, клацнул замок.

После завтрака Артём, дав задание жене собрать походные вещи, отправился выполнять поручение. Попутно решил пополнить запасы мытьевой воды, но в этот раз не стал таскать баклажки в руках, а набил ими свой огромный рюкзак. В приступе соседского расположения даже

позвал с собой Сашку, но тот, прикрывшись какими-то невнятными отговорками, отказался. Не забыв, правда, попросить и на его долю захватить баклажку-другую.

Поход занял часа три. Сначала разведал дорогу, по которой можно будет подкатить прицеп. Неожиданно это оказалось не так просто: кратчайший путь к лесу, где можно напилить нормальных дров, а не ограничиваться ивовым хворостом, был пешеходным. Лишь на обратном пути зашел за водой.

Обратно шел нагруженный, как мул. Район словно вымер, люди на улицах почти не попадалось. Усмехнулся про себя — антураж прямо для съемок постапокалиптических фильмов. Сейчас из-за угла ка-а-ак полезут зомби, а он с тяжеленым рюкзаком и без оружия. Грустно усмехнулся: похоже, их предположения сбывались, правда, пока без мародеров и мутантов, но лиха беда начало. Что там впереди?

Пустые провалы окон уже много где были закрыты. Местами, как и у него, шторами для ванн, местами парниковой пленкой. Попались один или два, забитые фанерой. Интересно, как там люди живут в полной темноте? И наконец в соседнем с ним доме три окна, сверкающие свежим остеклением. Ну да, для стекольщиков сейчас золотые денечки. Еще месяц, и зарядят дожди, за шторкой из ванны не отсидишься.

— Тём, а мы можем взять мои платьица?

Он вздохнул:

— Малыш, ну где ты собралась в них ходить? По лесу? Медведям показ мод устраивать?

— Но они совсем-совсем мало места займут, вот смотри, — она показала небольшой сверток. — Ты пойми, я же девочка, мне нужны платьишки.

Артёму показалось, или в уголке ее глаза мелькнула влага? А сверток действительно небольшой, ну как тут отказать! Внезапно он почувствовал сильный приступ нежности. Вот ради кого он должен быть сильным, у него есть ради кого выжить! Шагнул, сгреб в охапку и сжал в объятиях так сильно, будто стремился втиснуть ее внутрь себя, чтоб защитить, оградить от всего мира.

Из глубин объятий пискнуло:

— Артём, ты меня раздавишь.

Спохватившись, ослабил хватку, поцеловал в ушко.

— Ну, конечно, малыш. Кидай в стопку, что в мой рюкзак пойдет. И обязательно что-нибудь из косметики прихвати, будешь у меня самая красивая!

— Среди медведей? Поверь, это будет несложно. Я лучше гигиенических средств прихвачу.

Ближе к полудню Артём постучал в дверь соседа снизу. Тот сказал, что догонит. Догнал его уже на проспекте. Артём стоял, молча созерцая все еще горящий город.

— Ух ты! Да сколько же он гореть-то будет?

— Я читал, что Москва в восемьсот двенадцатом году горела четыре дня. И Гамбург во время так называемого великого пожара тоже, по-моему, четыре.

— Так Москва тогда была вся деревянная. А Гамбург? Это во время войны, когда бомбили?

— Нет, тоже в девятнадцатом веке. Но согласен, сейчас дерева в строительстве фактически нет. Хотя если прикинуть, мебели в домах много. Опять же центр был весь засажен деревьями. Короче, — Артём раздраженно махнул рукой, — что я, пожарный что ли? Откуда мне знать, сколько он еще гореть будет!

Потом повернулся к приятелю:

— А у тебя прогресс?

— В смысле?

— Судя по тому, что ты меня снова не пустил в квартиру, та подруга все еще у тебя?

— Вот ты Шерлок Холмс доморощенный! Ну да. А куда я ее дену? Ей теперь идти некуда, — и кивнул на пожар.

— То есть она сейчас у тебя дома? Не боишься?

— Чего, что она хату обнесет? Артём, не смешите мои подковы, как говаривал конь в одном мультике. Что у меня брать?! Макбук? Домашний кинотеатр? Представляю, как она плазму от стены отвинчивает и, шатаясь с ней в обнимку, по лестнице спускается. Это теперь мусор никому не нужный!

Друзья повернулись спиной к горящим развалинам и неторопливо пошагали по проспекту. Артём усмехнулся:

— Может, тогда пришла пора знакомить с друзьями?

— Стесняется она.

— Стесняется? — пришла пора удивляться Артёму, — что-то я вас с трудом понимаю. Поехать домой к парню, которого первый раз видишь, она, видите ли, не стесняется...

— Слушай, давай об этом не будем, — Мишка схватил соседа за руку, — по-братски прошу. Мне и самому во всей этой фигне тошно.

— Ладно, извини. Как думаешь, у Кирилла получится?

Мишка некоторое время помолчал, хмуро взглянул на приятеля, покачал головой.

— Мне бы этого очень хотелось, но... — вздохнул. — Кирилл мужик хороший и правильный, но он застрял в советском прошлом. Он верит в коллектив, в какое-то общественное сознание.

— А ты? Судя по всему, не веришь?

— Артём, я работаю в торговле, за день встречаю очень много людей. У нас, конечно, попадаются вменяемые люди, но очень много таких, как твой соседушка.

— Саня? — понимающе переспросил Артём

— Ага. Потребитель как он есть. Сам ничего сделать не хочет, но все ему должны. Ты предлагал ему за водой вместе сходить? Так ведь нет, у него ребенок маленький, у него теща, жена, прочие отмазы. Но воды ты ему принеси. Почему? Так ведь ему все должны! Кто-то должен обеспечить его водой, потом кто-то будет должен ему продуктов. А ты что за голубая кровь такая, а? С какого-такого перепугу тебе все должны, а ты никому?

— Миха, не заводись, шут с ним, с Сашкой. Он безвредный...

— Да, безвредный пока сидит в своей норе и теща с женой ему мозг выедают. Но попомни мое слово, когда их много... — махнул рукой. — Знаешь, как в Афинах поступили с Мильтиадом?

— Это кто?

— Вот те здрасте, чему тебя, двоечника, в школе учили?! Это тот, под чьим руководством греки персов под Марафоном разбили. Ты хоть в курсе, что это было сродни чуду? Персидская империя тогда была на подъеме, а Греция — разрозненные полисы. Персы высадились у Марафона — это город такой. Войско афинян и их союзников платейцев управлялось десятью стратегами. Короче, что делать — нападать в поле или отсидеться за стенами — эти стратеги договориться между собой не могли. Демократы фиговы. Тогда Мильтиад уговорил их все-таки биться здесь и сейчас. Ну а стратеги

свалили на него всю ответственность: дескать, хочешь битвы, тогда давай, рули, инициатива, как известно, имеет инициатора. Тот порулил, да так, что персов вынесли на пиках, их военачальник погиб.

— Хм, честно говоря, я помню, что была какая-то битва и гонец пробежал расстояние в сорок два с хвостиком километра до Афин, чтоб рассказать о победе. Я тогда все удивлялся, почему нельзя было на коне доскакать. Лишь потом узнал, что на длинных дистанциях человек обгоняет лошадь. Прикинь?

— Да ладно, правда что ль? Ну, тебе лучше знать. Я о другом. Знаешь, как народ отблагодарил Мильтиада, когда тот заикнулся, что ему как полководцу было бы неплохо какой-нибудь знак отличия, например масличный венок. Один из граждан в народном собрании встал и заявил: «Когда ты в одиночку побьешь варваров, вот тогда и требуй почестей для себя одного». Представляешь?! То, что чувак угадал с правильным моментом для битвы, фактически руководил боем — это все фигня. Типа того, что у нас любой гражданин от рождения на все способен, хоть стратегом, хоть кем. И вообще народ сам победил, без участия всяких мильтиадов и прочих примазывающихся.

— М-да, — протянул Артём, — это как раз знакомо. Если какой косяк на работе, ну там график погрузки-выгрузки сорвали, с накладными напутали — это ты как начальник смены облажался. И пофиг, что на электрокарах акумы год как менять надо было или зепе кладовщиков порезали и все грамотные разбежались, приходится набирать вчерашних школьниц. А если все о’кей, то при чем тут ты?

Мишка бросил на него взгляд, вздохнул

— Ну да, где-то так.

Проспект в силу своей ширины оказался завален не сильно: мелкий хлам, кое-где поваленные столбы, кое-где вывороченные прямо с корнями деревья. Виднелись проплешины от огня, но район не из «зеленых», гореть особо нечему. По пути прошли громаду торгового центра «Звездный» — безвкусный бетонный куб. На удивление, здание пострадало мало. Его как будто заранее планировали к подобным катаклизмам. В сторону центра обращена глухая стена, перед которой располагалась открытая автостоянка. Еще одна парковка находилась непосредственно под «Звездным», во весь первый этаж. Стена, обращенная к проспекту, имела небольшие вытянутые в высоту окна-

бойницы. Стекла в большинстве на удивление уцелели. Стеклянный фасад, обращенный в сторону небольшого палисадника, имел некоторый наклон наружу, нависая козырьком над высоким крыльцом в половину ширины здания. На фасаде также виднелось много целых стекол. Как минимум весь первый этаж их сохранил, видать, витринное стекло оказалось не по зубам ослабленной ударной волне. На крыльце прохаживалась пара охранников.

За палисадником, сохранившим в тени «Звездного» все деревья, начиналась территория районной средней школы. Площадь перед школой меньше автостоянки за «Звездным», но по традиции собирались именно на ней. Обычно администрация ТЦ без понимания относилась к идее пожертвовать парковкой ради массовых гуляний.

Школа, конечно, пострадала. Стекла в окнах отсутствовали: еще бы, это вам не витринное антивандальное стекло. Кое-где даже переплетов не было. Листы железа на двускатной крыше лохматились гигантскими завитками. В середине здания крыша вообще отсутствовала. Но стены, выложенные из силикатного кирпича, устояли. Следов пожара тоже не видно. Цело было и высокое крыльцо, почти вполовину человеческого роста, выступающее сейчас трибуной.

Народу собралось много. Конечно, не весь район — кто-то так и не пришел. Ну а кто-то не пережил прошедшую ночь. Мужчины, женщины, всех возрастов. Артём осмотрелся — ни одного человека в форме, заметил несколько человек в форменных брюках, но все накинули сверху гражданское.

В центре, на крыльце, страсти разгорались нешуточные. Несмотря на расстояние, было слышно, что орут там не щадя связок, пытаясь задавить оппонентов децибелами. Смысл, в общем-то, понятен — как обычно, нашлось несколько «специалистов», совершенно точно знающих, что делать. К несчастью, их виденья не стыковались между собой, а попытаться услышать чужую точку зрения оказалось выше всяческих сил.

Среди орущих Артём, нисколько не удивившись, разглядел приснопамятного Родионыча, жестикулирующего рукой, замотанной какой-то тряпкой. На лице хорошо различимы ожоги. «Допожарничался», — проскользнула злорадная мыслишка.

Сутулый мужчина, стоявший чуть впереди, повернулся, пропуская Мишаню, и Артём узнал в нем одного из тех соседей, что пошли с

Родионычем тушить пожары.

— Валентин Семеныч, как вы?

Сосед обернулся, приветливо кивнул Артёму. Правая рука оказалась туго забинтованной от локтя до кончиков пальцев. Все те же следы ожогов на лице.

— Я-то ничего, Федька обгорел сильно. Мы одну дверь вышибли, а оттуда как полыхнуло! На нем одежда загорелась, пока сбивали... эх, — Валентин вздохнул. — Толик с первого этажа ногу распорол, ходить не может. Вот такая оказия.

Тем временем долетел крик Родионыча:

— Товарищи, перед лицом надвинувшейся на нас опасности мы все как один должны объединиться. Надо немедленно провести инвентаризацию запасов. Выбранная комиссия должна пройти по домам и переписать наличные запасы: продукты, медикаменты, инструменты. Все ресурсы нужно объединить в каком-нибудь надежном месте, можно в спортзале школы...

Толпа зашумела, один из оппонентов Родионыча, энергичная тетка в брючном костюме и со сложной прической перешла на ультразвук, и окончание фразы потонуло.

— Ну и зачем народ звали? Эти демагоги все равно никого слушать не будут, между собой собираются наше будущее решать.

— Видимо, мы им для массовки нужны, так сказать, легитимация принятых решений, — подмигнул ему стоящий рядом мужик, — чтоб потом говорить: «Вы же все имели возможность высказаться!».

Он был на полголовы ниже и значительно старше Артёма, крепкий, короткостриженый — эдакий гриб-боровик, с расстегнутым до середины груди воротом темно-синей рубашки, сквозь который красовалась массивная золотая цепочка. Довершали образ элегантные офисные очки в тонкой золотой оправе.

— И кто у нас теперь вершители судеб?

— Старого клоуна не знаю, — мужик показал подбородком на Родионыча, — эта коза в брюках, Антипова, районная депутатша. С ней все ясно: мозги заточены только на то, как что спионерить да устроиться потеплее. Вон чуть пониже, слева, Марков пристроился, директор наших коммунальщиков. Туп, как пробка, в кресло директора благодаря тестю плюхнулся, который в мэрии за коммуналку отвечал. Надеюсь, сейчас в аду ему устроили теплую встречу. Ну и Расулов,

замнач нашего ОВД, вон внизу тихарится как обычно. Небось, дежурил, вот и пережил ночку. Так-то они с шефом в центре живут... Жили.

— Странно, там из нашего дома должны были быть.

— Да в самом начале какие-то деятели пытались вставить слово, но разве этих тренированных горлопанов переорешь? — крепыш усмехнулся. — Это только у старого хрыча удается. Тоже горлопан знатный, правда он-то часто дельные вещи предлагает. А потом этих ребят вообще дружина оттерла в сторону, и они где-то потерялись.

— Какая еще дружина? — удивилась стоящая рядом сухонькая старушка в платочке и очках.

— Видишь, мать, на нижних ступеньках ребята молодые? Вот они и есть эта самая дружина.

— Когда их назначили? Я здесь с самого утра, ни о какой дружине не говорили.

— Они сами себя назначили, — проворчал еще один стоящий рядом мужчина лет сорока, в гражданке, но с характерной выправкой и уставной прической, — им без разницы с кем, лишь бы с властью.

— Вот уж точно, — поддержал его крепыш, — всегда лучше босса охранять, чем на заводе горбатиться, какие-никакие крошечки с хозяйского стола перепадают. Какая власть без верных нукеров!

Мужчина с военной выправкой поморщился, но ничего не сказал.

— И чего решают? — поинтересовался Артём.

— Как обычно, кто виноват и что делать, — военный говорил, не отрывая прищуренного взгляда от «трибуны».

— Ну так и чего делать-то предлагают?

— Сейчас только то, кто будет главный, — крепыш сплюнул на асфальт, — а уже потом, наверное, эти главные придумают, как нами рулить.

— Кстати, не говорили, что все-таки случилось?

— В начале прозвучало, что по нам ударили американцы, — обронил военный, — говорят, нанесли удар сразу по воинской части и по химкомбинату. Остальное последствия.

— А вот в этом я сомневаюсь, — включился очкастый крепыш, — химичка давно пиндосам принадлежит, и НПЗ «Шелл» строил. Зачем им по своим же активам бить? Это же ущерб чистой воды!

— Кто знает? — пожал плечами военный. — Может, решили, что допустимые потери. В любом случае на ядерный удар похоже.

— Вы... уверены?

Так что же все-таки оно? Артём прислушался к собственным ощущениям. Странно, не сказать, чтоб громом поразило, только усталость какая-то появилась. Впрочем, решил он, это же не точно.

— Ой, батюшки, так у нас же радиация, — запричитала старушка, — нас же надо эвакуировать!

— Успокойтесь, мамаша, сейчас ядерные боеприпасы достаточно чистые, остаточная радиация минимальна. Так что до смерти от радиации, скорее всего, ни вы, ни мы не доживем. Раньше от голода загнемся или перебьем друг друга.

— И правда, — взмахнула руками старушка, — а вы не знаете, торговый сегодня откроется? Надо же крупки купить, соли опять же.

— Это, мать, сейчас, наверное, всех беспокоит, пойду-ка я лучше гляну, что там у нас с торговлей, — и крепыш начал пробираться к выходу из толпы в направлении «Звездного».

Старушка пристроилась к нему в кильватер, а за ними и Артём, решив, что делать на «собрании» больше нечего. Тут он внезапно сообразил, что почти все средства на пластиковой карте. Не было привычки таскать много наличных, дескать, так целее будут. Вот они и уцелели на счете в банке. И пусть его деньги — это не реальные бумажки, выгорающие в банковском хранилище, а набор кодов в компьютерной базе, только получить к ним доступ в обесточенном мире не представлялось возможным.

Глава 5 Город. "Звездный"

Около «Звездного» Артём нос к носу столкнулся с соседом Саней.

— Как там собрание?

Артем только махнул рукой, обсуждать не хотелось.

— Я тоже решил закупиться, — сказал он, — а то дома уже голяк полный. У малого смесь скоро кончится. Да и воды бы купить.

На площадке перед «Звездным» успело собраться прилично народа, но по ступенькам пока никто не поднимался. На крыльце переминались уже четверо охранников, судя по всему нервничали.

— Вот так, парни. А вы думали, служба — это сутки на стульчике за монитором и трое дома на диване? Иногда смена так и не кончается. — Военный, как стал его мысленно называть Артем, оказывается пошел вслед за ними.

— Граждане, расходитесь, торговый центр сегодня не работает, — один из охранников, по виду главный, взял мегафон.

Расходиться народ явно не спешил. Но и заходить за легкие переносные перильца, выставленные по границе ступенек, не торопился. Чоповцы все были в черных бронежилетах, поверх черной же формы, в руках помповые ружья.

У парочки пожилых охранников лица кислые, ситуация им явно не нравилась. Все-таки они пришли в охрану не жизнь класть за хозяйское добро, а спокойно сутки-трое зарабатывать себе на хлеб насущный.

В отличие от них, парень с мегафоном, лет тридцати-тридцати пяти, являл образ верного пса: с решительным лицом, эдакий правильный боец. В перерывах между объявлениями он что-то энергично втирал своим коллегам. Похоже, проводил инструктаж. Четвертый совсем мальчишка, на вид едва ли больше двадцати, боялся, хотя старался не подавать вида.

— Опасаются, что народ разметет их кубышку, — голос Сашки напоминал сейчас рычание шавки, боящейся и в то же время стремящейся добраться до вожделенной косточки, возле которой расположился более крупный пес. Рычание, переходящее в подскуливание.

— Они на работе, — пожал плечами Артём, — кто знает, чем все закончится, а им отвечать.

— Да их хозяева в центре кремировались и скоро пеплом на нас просыплются.

— Во-первых, откуда ты знаешь, что хозяева нашего «Звездного» были в эпицентре взрыва? Ты вообще знаешь, где они живут? Может, за кордоном. А во-вторых, даже если хозяева накрылись, охрана работает не на конкретного дядю, а на фирму. Погибли одни хозяева, найдутся другие.

Военный, посмотрел на Артёма своим долгим внимательным взглядом, кивнул и еле заметно одобрительно улыбнулся.

— Еще раз повторяю, граждане, магазины сегодня не работают. Пожалуйста, покиньте территорию.

— А нам как быть? — закричал кто-то из толпы. — Второй день ни один магазин не работает, дома шаром покати. Что, с голоду теперь подыхать?

— Воды хотя бы дайте купить, воды! Водоканал пересох, мы даже из сливного бачка воду уже вычерпали.

— Бли-и-ин, — раздалось рядом характерное, девчонка даже ручонками задрыгала, подпрыгивая на мысочках, — даже голову помыть нечем. Я, наверно, лохматая, как кикимора. Хорошо, что в универ пока не надо.

Окружавшие подружки ее активно поддержали.

— Проблемы с прической? Стригись налысо, — буркнул Артём вроде не громко, но его услышали, — так и вшей меньше будет.

Пожилой крепыш заржал в голос, хлопнул ободрительно по плечу. Девчонки зашипели ну чисто кошки.

— Народ, как вы не понимаете, — старший охранник уже без мегафона пытался достучаться до разума толпы, — персонал ТЦ на работу не выходит, многие, скорее всего, погибли. Да если бы и вышли, все равно света нет, там темно и кассы не работают.

— Ну и что нам делать? — за ограждение прошел мужчина, потрясая руками. — Нам чего делать?

— Так, господа... кхм, граждане... — через толпу пробирались давешние «вершители судеб»: Родионыч, «брючная коза» и мужчина в милицейской форме, наверно, тот самый Расулов, — да пропустите же!

Они прошли сквозь ограждение, и решительно поднялись на крыльцо. Следом шла четверка молодых парней уже с повязками на рукавах, судя по всему, та самая «дружина».

Лица пожилых чоповцев стали разглаживаться, а вот старшему явно не понравилось. Он выдвинулся вперед, на пару шагов, поднял руку ладонью вперед и что-то спросил.

— Мы комитет самоуправления района, — визгливый голос «козы» донесся до задних рядов все увеличивающейся толпы. — В связи со сложившимися чрезвычайными обстоятельствами требуем передачи под контроль комитета имеющихся ресурсов и продовольствия.

— Это частная собственность... — начал было старший охраны.

Но его буквально заткнул Родионыч:

— Какая на фиг собственность?! Ты что, не видишь, что творится? Нет твоих хозяев больше, не перед кем отчитываться. Мы теперь для тебя власть!

«Брючная коза» при этом явственно скривилась, но промолчала. А Родионыч добавил, подпустив в голос язвительности:

— Или сам хотел на кубышку сесть? Местным олигархом заделаться?

Видимо, подобные мысли «старшему» были не чужды. Как минимум посещали. И может быть, будь парень порешительнее, он имел бы неплохие шансы: все-таки десяток человек под единым командованием с дробовиками против дезорганизованной безоружной толпы — это сила. Но не судьба. Все-таки верный пес — не волк: мало хорошо исполнять чужую волю, надо иметь свою.

Артём осознал, что буквально на его глазах, вот прямо сейчас, происходит пресловутый передел собственности. Такой же, как в забытых девяностых. Старший охранник порывался что-то сказать, несколько раз открыл рот, взмахнул свободной рукой с мегафоном. Противостоящие люди спокойно наблюдали за его метаниями с минуту, потом Расулов негромко что-то сказал и было видно, как бывший «старший» как будто переключил тумблер, включив привычного ему «хорошего исполнителя».

— Да, конечно, сейчас Смирнов вас проводит, — предложил «старший». И повернувшись к одному из пожилых чоповцев,

приказал: — Николай, проводи товарища майора с сопровождающими...

Расулов, пара парней и охранник Николай куда-то ушли. К краю крыльца вышла депутатша Антипова:

— Граждане, пожалуйста успокойтесь, все получат доступ к продуктам питания. Но для этого нам надо наладить учет имеющегося. Сейчас выбранная комиссия пройдет в торговый центр для проведения инвентаризации. Позже, как только комиссия закончит, мы сможем провести выдачу продуктов.

— Знаем мы ихнюю инвентаризацию, — забормотала бабка, — вначале нахапают себе полные закрома, а нам — что осталось.

— Интересно, кто их выбрал? — не обращаясь ни к кому, проговорил Артём, имея в виду пресловутый «комитет».

— Да сами себя и выбрали, — в тон ему ответил военный. — Может, даже протокол какой уже успели состряпать.

— Ага, — фыркнул пожилой, — не согласен? Так надо было на собрание приходить. Какое собрание и почему не были собраны все? Так время сейчас такое, не терпит промедления.

— А как быть с деньгами? У большинства деньги на карточках! — выкрикнули из толпы.

Антипова беспомощно повернулась к остальным самопровозглашенным отцам района. За это время к ним успела присоединиться еще пара человек: коммунальщик Марков и незнакомый пузатый мужик в спортивном костюме.

Вперед выступил Родионыч:

— Товарищи, мы все прекрасно понимаем, не переживайте. Товары первой необходимости будем выдавать по записи.

— И как? Сколько унесешь? Или по числу едоков? А у меня ребенок грудной.

Группка на крыльце опять принялась совещаться. Видимо, ни к какому решению не успели прийти, как выступил все тот же Родионыч:

— Не переживайте, составим отдельные списки нуждающихся. Семьи со стариками или маленькими детьми будут в приоритете.

А вот с этим остальные его подельники оказались не согласны. Антипова что-то зашипела ему в ухо. Наконец Родионыч, Антипова, Марков и новый толстяк развернулись и ушли вглубь «Звездного».

Толстяк, ткнув указательным пальцем в грудь старшего охраны, что-то отрывисто ему приказал. И получил в ответ кивок-подтверждение. Тут Артём обратил внимание, что пока суть да дело, первые разреженные ряды толпы уже просочились сквозь ограждение и успели подняться до середины ступенек.

Старший охраны опять взял мегафон:

— Граждане, освободите территорию торгового центра. Допуск на территорию будет организован позже, когда комиссия закончит работу.

— Маловато у тебя, парень, силенок, чтоб толпу остановить, — буквально под нос себе проговорил военный. — Я бы на твоем месте сейчас двери держал. Да еще и решетку внутреннюю опустил.

— Да-а-а... — протянул пожилой, — сейчас народ на солнышке пожарится, терпежу подрастеряет. Их тогда и строем ОМОНа не остановить будет.

Трое охранников плюс оставленные им в помощь молодчики вышли цепочкой к толпе и постарались ее оттеснить. Большинство, развернувшись, ушли за заграждение, но некоторые спустились на несколько ступенек да там и остались. Старший, по-видимому, посчитал задачу выполненной и вновь поднялся на крыльцо.

— А когда выдавать начнут? Дайте хотя бы воды!

— Воды, воды! — покатилось над изрядно разросшейся толпой.

Сейчас перед ТЦ народу было явно больше, чем на собрании у школы.

— Граждане, ну подождите немного, скоро все будет!

В этот момент к старшему подбежал ранее ушедший Смирнов. Он что-то быстро ему доложил. Изменившийся в лице старший решительно ткнул пальцем во второго пожилого охранника, потом указал на одного из молодчиков. Тот отдал ему ружье. Затем старший повернулся к молодому:

— ...за старшего... никого... подмогу.

Молодой чоповец подтянулся, кивнул в ответ, после чего старший и оба пожилых бегом скрылись внутри «Звездного». Остались трое: молодой чоповец и пара «дружинников», один из которых вооружился отданным помповиком. Толпа меж тем очень медленно, по шажочку, по одной ступенечке, но вместе с тем неотвратимо накатывалась на оставшуюся тройку. Первые ряды, еще пару минут бывшие разряженными, сплачивались, насыщаясь подходившими из глубины

людьми. Наиболее решительные энергично проталкивались вперед, их охотно пропускали. Ропот постепенно усиливался.

— Сынок, ты уж пусти нас, у нас дома дети малые, их кормить-поить надо.

Парень, вначале строивший из себя грозного охранника, постепенно сдувался. От строгих окриков «Граждане!» постепенно перешел почти к умоляющим интонациям:

— Ну, пожалуйста, отойдите назад. Не напирайте. Сейчас старший вернется, он вам все расскажет.

— Слышь, вы что, глухие? Ну-ка отвалите назад на десять шагов! — молодчик передернул затвор. При этом из окна выбрасывателя выскочил ранее уже досланный патрон. Небольшой красный цилиндрик глухо подпрыгнул на плитке и покатился по ступенькам под ноги приближающимся людям.

— Баран... — сквозь зубы негромко выругался военный.

На «дружинника» не обратили внимания.

— Парни, пропустите нас, Христом-богом молю, нам бы только водицы взять. У вас ее там много, а у нас семьи от жажды мучатся.

Первые ряды перевалили через верхнюю ступеньку. Громкие выкрики почти прекратились, негромкий ропот набирал силу. Толпа гудела, наэлектризовываясь, противостоящая ей троица отступала к стеклянным дверям.

— Уходите внутрь, пацаны, и двери закрывайте, — буквально прошептал державшийся рядом крепыш и покачал головой.

Он, Артём и военный по-прежнему оставались позади основной массы людей, продвинувшись за это время всего на несколько шагов. Сашка как-то незаметно растворился в толпе впереди. Но охранники, уже вжавшиеся спиной в стеклянную стену, также продолжали кто криками, кто просьбами отгонять надвигающуюся толпу. Только что их разделяла пара метров. Незаметный миг, и не больше шага. И вот толпа начала давить на парней, вставших плечом к плечу в проеме так и не закрытых стеклянных дверей. Один «дружинник», держа ружье двумя руками, отжимал им напиравших. Второй отталкивал людей голыми руками. Молодой чоповец, прижав ружье к себе, как щит, встречал толпу грудью.

Вдруг толпа качнулась вперед и просто смела стоящих в проходе. В дверях мгновенно возникла давка, раздались крики и ругань.

Наконец вся масса начала вливаться в двери. Зазвенела разбившаяся витрина, звон перекрыли крики боли, но ничего не могло остановить народ. Как сквозь рухнувшую плотину, людская масса вливалась внутрь «Звездного», растекалась в фойе и исчезала в темноте громады торгового комплекса.

— Д-а-а... дела-а, — протянул крепыш, — я внутрь не пойду. Там сейчас такая бойня начнется.

— Идиоты, — согласно кивнул военный, — они и сами ноги попереламывают, и продукты по большей части побьют, пораскидывают. А еще, я думаю, сегодня ночью на улицу лучше не выходить. Пока запасы алкоголя у народа не кончатся.

Развернулся и пошел от «Звездного». Крепыш сплюнул, выматерился и тоже отправился восвояси. Артём, движимый любопытством, поднялся на крыльцо. В двери продолжали забегать опоздавшие к началу погрома. Внутри в темноте метались смутные тени, изредка мелькали огоньки фонариков и зажигалок. Где-то бабахнул выстрел.

Один из «дружинников», который безоружный, тяжело дыша подполз к рамке металлодетектора, стоящего против входных дверей чуть в глубине холла, и облокотился в изнеможении. Кожаная куртка разорвана и залита кровью, лицо превратилось в кровавую маску. Артём не поручился бы за его ребра и внутренние органы, но парень жив, конечности целы, сильных кровотечений незаметно.

Рядом с входом лежал мертвый молодой чоповец. Видно, что по нему пробежалась толпа. Внутри бабахнул еще один выстрел. Артём постоял немного в оцепенении, подошел к мертвому чоповцу и опустился рядом с ним на корточки. Мимо, озираясь на них, забегали внутрь ТЦ все новые и новые люди. Некоторые тащили с собой большие клеенчатые сумки или рюкзаки. Тёма вздохнул, закрыл мертвые, такие наивно-удивленные глаза молодого охранника.

Глава 6 Город. Николаичи

— Вот ты где, я тебя обыскался! Что тут у вас... Вот черт!

Артём обернулся. За спиной стоял Миха, переводя ошарашенный взгляд с мертвеца на раненого «дружинника».

— Не, ну погромы в магазах я видел, но чтоб до такого, — шумно выдохнул, покачал головой, — совсем озверел народ. Надеюсь, ты туда не собираешься?

— Я что, совсем на голову больной?

— Тогда пойдем домой.

— Нашел Кирилла? — спросил Артём, когда они уже не спеша шагали к дому.

— Нашел, — без энтузиазма ответил Мишаня, — он только матерится. Говорит, слова вставить не дали.

— Если честно, Мих, я почему-то так и думал. Сейчас наверху такая грызня пойдет, только держись. Зубы как у волка нужны и полное отсутствие совести. А твой Кирилл не такой.

Помолчал, потом хмыкнул:

— Не, а Родионыч-то каков, видал? Энтузиаст хренов.

— Зря ты так на Родионыча.

— Что значит зря? Знаешь, кто опасней дурака? Дурак с инициативой! Вот наш Родионыч и есть инициативный придурок. Видел, чем его пожарная эпопея закончилась?

— Что есть, то есть, но он хоть за общее дело радеет, просто...

— Просто дурак, — закончил за Миху Артём.

— Ладно, чего ты на него взъелся? Кирилл его хочет как нашего человека у власти использовать. Меня или тебя он слушать, конечно, не станет, а вот Вячеславовича уважает. Так что не все еще потеряно.

— Слушай, Миха, — Артём остановился, схватил приятеля за рукав, — ты вот мне скажи: неужели нужен был всего один день, ну хорошо, сутки, чтоб народ так озверел?! Ведь если взять каждого по отдельности — большинство мухи не обидит. Побоится или пожалеет, неважно. Знаешь, я думал, что все эти россказни об озверевших толпах в постапокалипсисах — это художественное преувеличение, ну чтоб картинку пострашнее изобразить. Но тут!

Мишаня тоже остановился, посмотрел иронично:

— Знаешь, у нас на работе периодически проводили тренинги. Считается, что торговый представитель без этого не сможет быть успешным. Пичкали всяческой техникой продаж, работой с возражениями. По-моему, так просто бабки отмывали. Но иногда попадались грамотные ведущие. И вот как-то раз в перерыве мы трепались о разном, и кто-то спросил: как так происходит, что люди буквально переобуваются в прыжке.

— Чего-чего?

— Меняют свое мнение, — уточнил Миха.

— И при чем тут это?

— Ща поясню. Вот смотри, стоишь ты на платформе, ждешь электричку, собралась толпа. Подъезжает поезд, уже забитый. Ты начинаешь в него ломиться вместе со всеми. А дальше, как говорится, следите за руками: вот ты еще на платформе. Впереди тебя какие-то счастливчики перешагнули порог и уже в вагоне, а ты еще снаружи. Ты ощущаешь себя частью тех людей, что еще стоят на платформе, вы вместе орете внутрь: «А ну не стойте в дверях, из тамбура проходите в вагон, всем надо ехать!». Ты вместе с теми, кто снаружи, ненавидишь тех, кто уже влез. За то, что они не хотят немного сдвинуться, что они уедут, а вы еще рискуете остаться... — Мишка сделал паузу. — Но вот ты делаешь шаг через порог. И что? Миг, и ты уже ненавидишь тех, кто толкает тебя в спину, с кем еще мгновение назад был готов разорвать тех, кто внутри! Ты уже в лагере вошедших, и ты вместе с другими вошедшими орешь назад: «Куда прете?! Через десять минут следующая электричка!».

Артём расхохотался:

— Да уж, точно!

— Точно, — подтвердил Миха, с лица которого вдруг пропала вся веселость. — А чему же ты тогда удивляешься? Люди они и в Африке люди. Еще вчера милые попутчики, с которыми ты ожидал электричку под названием «завтра». Но что-то случилось, и до людей доходит, что в завтра они могут не уехать!

— Слушай, но не из-за какой-то воды и продуктов! Я бы понял, если это действительно был какой-нибудь последний поезд или пароход. Не сел — не выжил. Но блин, мы в пустыне, что ли? У нас ручей под боком, чуть дальше река есть.

— Артём, — приятель посмотрел на него укоризненно, — это для тебя лес и столовая, и водопой, и постель, и не знаю что еще. Посмотри, ты многих видел идущими за водой?

— Следы попадались, да и встретилась пара человек с канистрами.

— Пара человек, — передразнил Миха, — вот их в этой толпе и не было. А остальные? Взять хоть твоего соседушку. Пошел он с тобой? Нет. Для большинства булки растут не на деревьях, а в магазине, и другого источника продуктов они не знают.

— Слушай, не утрируй. У нас половина жителей — дачники. Каждый знает, как растить картошку. У многих колодцы на участках. Чего они на свои дачи не побежали?

— Может, кто и побежал.

— Саня не побежал. А дача у него, между прочим, есть. Там, небось, в подвале соленья-варенья с прошлого года, но он будет здесь сидеть и пытаться вымутить что-то в торговом центре.

— Ну да, Саня это Саня, — Миха усмехнулся, — может, ему до дачи далеко. Впрочем, шут с ним, Артём, люди без воды сидели со вчерашнего утра, больше суток. Дни стоят жаркие, ты когда-нибудь испытывал жажду? Впрочем, о чем я, ты-то наверно ее специально тренировался терпеть. А вот для обычного человека жажда — это пытка. И еще непонятно, что будет завтра. Так что я народ понимаю. Удивительно, что еще вчера они «Звездный» не разнесли, терпели. Может, надеялись на что.

Дальше шли какое-то время молча, каждый в своих мыслях. Но когда показался дом, теперь уже Миха придержал Артёма за рукав.

— Слушай, Тёмыч, у твоей жены нет каких-нибудь ненужных шмоток?

— Найдутся, наверное, а что?

Сосед поморщился:

— Да та подруга... Ну которая у меня сейчас. У нее платьице — только по барам ходить, а ей, понимаешь, сейчас идти некуда. Видишь, как получилось.

Артём покачал головой:

— Пусть приходит, Светка что-нибудь подберет.

Рядом с подъездом встретили двух хмурых санитаров, несущих что-то на носилках, прикрытых смятой простыней. На простыне тут и

там попадались бурые пятна.

Поднявшись на этаж, Артём лицом к лицу столкнулся с двумя мужчинами, как раз спускавшимися сверху. Увидев его, один из них, с папкой под мышкой, одетый как обычный гражданский — рубашка и джинсы, поинтересовался:

— День добрый, вы здесь живете?

Артём остановился, оглядел их, задержал взгляд на втором, одетым как врач или фельдшер скорой помощи.

— Да. А в чем дело?

— Поквартирный обход. Собираем сведенья о пострадавших.

Гражданский показал какое-то удостоверение, Артём не вчитывался. Фельдшер в это время стучал в другие квартиры.

— В пятьдесят первой нет никого, можете не стучать. Хозяева на заработки уехали и появляются раз в полгода.

— Понятно, других соседей видели вчера-сегодня?

— Александра из пятьдесят второй сегодня у ТЦ видел, может, еще не вернулся. А вот Николаичей из пятидесятой что-то давно не встречал.

— А вы сами? Дома раненые, пострадавшие есть?

— Да вроде все, слава богу, живы-здоровы.

Щелкнул замок, в щелку двери высунулась любопытная мордашка.

— Свет, ты Николаичей последнее время видела?

— Не-а. Но они же тихие.

— Понятно, — гражданский открыл папку, что-то пометил. — Значит, пятьдесят один пустует, в сорок девятой все о’кей, пятьдесят два, хм... подождем. Пятьдесят?

Посмотрел на фельдшера, тот снова загрохотал в дверь соседей.

— А кто, говорите, здесь живет?

— Пенсионеры, Валерия Николаевна и Мераб Николаевич.

— Вы их точно вчера и сегодня не видели?

Артём пожал плечами, переглянулся со Светкой. На лестнице послышались шаги и на площадку, тяжело дыша и хромая, поднялся Сашка. Плечо отдавливала здоровенная клеенчатая сумка. Глаз заплыл, губы разбиты, на лбу здоровенная шишка. Один рукав клетчатой рубашки отсутствует напрочь, брюки в какой-то пыли и грязи.

— Добрый день ... о-о-о, где это вас так?

— Споткнулся, — хрипло выдохнул красный от натуги сосед.

— Вы аккуратнее, — посочувствовал гражданский. — Живете в пятьдесят второй?

— А что?

— Дома есть раненые или пострадавшие при взрыве?

— Не, у нас все хорошо.

Сашка поставил сумку, достал ключи, открыл дверь. Изнутри донеслось:

— Господи, Саша, что с тобой? А где мама?

Видимо, Сашкина жена караулила под дверью.

— Не знаю, мы разминулись...

Дверь захлопнулась, отсекая супругов Коровиных от собравшихся на лестнице.

— Так, здесь разобрались, — гражданский опять чего-то черкнул у себя в записях. — Ну-с, осталась эта квартира. Они точно перед взрывом никуда не уезжали? Может, на дачу?

Артём посмотрел на Светку.

— У них, кажется, нет дачи. Ну... — задумчиво потянула супруга, — по крайней мере, Евгения Николавна никогда про это не говорила.

— Понятно, — гражданский кивнул, — значит, надо взламывать. Алексеич, давай.

— Погодите, как взламывать? Может, они просто отошли куда? Сейчас им дверь сломаем, а они бац — и возвращаются.

— Ничего, тогда починим. Начинай.

Фельдшер скинул со спины небольшой рюкзачок и вытащил гвоздодер.

— Посторонитесь-ка. И не уходите, будете свидетелями.

— Понятыми?

— Да нам без разницы.

Хлипкая старая дверь долго не сопротивлялась. Фельдшер сделал приглашающий жест Артёму. За ними любопытным хвостом прошмыгнула Светка.

— Да уж, — хмыкнул вошедший первым гражданский, — отошли.

В большой комнате Артёму открылась удручающая картина. Все, что могло упасть, оказалось переломано и сверху засыпано осколками стекла, влетевшими внутрь комнаты: окна Николаичей выходили как

раз в сторону центра. А посередине, на стареньком диване лежали под одеялом два тела. То, что дальше от окна, — пожилого мужчины. Он лежал на спине, белое почти под цвет подушки лицо излучало спокойствие. Только на лбу, ближе к правому виску, виднелся след от удара. На полу, как раз у изголовья, валялся макет атомной подводной лодки на тяжелой мраморной подставке. По мрамору змеилась золотом надпись: «Капитану первого ранга Георгадзе М. Н. от экипажа». Рядом труп пожилой женщины. Она пострадала больше, поскольку оказалась придавлена большим шифоньером.

— Дед явно сразу кончился, а вот бабка теплая, — констатировал гражданский, осмотрев стариков. — Его, видимо, при взрыве этой дурой огрело, он и отошел. А старуха просто не смогла сама выбраться из-под обломков. Ладно, смотреть больше не на что, Алексеич, засылай бригаду, надо жмуриков вынести, пока не запахли.

— Они не жмурики!

Все обернулись. Светка стояла, обняв себя руками, с побледневшим лицом и трясущимися губами.

— Извините, девушка, но такая у нас работа, — виновато проговорил фельдшер, — знаете, какая это по счету квартира только за сегодня? Лучше не знать. Поневоле очерствеешь.

— Простите, — Артёма разобрало любопытство, — а это чье распоряжение, нового комитета?

— Какой еще комитет? — удивился гражданский, пожав плечами. — Нет, стандартный регламент при подобной ЧС, чтоб исключить эпидемию. Вы же не хотите жить по соседству с разлагающимися покойниками? Лучше скажите, у них родственники есть? С кем потом связаться?

— У меня телефон их сына записан.

— Телефон? Хм, ну понятно, давайте хотя бы его. А сейчас пойдемте, — и он сделал приглашающий жест.

Над диваном в рамке висела фотография: молодой военный моряк держит под руку девушку в белом платье. Снизу подпись: «Вместе до самой смерти».

Потом пришлось долго успокаивать Светку. Она, проводившая дома больше времени, иногда заходила к старикам по-соседски. И, конечно, привязалась. Жгла мысль, что пока они завтракали и обедали, что-то обсуждали, вообще — жили простой обывательской жизнью, за

тонкой стенкой умирал пожилой человек. Умирал медленно, придавленный тяжелым шкафом, не имея возможности освободиться, дотянуться до лекарств. Артём мягко уговаривал успокоиться, объяснял, что сейчас тысячи стариков, и не только стариков, а молодых, здоровых людей могут умирать вот так в своих квартирах — без помощи, без надежды; под завалами, которые некому разгребать; от сердечных приступов, — потому что вызвать скорую некому да и не приедет она. Что младенец соседей тоже под большим вопросом, поскольку у Саниной жены нет молока, а смогут ли они готовить смесь в достаточных количествах? И что делать, когда она кончится?

Не помогало. Слезы после успокоительного кончились, оставив две дорожки на щеках, но эти глаза! И еще Светку колотило. Натурально, крупной дрожью, как в ознобе. Она сидела в углу, там, где раньше была их постель, обняв колени и уткнувшись в них подбородком. Артём пристроился рядом, обнял, гладил по спине и голове, то упрашивал, то пытался шутить. Светка отвечала односложно, дескать, все хорошо, и смотрела при этом полными боли глазами, не переставая трястись. Подождал минут пять. Потом десять. Светку не отпускало. Где-то у него была небольшая пластиковая бутылка с медицинским спиртом, дернулся было поискать, но потом задумался: можно ли спирт смешивать с успокоительным?

— Тёмочка, все в порядке, не беспокойся, пожалуйста, я сейчас посижу еще немного, и мы пойдем.

Да лучше бы она ревела! Бесплодные попытки успокоить супругу начали раздражать Артёма. Накопленное напряжение давало себя знать, и, столкнувшись с ситуацией, в которой оказался бессилен, он стал злиться. На себя за то, что не знает, как помочь жене, а еще за то, что никак не может решиться. На окружающих, теряющих человеческий облик, готовых рвать друг друга, лишь бы еще хоть на день вернуть привычное. На их тупость и нежелание видеть дальше своего носа. И даже на жену. А ведь он ни разу в жизни на нее голоса не повысил! Но если она будет так переживать по поводу каждого погибшего пенсионера, они никогда не выберутся из этого района, готового скатиться в ад гражданской войны за выживание.

Злость бурлила и требовала выхода. Он встал, подошел к стопке собранных вещей и взял чехол со спальным мешком. Не торопясь, сдерживая трясущиеся руки, чтоб не сорваться, вытащил его и бросил

на пол. Потом присел перед женой, расцепил ей руки, развернул ее и уложил на подстеленный спальник. Светка безвольной куклой повиновалась. И эта покорность разозлила его еще больше. Видимо, что-то все же отразилось у него на лице, потому как в ее глазах мелькнуло удивление. Удивления добавилось, когда его рука рванула тонкую ткань домашнего платьица. Одежда полетела в угол. «К черту, — мелькнула мысль, — все равно эти тряпки с собой не потащу». Света не сопротивлялась, только изумление постепенно вытесняло из глаз боль и отчуждение. А потом она стала отвечать. Отвечать страстно, как раскручивающаяся пружина, у которой лопнул стопор. В спину вонзились ногти, и ничем не сдерживаемый крик эхом катался по комнате впервые за годы жизни в этой квартирке с «картонными» стенами.

Потом все закончилось. Саднила спина, на плече обнаружился след от укуса.

— Прости меня, Светик, я не знаю, что на меня нашло...

— Не извиняйся, пожалуйста.

Она взяла его голову в ладони, нежно поцеловала в губы.

— Знаешь, а мне даже понравилось, — грустно усмехнулась, поджав губы. — Вот ты и раскрыл свою маньячную натуру. И как я жила с тобой все это время?

Улыбнулась уже веселее.

— Платье вон мне разорвал...

Встала, накинула на себя какую-то рубашку из стопки, сложенной на полу, подошла к окну.

— Надеюсь, они не мучились, — проговорила после молчаливого недолгого созерцания улицы сквозь незаделанные щели между матрасом и оконной рамой. И Артём почему-то понял, что речь идет о ее родителях. Встал, как был, подошел сзади и заключил в объятия. Света развернулась в кольце его рук, обняла в ответ:

— Ну так что, муж, какое решение ты принял? Мы остаемся или уходим?

Глава 7 Город. Военные

Ответить он не успел — в дверь снова постучали. Появилась мини-процессия: Миха с виноватой физиономией, подталкивающий перед собой невысокую черноволосую девушку, по виду вчерашнюю школьницу, одетую в уже несвежее короткое платьице с открытыми плечами. На ногах красовались старые домашние тапочки, протертые над большим пальцем правой ноги, явно ей большие. Девушка шла, чуть сгорбатившись, обнимая себя под локти скрещенными руками, уставившись в пол.

— Здрасте, — не поднимая головы, еле слышно выговорила гостья.

— Это Таня. А это Артём и его жена Света. Свет, Артём говорит, у тебя найдется что-нибудь запасное, Танюху приодеть? И, может, на ноги что-то, а то у нее та-а-кие шпильки.

Светка перевела вопросительный взгляд на мужа.

— Блин, Светик, не успел тебе сказать...

— Понятно, — перебила супруга, — так, Танюша, проходи, а вы, мужики, — брысь на кухню и посидите там. Артём, можешь пока чаю нам всем сделать.

— Ну что думаешь? — понизив голос, спросил Артём, когда за ними закрылась выжившая в катаклизме кухонная дверь.

— А чего тут думать? Это же не вещь. У меня пока поживет, а там видно будет.

Примерка затянулась, чай пришлось подогревать заново. Наконец все четверо собрались за восстановленным кухонным столом. Таня красовалась в немного великоватой футболке с диснеевским зайцем на груди. Розовые девчачьи брючки, название которых Артём так и не вспомнил, пришлись почти впору, только снизу понадобилось подвернуть. Пакет со стопкой других даров ждал в прихожей. Пожертвовала Светка и одни кроссовки, тоже слегка свободные.

— Велики не малы, — заявил Артём, — тебе в них не бегать.

— Раньше бегала, — погрустнела девушка, — я же легкой атлетикой занималась, даже за институт выступала.

— А, — протянул хозяин дома, — то-то, я вижу, ноги тренированные.

— Так, муж, — притворно нахмурилась Светлана, — ты что это чужие ноги разглядываешь? Миша, чего молчишь?

Мишаня тоже был не в своей тарелке, потому как отделался неопределенными звуками, видимо, должными выражать согласие с хозяйкой.

— Вы только не подумайте, что я какая-то легкомысленная, — внезапно проговорила девушка. — Я, если честно, и в баре-то первый раз была, мою первую зарплату отмечали! Знаете, как я долго ждала эту работу! У нас после выпуска уже все устроились, ну кто замуж не повыскакивал, конечно. А я сначала ждала этого места, потом три собеседования, проверка эсбэ, стажировка. И еще позавчера со мной, наконец, постоянный контракт подписали! Вот я на радостях и позволила девчонкам из отдела себя уговорить, — она покраснела и опять спрятала глаза, — а в баре Мишу встретила.

«Ну да, — подумал Артём, — ты и пить, наверно, еще не умеешь, а тут наш Мишаня. Как он умеет очаровывать, я разок сам видел. Мастер! Только не влюбись в него, девочка: парень он не гнилой, но постоянства я за ним не замечал. Потом страдать не придется, когда он тебя на другую юбку поменяет».

За столом раздался всхлип. Ушедший в свои мысли Артём встрепенулся, огляделся. Рыдала Татьяна. Старалась сдерживаться, но получалось плохо.

— Извините, — она попыталась промокнуть слезы салфеткой, — просто я сейчас подумала, что если бы не уехала с Мишей, то...

И всхлипнула уже громче.

— То сейчас бы уже ни о чем не беспокоилась, — мрачно пошутил Артём.

Жена сделала ему страшные глаза, привлекла девчонку, обняла, стала баюкать, как ребенка:

— Ничего, милая, теперь все будет хорошо. Миша парень хороший, он тебя не бросит.

Тот часто закивал, подтверждая. Теперь Светка строила гримасы Мишке, пытаясь что-то втолковать ему таким образом. Наконец он, видимо, понял, забрал девушку от Артёмовой жены в свои объятия, стал негромко наговаривать ей успокаивающие слова. Так и сидели

некоторое время под Мишкино воркование, которое изредка перекрывалось характерными звуками, когда Артём прихлебывал из кружки.

Наконец всхлипывания стихли совсем. Мишка и Таня ушли.

Артём и Света обедали, когда с улицы донесся звук мотора и характерные металлические нотки усиленного громкоговорителем голоса. На секунду лицо Артёма осветило радостью, захотелось крикнуть: «А вот и спасатели! Я знал, что это просто локальная катастрофа. Наконец-то все закончится!». Но краткий миг счастья развеялся, как только зазвучало обращение:

— Внимание, граждане, к вам обращается военный комендант района капитан Гаврилов. С этого момента общественный порядок в районе обеспечивают вооруженные силы. Любые антиобщественные деяния будут немедленно пресекаться. Ввиду особого положения мародерство, насилие над гражданами, порча общественного имущества караются на месте. Появление на улицах с огнестрельным оружием — под запретом. Любые массовые выступления — под запретом.

Выступление повторялось, но звук затихал, удаляясь: видимо мегафон был установлен на чем-то передвижном.

— Это что еще за новости?!

Артём откинул шторку, выглянул в окно. По проспекту неспешно двигались солдаты. Каски, бронежилеты, автоматы. Хвост колонны, которая постепенно скрылась за соседним домом.

— Хм, настоящая жизнь в городе начинается, когда в него входят гусары. Так, кажется, говорилось в одном фильме?

— Военные...

— Что?

— Там было «военные». Это выражение Козьмы Пруткова.

— Да? Вот не знал! — рассеянно проговорил Артём, садясь на место. — Действительно пришли военные, и чего от них ждать, я не знаю.

— Наверное, в первую очередь порядка? Ты же сам рассказывал, что у «Звездного» творилось.

— Это точно, — продолжая думать о чем-то своем, подтвердил Артём.

С армией у него были сложные отношения. В старших классах он относился к призыву как к неизбежному этапу свой жизни: не плохо и не хорошо, он просто наступит, и все. Так же неизбежно, как детство сменяется отрочеством, а там и взрослой жизнью, и надо быть слегка ненормальным, чтоб оттягивать или надеяться избежать.

Потом тяжело заболела мать и ему дали отсрочку. Он не просил, но если само идет в руки, что ж отказываться? Другие искали ходы, лазейки, а тут пришло само. Когда мать умерла и оснований не служить не стало, про него, видимо, забыли в военкомате. Так бывает, а он и не стал проявлять инициативы. А потом он переехал, устроился на работу, да и возраст опять же. Хорошо идти служить, когда тебе восемнадцать, и совсем другое дело — в двадцать пять. «Дедушки», которые моложе тебя на шесть лет, сверстники лейтенанты... В итоге с армией Артём разминулся.

Окружающие к этому факту Артёмовой жизни относились по-разному. Одни восхищались: мол, красавчик, так и надо, нечего дурацкую лямку тянуть и впустую два года из жизни выбрасывать. Другие смотрели искоса: мол, откосил, не то что я, долг Родине отдавший с чистой совестью.

Тыканье «неслужением» откровенно злило. Особенно в один исторический период его жизни, когда работа в охране представлялась отличной альтернативой, а его завернули как раз по этой самой причине. Дело было летом, перспектив с другой работой не проглядывалось, Артём смотрел на собеседовавшего с ним молодого человека, высокомерно заявляющего, что человек, не прошедший службы в армии, просто не может претендовать на работу в их крутой охранной фирме: на его округлившееся брюшко, на одрябшие руки, намечающийся второй подбородок, — и был в шаге от предложения тому прогуляться вместе с ним до ближайших брусьев или турника.

И вот теперь Артём сидел и пытался понять, как появление военных может отразиться на его планах.

— Вот что, малыш, ты посмотри еще раз, что мы могли забыть. А я пока схожу, узнаю, что да как. И еще, — добавил после небольшой паузы, — пожалуй, одевайся потихоньку в лесное.

— Ты думаешь, что нам лучше уйти?

— Пока не знаю, но я помню, что говорил Влад: в случае глобальной катастрофы не верь воякам в чинах.

— Почему? Разве армия не для того, чтоб защищать мирное население?

— Армия, родная, чтоб защищать государство.

— А мирное население — это не государство?

— Как тебе сказать... Помнишь, я тебе рассказывал, как при кровопотере или сильном переохлаждении организм переключает кровообращение на малый круг? Логика простая, не хватает ресурсов — отключить от снабжения периферию: руки, ноги, и спасти мозг.

Посмотрел на жену, коснулся пальцами ее щеки, легонько тронул указательным кончик ее носа, печально улыбнулся:

— А мы с тобой не тянем на мозг нации. Я простой складской работяга, а с тобой все еще хуже — учитель музыки!

— Но ты же выживальщик! Ты умеешь выжить в лесу, а значит, и других сможешь этому научить!

— Знаешь, я и раньше сомневался, что толпе обывателей типа того же Санька будут интересны рассказы, как ориентироваться в лесу или как устроиться на ночлег там же при отсутствии снаряжения, — Артём поморщился, — ну а теперь военные. Разве им нужны познания гражданского специалиста? У них, наверно, и своих хватает.

А ведь Влад говаривал еще и такое: «Это психология военных, их так учат: гражданские — субстрат, из которого надо черпать ресурсы для армии. Те, кто бесполезен, — лишние рты, и чем больше их погибнет при первом ударе, тем легче будет спасать ценные для мобилизации кадры. С моей точки зрения это правильно. Будь моя воля, для всех этих диджеев, блогеров, псевдохудожников и прочей сволочи сделал бы отдельное бомбоубежище типа вип и все такое. Из которого бы никто не выбрался. Совершенно случайно».

Миху дома не застал: Татьяна сказала, что он ушел куда-то почти час назад и еще не возвращался. Пришлось идти одному. На район потихоньку опускались сумерки. Улицы, по-прежнему заваленные всяким мусором, пустынны. Дома, как взъерошенные приземистые крепыши, подозрительно осматривались глазницами окон, готовясь встречать уже вторую ночь новой жизни. Вдоль боковой стенки «Звездного» прогуливался солдат с автоматом. На крыльце — сдвоенный пост. Один из часовых проводил его долгим, внимательным взглядом, затянулся сигаретой, спрятанной в кулаке, и опять продолжил свой мерный ход неторопливого маятника.

Площадь перед школой преобразилась. В центре стояли БТР и армейский тентованный «Урал». Понятно теперь, чьи следы были на проспекте, отчетливо заметные на поваленных столбах. На крыльце школы скучал еще один постовой. На крыше двое солдат монтировали прожектор, еще несколько ставили мачту освещения возле техники.

Перед бэтээром вокруг низкого раскладного столика собралась группка военных. Один, видимо главный, отмечал что-то на расстеленной карте карандашом и негромко отдавал распоряжения. Окружавшие уточняли иногда, по-видимому, предлагали свои варианты. Главный не перебивая выслушивал и либо кивал «хорошо, сделаем так», либо оставлял свое решение, показывая недостатки в предлагаемом плане. От их неторопливой работы распространялась волна спокойствия и уверенности — чувства, казалось, уже позабытые, хотя не прошло и двух суток. А как будто вечность прошла!

Кроме военных, на площади находились и другие люди. Недостаточно, чтобы назвать толпой. Они кучковались по всему свободному пространству, оставив пустые ореолы вокруг техники и школьного крыльца. В подавляющем большинстве — мужчины всех возрастов, объединяло их одно — одежда. Даже не сама одежда, а ее цвет: доминировали олива и хаки.

Необычный вид. Артём, конечно, и сам большую часть времени был одет в оливу, но это сам. А сам себя, как правило, не видишь. А тут как будто попал на слет выживальщиков, туристов или военизированных формирований.

— Здоро́во!

Артём обернулся. Ему протягивал руку какой-то мужик: куртка, брюки — все та же олива, на ногах мощные трекинги. Рефлекторно ответил на крепкое рукопожатие, только потом узнав в подошедшем возрастного крепыша. На этот раз он был без очков.

— Что слышно в Датском королевстве?

— Что? А-а... Да я только подошел.

— Понятно... — тот огляделся, направился к одним, к другим. Везде здоровался, негромко перебрасывался парой фраз. Минут через десять вернулся к Артёму.

— Говорят, что комендант — вон он, в центре — обещал через полчасика объявление сделать. Пока ничего не ясно.

Тут они заметили давешнего «военного», с которым были на дневном собрании, а потом наблюдали штурм «Звездного». Тот уверенно подошел к группе вокруг столика, достал из нагрудного кармана какое-то удостоверение, представился. Главный выслушал, что-то ответил, подкинув руку к козырьку кепки. «Военный» козырнул в ответ, протянул руку для рукопожатия. Ему представили окружающих, процедура повторилась.

— Хм, а у нашего землячка не меньше двух просветов на погонах, — протянул крепыш.

В своей полевой офицерской форме их «земляк» мало отличался от остальных военнослужащих.

— Почему вы так решили?

— Он старше по званию. Но на генерала не тянет.

— Если он старше, почему они не застроились?

— С чего это? Он не их начальство. Здесь или в отпуске, или вообще свеженький пенсионер, по возрасту похоже. А то, что старше, — крепыш хмыкнул, — ты в армии служил? Младшие первыми руку не протягивают.

— Понятно, не знал. Пойду поговорю, чай не чужие, может, узнаю что.

Артём неторопливым шагом направился к «земляку». Тот узнал, отошли на пару шагов.

— Мы так и не познакомились...

— Артём.

— Сергей Станиславович.

Обменялись рукопожатием.

— Вот что, Артём, всего я тебе сказать не могу, но про прежнюю жизнь забудь, нет больше той жизни. Умение продавать страховки, стричь пуделей и трясти задом на сцене вряд ли теперь пригодится. Многим придется расстаться со своим положением, и им это не понравится. Кроме того, на что способна толпа ты уже видел. И если кто-то не возьмет на себя работу пастухов над этим стадом, люди сами себя изведут под корень.

Неслышно появился капитан:

— Товарищ полковник, задачи поставил, планирую к населению обратиться. Есть желание поучаствовать?

— Василь Геннадичь, здесь ты старший, ты и распоряжайся.

Капитан кивнул на Артёма:

— Знакомый? В каком звании?

— Да я, честно говоря, в армии не служил, но нужные навыки имею...

Артём хотел было перечислить имеющиеся, но на словах «в армии не служил» капитан явственно потерял к нему интерес и дальше не слушал.

Капитан, полковник и весь штаб переместились на крыльцо школы. Туда же потянулись и разбросанные по площади гражданские.

— Так, граждане, — не форсируя голоса, начал капитан, — все заявления-распоряжения завтра. Сейчас коротко введу в курс дела и отвечу на наиболее срочные вопросы.

Из-за того, что говорил он негромко, над площадью повисла мертвая тишина, собравшиеся боялись пропустить хоть слово.

— Для начала представлюсь. Меня зовут Гаврилов Василий Геннадиевич, назначен к вам в район военным комендантом. Достоверной информации, что произошло, на данную минуту нет. Дело не в секретности, а в том, что сведения поступают очень противоречивые. Вам важно знать: по городу и другим рядом расположенным промышленным центрам нанесены ядерные удары.

— Пиндосы? — выкрикнул какой-то парень в камуфляже, по толпе прошел ропот.

Капитан поднял руку, дождался тишины:

— Прошу не перебивать, я доведу всю информацию, которая необходима. Сейчас для вас важнее не кто, а что делать дальше. Я продолжу. Вашему району повезло: удар пришелся по воинской части, а она на другом конце города. К тому же ветер был западный, все продукты распада отнесло в другую сторону. Сейчас радиационный фон в районе немного повышен, но это в пределах допустимого. Всем жителям нужно сделать влажную уборку в квартирах и на общественных территориях. Окна закрыть хотя бы пленкой.

— Эвакуация будет? — опять не выдержал кто-то.

Капитан поморщился. К нему на верхнюю ступеньку поднялся полковник.

— Мужики, я понимаю ваше любопытство, но давайте уважать труд военных. Капитан Гаврилов и его люди второй день на ногах. Если будут еще глупые вопросы, он просто закончит. Я же вижу, здесь

собрались нормальные, здравые парни, те, кому не все равно. Только поэтому комендант района тратит свое время, вместо того чтоб хоть полчасика отдохнуть.

— На вопрос об эвакуации отвечу. Во-первых, повторю, радиационный фон в районе приемлемый, жить можно. Во-вторых, куда прикажите вас эвакуировать? Все крупные города поблизости разделили ту же участь. В деревни? Где вы там жить собираетесь и что есть?

В это время из задних рядов раздались громкие возгласы и требования пропустить. Артём попытался разглядеть, что происходит, но с его места было плохо видно. Наконец в открытое пространство перед крыльцом вывалились представители самопровозглашенной власти. Впереди продирался Расулов. Он переоделся в полевую форму и был мало отличим от собравшихся. За ним, как ледокол, раздвигал толпу толстяк в спортивном. Рядом вышагивала Антипова в неизменном брючном костюме. Сопровождали «власть» все те же «дружинники», здорово разбавленные бывшими чоповцами. На плечах у многих покачивались помповики.

— Добрый вечер, — начала бывшая депутатша, — наконец-то мы нашли тех, кто ответственен за творящийся в районе беспредел.

— Капитан Гаврилов, военный комендант района «Заречный». С кем имею?..

— Моя фамилия Антипова, — холодно отрекомендовалась «брючная коза», — мы выбранный комитет самоуправления района. Почему ваши люди мешают нам проводить инвентаризацию наличных ресурсов?! Сейчас представителей назначенной комиссии не пустили в центральный аптечный склад! Дело чуть до стрельбы не дошло! Я еле уговорила ребят, иначе они просто пристрелили бы ваших гоблинов. И почему убрали нашу охрану от торгового центра?!

— У моих людей приказ. Все склады продовольствия, инструментов, а тем более медикаментов я взял под охрану.

— Вас прислали нам в помощь. И вы обязаны подчиняться распоряжениям местной власти!

— Я получил приказ обеспечить порядок и не допустить разграбления жизненно важных ресурсов. В первую очередь вот такими вот «комиссионерами».

— Да как ты разговариваешь! — Расулов лапнул кобуру, но тут же получил удар прикладом в лицо. Миг, и комитетчики оказались под прицелом нескольких автоматов. Пространство вокруг них как по волшебству очистилось, никто не хотел попасть под случайную пулю.

— Этих арестовать, охрану разоружить, — Гаврилов даже бровью не повел. — Никитенко!

— Я! — отозвался сержант, по возрасту явно из контрактников.

— Найди место, где этих можно до утра подержать. Завтра разберемся, кто есть кто.

— Сделаем, — протянул «контрабас» и совсем другим тоном обратился к уже бывшему «комитету самоуправления»: — Оружие на землю, руки за голову, по одному проходим вон туда.

— Что вы себе позволяете! — начала было Антипова.

Но полковник перебил ее:

— Мадам, не усугубляйте. Бойцы устали и на грани, просто не показывают вида. При офицерах вас бить, скорей всего, не будут. Но если завтра коменданту доложат, что вы пытались бежать и были застрелены часовым, я не удивлюсь.

Вот тут «комитетчиков», судя по изменившимся лицам, кажется, проняло. Минут через пять их всех куда-то увели.

— Значит так, — Гаврилов опять обратился к собравшимся, — сейчас брифинг заканчиваем. Утром на этом же месте в одиннадцать для гражданского населения района я доведу основные положения того, как будем жить дальше. Военнослужащим запаса предлагаю прийти к семи ноль-ноль. Для поддержания порядка требуется личный состав, а со мной людей не много. Никого насильно мобилизовывать не хочу, мне нужны те, кто добровольно захочет вернуться на службу.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться, — из толпы вышел крепкий парень лет двадцати пяти в вудландовском камуфляже.

— Обращайтесь, — кивнул Гаврилов

— Сержант запаса Сеидов, морская пехота. Я готов сейчас остаться и помочь с патрулированием.

— Спасибо сержант, но этой ночью мы сами справимся. Вас надо проинструктировать, понять, что вы успели забыть. Приходите завтра. Парни вроде вас нам нужны. И обещаю: те, кто вернется в армию, — не пожалеет.

— Так может, мы, так сказать, на добровольных началах ночью подежурим?

— А вот этого, сержант, не надо. Комендантский час объявить не успели, но я все равно не рекомендую этой ночью на улице появляться. Вы меня понимаете? — он многозначительно взглянул в глаза парню.

— Так точно, товарищ капитан, значит до утра.

В сгущающихся сумерках Артём подошел к подъезду, тихо матеря себя за то, что ушел из дома без фонарика. Еще час-полтора, и наступит настоящая темнота. Без уличного освещения ноги поломать — проще простого.

На двери висела листовка. Они что, запустили печатный станок из местного краеведческого? Оперативно! Текст гласил:

«Граждане района Заречный!

Для обеспечения вашей безопасности в районе устанавливается военное положение. Порядок обеспечивают военные патрули. Для пресечения противоправных действий у них приказ стрелять на поражение. Ради вашей безопасности появляться на улицах после наступления темноты не рекомендуется. Все огнестрельное оружие подлежит сдаче.

Завтра, в 11:00, на центральной площади района между торговым центром и школой будет проведено собрание жителей. Комендант района сделает важное объявление. Мужчинам от 18 до 45 лет явиться в крепкой одежде и обуви. С документами».

В этот момент откуда-то со стороны первого подъезда донеслось:

— Из-за о-острова-а-а на стре-е-еже-ень...

Ну вот и следы алкогольных запасов «Звездного» обнаружились. Тяжело вздохнув, взялся за ручку двери.

Глава 8 Прощай город

— Что говорят?

— Ничего хорошего, Светик. Твой муж не офицер и даже срочную не служил. Значит, буду завтра за еду радиоактивные завалы разгребать. Ты собралась?

— Все так плохо? — Светка как раз шнуровала новенькие берцы.

«Блин, она же в них всего пару раз выходила, — запоздало спохватился Артём, — да и что это были за походики? В ближайший лес, одним днем. Ну почему у нас всегда так: на охоту ехать — собак кормить. Вроде все предусмотрел, ан нет же!».

— Может, излишне нагнетаю, но для людей, которые сейчас власть, я не представляю ценности, поскольку в армии не служил. И вот теперь скажи мне, жена моя, зачем нам горбатиться за пайку, если у нас с тобой в тридцати километрах целый склад продовольствия? Скоро дожди, затем зима. Чем отапливать квартиру? мебелью? Нет, надо уходить сейчас, пока еще из района можно выйти. Что будет завтра — я не знаю.

Супруга выпрямилась, одернула такую же, как у него, горку.

— Тогда идем.

Артём по инерции стал приводить еще какие-то аргументы в пользу того, чтоб уйти, но Света посмотрела на него серьезно:

— Артём, меня не надо уговаривать. Я твоя жена, слова «в горе и радости, до самой смерти» для меня не пустой звук. Ты решил — значит идем. Я верю, мой муж в сырую землянку меня не потащит.

Артёма, как девятым валом, накрыло волной чувств, горло перехватило, он задохнулся, как будто и вправду оказался под водой, пульс ударил в виски.

Собрались быстро, все и так было уже готово. Взгляд упал на две оставшиеся пятилитровые баклажки с водой. Прикинул, одну можно пристроить на рюкзак. Хоть он и распихал двенадцать литрух по обоим рюкзакам, вода лишней сейчас не будет. Особенно пока не вышли из зоны возможного заражения. Но навьючивать жену дополнительными пятью килограммами Артём не хотел — ей и так

несладко будет. Взял баклажку, в пакет сложил пластиковые бутылки с бензином, слитым с машины, туда же сунул многотопливную горелку.

— Подожди секунду, — кинул жене и спустился на этаж ниже.

Открыл Мишаня, увидел Артёма, посторонился:

— Заходи.

— Прости, Мих, я на минутку. Я… Мы… Короче, мы уходим.

— Вот как? Ну что ж, наверно, ты знаешь, что делаешь.

— Здесь вода питьевая, в пакете горелка, бензин…

— Спасибо Артём. Только у нас все есть. Отдай лучше Саньку. У него все-таки ребенок.

— Слушай, — поддавшись внезапному порыву, зачастил Артём, — а-то давай с нами? У меня есть бункер, там запасов на год. Планировали еще с одной парой, но им не повезло, жили в центре. Вас как раз двое.

— Еще раз спасибо, я, честное слово, признателен. Но мы остаемся, — увидев удивленные глаза приятеля, пояснил: — А что поменялось, Артём? Изменились условия, но жизнь-то продолжается.

Из глубины квартиры появилась Татьяна, Миха привлек ее к себе, обнял за талию.

— А-а-а, ты видел объяву? Ну да, ты же служил, тем более пограничник!

— Ты про этого кэпа? — Миха насмешливо покачал головой. — Не, кирзой я сыт по горло, двух лет хватило. Да и не думаю, что бойцов потребуется много, не война же в конце концов. Думаю, через недельку половину тех, кто завтра побежит записываться в армию, уже дембельнут. Я лучше сразу по гражданской линии.

— И чем заниматься?

— Неважно. Думаешь, я работы боюсь? Ты, наверно, меня с офисным планктоном спутал. Это у них работа от перекура до обеда штаны протирать. Знаешь, почему я домой частенько затемно возвращался?

— Вот мне дело следить, кто когда домой с работы приходит!

— Ну, извини, привык, что все окружающие думают — раз на работу в костюме ходит, значит бездельник. А у меня десять-двенадцать магазинов в день, и в половине приходилось пиджачок и галстук снимать, рукава закатывать и вперед, выкладку лопатить.

Закончишь часов в полвосьмого где-нибудь в дальнем магазине, а еще километров семьдесят до дома.

— Ни фига себе, — Артём потрясенно покачал головой, — а я думал, это у меня работа тяжелая!

— У нас так. Хочешь денег — пашешь как вол, хочешь в восемнадцать ноль-ноль с работы выходить — иди манагером в офис, только на зепе не обижайся. Он помолчал и добавил: — А я, между прочим, физик-ядерщик, диплом красный, и дипломная работа рекомендована к публикации. Вот так вот. Женился по великой любви на сокурснице, только я для нее лузером оказался. Теперь кто-то другой ее по Средиземноморью катает и шубы дарит. Но от алиментов не отказывается — дочка у нас, хоть я ее уже лет пять не видел. Наверно, это правильно, пусть у нее не будет путаницы в папах.

Артём потрясенно молчал. За пять минут он у знал о Михе больше, чем за предыдущий год знакомства.

— Ладно, Тёма, хватит ностальгировать, разговоры разговаривать будем потом, когда встретимся. Спасибо за предложение, вы со Светкой идите, а мы здесь не пропадем, — сказал Миха. Он посмотрел на Татьяну, та в ответ улыбнулась, и добавил: — За хатой присмотрю, не бойся: если что — куда вернуться у тебя есть. Надумаешь — возвращайся, друзья у тебя здесь найдутся.

Он протянул руку, потом обнял. И закрыл за собой дверь.

Артём поднялся на свою площадку, постучал. За дверью раздалось шарканье, потом хриплый голос, в котором трудно было узнать прежнего Александра:

— Кто?

— Саня, это Артём, открой.

Шарканье перед самой дверью.

— Зачем?

Блин, грабить тебя пришел, нищеброда!

— Открой, я тебе еще воды отдам. Ты же из ТЦ так и не принес?

Дверь тут же открылась.

— И еще держи, — протянул пакет, — здесь бензин и горелка. Будешь расходовать экономно, хватит надолго.

Сосед заохал, захлопотал, принимая подарки, рассыпался в благодарностях. Глазки его подозрительно блестели, докатился легкий запах алкоголя.

— Как теща, нашлась?

Тот печально покачал головой.

— Ладно… — Артём протянул руку, — бывай, Саня.

— В смысле «бывай»? Вы что, уходите? А как же объявление?

— Ты про то, что на двери?

— Ну да. А еще мужики говорили, что будут набирать в народную дружину. Там и паек, и льготы…

— Саша, ты в армии служил?

— Конечно! — сосед даже попытался горделиво выпятить грудь. — Младший сержант, инженерные войска. Артём, такие мужики, как мы, нужны этому району!

О как заговорил!

— Ты пойми, если не мы, это быдло скатится в бардак и поубивает друг друга!

— Не, Сань. К тому же я не служил. Так что мне при этой власти ничего не светит.

Попрощался и пошел к себе. В квартире осмотрелся. Вот здесь он прожил четыре года, и два — вместе со Светкой. Увидит ли еще раз ставшие родными стены? Впрочем, это лирика, главное — не забыть чего-нибудь.

Взгляд наткнулся на валяющиеся банки со спортпитом. Вот ведь болван! Это же концентрированная еда: только белки, углеводы и витамины. Жаль, полупустые банки пристроить уже некуда. Пересыпал содержимое по фасовочным пакетам, запихнул в один из боковых карманов и так раздутого рюкзака.

Последний взгляд — вроде всё. Помог надеть рюкзак Светке, подогнал лямки, расправил складочки. Осмотрел.

— Ах ты ж мой маленький походник! — поправил кепку, убрал выбивающийся локон.

Прицепил ружейный чехол на рюкзак под правую руку, взвалил на плечи — как же тяжело! Обычно он так не навьючивался. Попробовал попрыгать. Ух! Пока лучше так не делать!

— Пошли?

Светка сосредоточенно кивнула. Распахнул дверь…

— Куда это ты собрался? — на площадке, выпятив вперед брюхо и уперев руки в бока, покачиваясь стоял сосед.

— Не дури, дай пройти.

— Вы никуда не пойдете! Сейчас каждый здоровый мужчина на счету и должен помогать родному району!

— Я думаю, без меня вы здесь справитесь. Вам же лучше, на пару едоков будет меньше.

— Ты поступаешь как предатель! — наверно, только пересохший рот помешал ему сплюнуть. — Хорошо. Иди. Только… Снарягу оставляй! Это собственность общины!

«Сайга» молча прыгнула в руки. Треск разлепляемой липучки на чехле прозвучал как выстрел.

— Дай пройти!

В подъезде уже темно, на этом фоне побледневшее как бумажный лист лицо соседа отлично выделилось. Даже ножки дрогнули и подогнулись. Интересно, штаны не обмочил? Жаль не видно.

Стволом ружья махнул в сторону – вали дескать к себе. Тот спиной-спиной спрятался за своей дверью. Молча прошли мимо. Пропустил Светку вперед, мало ли что. Но из подъезда вышел первым.

На улице за это время ощутимо стемнело, район неотвратимо погружался во тьму. Дома мрачными коробками тонули в потемневшем небе. Кое-где за мутью эрзац-остекления пробивался дрожащий свет. Свечи или светильники. Хотя вон там явно фонарик. И вон окно освещено ярче других. Не боятся! Сейчас на свет могут слететься не только насекомые.

— Держись за меня, иди след в след и не шуми.

Поднимая ноги повыше, чтоб не споткнуться, направился к проспекту. Когда вышли из-за дома, Светка невольно вздрогнула. Но молодец — никакого крика, вздоха, хотя было отчего: небо над остальным городом багровело отсветами продолжающегося пожара. В голове крутились штампы про филиал ада.

Путь намечен заранее, он и раньше так ходил: через проспект, задворками «Звездного», за ним шла окружная дорога, опоясывающая район. Неширокая, по ряду в обе стороны. А за дорогой — пара сотен метров через хаос гаражей-самостроев. Раньше, да еще днем, проход сквозь них не представлял проблем. А сейчас там можно запросто нарваться. Для многих жителей гаражи не только дом автомобиля. Артём свою держал под окнами и отлично обходился без гаража. Гараж — это «мужской клуб», где рукастые и не только мужички проводили время. Еще это хранилище всего на свете. И в такое

неспокойное время иные хомяки могут предпочесть обосноваться поближе к своим запасам. А иные — как раз до этих запасов добраться.

Но в обход — это тащиться с ценной поклажей через полрайона. Поживиться не откажутся как простые граждане, так и представители новонареченной власти, за кем бы она сейчас ни была. Реквизируют, руководствуясь «общим благом». Так что придется рискнуть.

Идти старались не отсвечивая в буквальном смысле: хоть налобники и занимают свои места согласно названию, но выключены до поры. В руке — тактический фонарик на две тысячи люменов. В темноте это фактически нелетальное оружие. В турборежиме короткая вспышка в глаза, и ожог сетчатки обеспечен. Впрочем, даже если не попадешь лучом в лицо противнику, все равно все, кто не прикрыл веки, минут на двадцать будут слепыми котятами. А двадцать минут — это очень много для того, кто умеет ценить время.

Полная темнота еще не наступила, шли сквозь густой сумрак. «Звездный» обходили по краю обширной автостоянки, сейчас пустой. В какой-то момент Артём заметил движение на стороне темнеющей громады торгового центра. Остановились. Точно, вдоль здания неспешно двигался часовой, останавливался, вглядываясь в окружающий сумрак. Интересно, решат они проблему освещения? В дальнейшем наверняка. Это сейчас народ еще не перестроился с обычной жизни, в сознании еще живут обыденные установки. Вот пройдет неделя, может месяц, и поймут, что голод — это не эфемерная угроза, про которую разве по телевизору расскажут или в исторической книжке. Что в магазин не метнешься при опустевшем холодильнике. И что от него реально можно умереть. Вот тогда начнут пробовать на прочность охрану промскладов, ибо терять, по сути, уже нечего.

Подошли к окружной дороге. Через нее — ворота гаражей. Блин, не успели или время не рассчитал, темнота уже сгустилась. Вообще-то, по-хорошему, подождать и выйти перед самым рассветом. Патрули, если и будут, уже утомятся. Да и в лес входить лучше, когда светать начнет. В темноте да с тяжеленым рюкзаком переломать ноги в буреломе — легче легкого. Ну а со сломанной ногой в лесу не до путешествий, тут бы выжить. И что тогда, возвращаться? Что-то подсказывало, что инвалиды новой власти не особенно нужны. Короче,

по всему выходило, что двигать лучше под утро, но изнутри прямо жгло, внутренний голос вопил: утром будет поздно! Впрочем, соседушка, небось, успел наябедничать. Так что назад дороги нет.

Постоял вслушиваясь. Со стороны района изредка долетали крики, иногда отрывки песен: кто-то, видимо, напоследок гулял. Где-то в отдалении хлопнул выстрел. Автомат? Или охотничье? Далеко, не разобрать. А вот со стороны гаражей — тишина. Вытащил из чехла ружье, фонарик занял штатное место под стволом. Надо решаться. Перешли дорогу, ворота прикрыты, но не на замке. С взведенными нервами, стараясь не шуметь, просочился и сразу встал в нерешительности. Светка сзади, держится за его рюкзак, чтоб не потеряться.

Темно — хоть глаз выколи. Идти наощупь? Хорошего мало. Включать свет? Ох как не хочется. Неизвестно, к какому решению он рано или поздно бы пришел, но тут «дали свет» — из-за тучек наконец-то выглянула луна, да так ярко! Артём непроизвольно вздрогнул. Рядом рукой зажимала себе рот Светка. Сразу за воротами, буквально в паре метров от них, лежала куча трупов. Кто-то скажет: ну что это за куча! Так, человек пятнадцать, ну двадцать. На фильм ужасов не тянет. Да только куча эта не на картинке, не на экране. Вот она. Вернее, они — еще недавно, этим утром, живые люди. С кем-то, возможно, Артём мог видеться, даже разговаривать. И вот он здесь стоит, а они лежат. Вповалку. Их даже не удосужились подальше оттащить.

Что-то смутно знакомое царапнуло сознание, пригляделся. Да, точно, молодой чоповец, убитый утром на ступеньках «Звездного». Лежит в самом низу, по пояс высовываясь из-под какой-то тетки. Понятно, надо же было куда-то девать не переживших налет. Кого подавили в темноте, кто сорвался с лестницы. Кому-то наверняка прилетел на голову здоровенный ящик с верхней полки. Ну а кого-то убили его же земляки просто потому, что у этих, других, дома дети голодные. Скорее всего, Серегина теща где-нибудь здесь же и найдется. Впрочем, вряд ли это единственная куча.

Оторопь немного отпустила. Артём тронул жену за плечо, молча мотнул головой в глубину гаражных рядов. Света часто-часто закивала, не отрывая ладошку ото рта. Стараясь не задеть чью-нибудь руку или ногу, пошли дальше. И чуть было не наступили еще на один

труп, который лежал немного в стороне. Родионыч. Вот ты где. Как же тебя угораздило, неугомонный ты наш правдоискатель? Неужели, поддавшись общему настрою, решил поживиться в темноте торгового центра? Хотя, скорее всего, не пришелся ты ко двору самоизбранному «комитету». Жалко деда. Пусть и бестолковый, с дурной инициативой, но без гнили внутри.

— Прости, Родионыч, — пересохшие губы с трудом разлепились, слов слышно не было. — Прощай.

Глава 9 Лес

При свете луны гаражи прошли неожиданно быстро и без дополнительных приключений. Вот и лес. Как бы ни хотелось, включил налобник на минимальное свечение.

— Очки.

— Зачем? — удивилась Света. — И так ничего не видно, а в очках так вообще хоть глаз выколи.

— Вот именно, «глаз выколи». Где они у тебя?

Светка вытащила из нагрудного кармана тактические очки.

— Надевай. Не так уж они и мешают, зато глазом на сук не наткнешься. И близко ко мне не прижимайся, иначе будешь ловить те ветки, которые я отгибаю.

Вломился. Сзади чертыхалась жена.

— Потерпи, родная, на опушках всегда так — света поступает больше и подлесок разрастается. Сейчас заглубимся, пойдет полегче.

Через полчаса остановился, расстегнул грудную стяжку рюкзака.

— Достаточно.

— А я думала, мы всю ночь идти будем.

— Ночью по лесу ходить нельзя, слишком травмоопасно. Нам просто нужно было отойти подальше. Сейчас немного поспим, как раз светать начнет. Тогда и двинем.

Три часа сна пролетели как одно мигание: веки смежились и тут же поднялись. Через ткань наспех поставленной палатки пробивался робкий свет. В ухо сопела Светка, отдавливая правое плечо. Рука, обнимавшая жену, слегка затекла. Пальцами левой пощекотал ей нос. Светка скорчила смешную мордочку.

— Любимая, просыпайся, — прошептал ей в самое ухо.

— Сейчас-сейчас, еще одну только минуточку, — забормотала, переворачиваясь на другой бок и пытаясь завернуться в Артёма, как в одеяло. — Представляешь, мне такой страшный сон приснился, будто все, к чему вы с ребятами готовитесь, сбылось. Голос затихал, она опять проваливалась в сон: — Глупость какая.

Внезапно к горлу подкатили слезы. Остро захотелось, чтобы все действительно оказалось сном. Вот сейчас Влад бесцеремонно откинет

полог и проорет свое дежурное: «Рота, подъем!». И откуда-то из-за пределов микромира палатки докатится голос Веры: «Вставайте, лежебоки, или голодными на переход отправитесь». Зачухает помпа горелки, накачивая давление, а Муха затянет свое извечное, что для сурвивальщиков бензин, как, впрочем, и газ, не круто.

— Вставай малышка, нам надо идти.

Собрались быстро: Артём не стал разбивать полноценный лагерь, ограничившись кинутыми в палатку пенками.

— Замерзла? — взял ее ладошки в свои. — Извини, следующую ночь спим по-нормальному: в спальниках, надую коврики. Ну а в убежище нас ждут нормальные кровати. Мы с Владом пару спален оборудовали, как раз на две семьи. А сейчас давай отойдем от города подальше, тогда и на завтрак остановимся.

— Ты боишься тех, кто остался?

— Скорее опасаюсь. Только не спрашивай, сам не знаю чего. Просто чувствую, что с этими военными мне не по пути. Почему-то мне кажется, что просто так они бы меня не отпустили.

Все планы пошли прахом. Ехать они должны были на Владовом внедорожнике. Дизель, огромные колеса, лебедка, экранированная проводка. В общем, мечта выживальщика — машина, подготовленная преодолевать завалы, бездорожье, загазованную местность. Даже выстрел из дробовика способна выдержать. Вот только ударную волну или рухнувший сверху дом она явно не пережила. И даже если пережила — вряд ли уцелела в огненном аду, который бушевал в городе до сих пор.

— Слу-у-ушай, — супруга сменила тему, — а зачем ты на компас постоянно смотришь? Я считала, почти каждый десятый шаг.

— Правда? Уже и не замечаю, видимо, привычка, — усмехнулся, — видишь ли, человек не птица, встроенного компаса нет. И ориентиров в лесу нет. Как думаешь, быстро начнешь сбиваться с направления?

— Ну-у-у... — протянула, — не знаю. Но не каждые же десять шагов? Ты не думай, я с дедушкой все детство за грибами ходила. А он, между прочим, никогда ни с какими компасами не ходил. И навигаторов тогда не было.

Подмигнул, раззадоривая:

— Хочешь, попробуем? Направление вон туда, — показал рукой. — Давай, иди впереди.

На десятом шаге остановил.

— Ну и куда нам?

Светка уверенно махнула.

— Не-а, — улыбаясь, поднес к ее глазам левую руку, где на большом пальце, на ремешке, устроилась прозрачная таблетка с плавающей двухцветной стрелкой, — смотри.

— Э-э-э... А у тебя компас не врет? Не могла же я так быстро сбиться.

— Компас не врет, — потрепал ее по плечу, щелкнул по козырьку кепки, затем провел тыльной стороной ладони по щеке. — Ты когда вон те кусты обходила, уже сбилась градусов на тридцать. Без компаса в лесу делать нечего.

— А, ну да, тем более без навигатора...

Навигатор и вправду не работал. Нет, он, конечно, включался, показывал карту, позволял играться с меню. Вот только положение не определял, поскольку не видел ни одного спутника. А без этого он — просто хранилище карт, к тому же жрущий акумы. Так что навик отправился в дальний карман рюкзака, и Артёму пришлось вытаскивать распечатанные топографические карты. И, конечно же, ломая голову, вспоминать, как обходиться без умной электроники.

Глава 10 Городок. ТЦ "Аврора"

Внутри что-то рухнуло, раздался звон бьющегося стекла и следом крик.

Пока альтер эго бубнило свое извечное «ну что, там без тебя не обойдутся?», ноги сами внесли внутрь. Картинка в общем-то ожидаемая, в этом здании Артём был несколько раз: высокий, обрамленный лестницами зал, типичный провинциальный торговый комплекс, сдающий свои помещения кучке магазинов. На втором этаже витрина, обезображенная проломом. Остатки стекла разбросаны по плитке пола. Поверх осколков валяется мужик средних лет, явно в отключке. В паре шагов от него стоит парень, пытаясь зажать предплечье, из которого подозрительно много льет. Людей внутри мало. Кто-то озирается по сторонам, кто-то ведет себя так, будто ничего не случилось: ну подумаешь, какой-то мужик вывалился сквозь стекло со второго этажа! Десяток человек суетятся, создавая ненужный хаос.

Скинул рюкзак у колонны, кивнул жене:

— Стой здесь и присмотри. Если что — зови меня. Громко. Поняла? Хорошо.

Пока взгляд обшаривал пространство вокруг пострадавших, и главное над ними — не свалилось бы что-нибудь на голову, — рука автоматом нащупала в набедренном кармане перчатки. После первых же курсов первой помощи купил большую упаковку и распихал по всем карманам. Когда собирался, так и не выложил — места не занимают. И ведь не думал, что пригодятся!

Задержал взгляд на витрине. Опасных зубьев, только и ждущих, чтоб сброситься на голову, не видно — витрину вынесло почти полностью. Вздохнул, причин не идти не наблюдается. Ну что ж, вперед! На ходу натягивая тонкий нитрил, пошел, раздвигая народ плечами.

— Пропустите.

Люди недовольно оборачивались, но, завидев здорового парня в синих медицинских перчатках, тут же менялись в лице и поспешно расступались.

— Показывай, что у тебя?

Парень, по виду ровесник, поднял растерянный взгляд и, не меняясь в лице, перевел его на правое предплечье. Туда, где чуть ниже локтя он прижимал левую ладонь. Из-под ладони продолжал бодро бежать алый ручеек.

«Твою ж мать! — заголосил внутренний умник. — Это даже не резаные вены. Явно достало до артерии, само не остановится!».

Взглянул в испуганные глаза. Ты еще жив, но, судя по реакции окружающих, — уже покойник: пока эти бараны будут крутить башками, бекать «что случилось?» и «какой кошмар!», кровь у тебя кончится. Вместе с жизнью. Эмоции растаяли с последними сожалениями о ненужном геройстве.

— Понятно. Ложись пока... да не в лужу, потом одежду задолбаешься отстирывать от крови. Рану не отпускай!

Бросил взгляд по сторонам.

— Так, вы и вы, — прямая рука с синим наконечником ладони вытянулась в направлении двух мужиков, выглядящих адекватнее других, — подойдите, пожалуйста, нужна ваша помощь.

Дождался ответных кивков.

— Так, вы... как зовут?

— Федор Николаевич.

— Федор, встань у меня сзади, посмотри, чтоб нам никто не мешал. Лады?

— Так, а вас?

— Карим.

— Хорошо, — запоздало сообразил, что просить второго вызвать скорую бессмысленно, просто сработали наработанные алгоритмы. — Пока подождите.

— Ложись на правый бок... стой! — похлопал себя по карманам, вытащил маленький цилиндрик фонарика из EDC-набора, пристроил его под мышку пострадавшей руки, чуть поправил, чтоб передавить артерию, — переваливайся. Вот, голову сюда.

Сидя на корточках, поправил пострадавшему голову, согнул левую ногу. «Ты смотри, почти идеальное устойчивое боковое! Видно, научился чему-то, аж гордость берет!» — жужжало на заднем фоне второе «я». Так, течь прекратилась, значит, артерия пережата. Облегченно выдохнул — пара минут есть.

— Федор, посмотри за ним, хорошо? — взгляд у того осмысленный, это радует. — Никого не подпускать, всех помощников в шею, или мы его потеряем. Отключится — крикнешь мне, я пока второго гляну.

Вокруг второго уже сгрудилось несколько человек.

— Ну-ка пропустите, да разойдитесь же! Стоять, блин! — кровь бросилась в лицо, крик вспугнутой птицей метнулся внутри зала.

Двое парней пытались за плечи и за ноги поднять лежащего.

— Руки в стороны! Отошли! — приходилось уже орать, форсируя голосовые связки

— Да мы на воздух хотели... — забурчал один.

— А ты кто такой будешь? — попытался наехать второй.

Ну конечно! Вот и неравнодушная общественность!

— Это тебе потом объяснят, — спокойно, глядя прямо в глаза «наезжальщику», — а ты, в свою очередь, объяснишь, за что ты его угробить хотел.

— Что-о-о?

Уже негромко, обращаясь к первому «помогальщику», да и ко всем остальным:

— Куда, на фиг, вы его тащите?! Явный перелом со смещением, — показал на правую голень, искривленную под неестественным углом, — сейчас осколками кости сосуды повредите, и хана. Кто его родным будет объяснять, почему вы его убили?

По толпе прокатился ропот. Поднял руки, ладони на уровне груди, как бы отталкивая народ.

— Отойдите шагов на пять, дайте место. Вот ты, дружище, если на самом деле хочешь помочь, отодвинь людей, дай мне место для работы.

— Ага... Братва, ну-ка давайте двигайте, видите — человеку мешаете!

Ну-с, что тут у нас? Лежащий без сознания, по крайней мере глаза прикрыты и... хм, не разговаривает. Бледноват, но не чрезмерно, на сильную кровопотерю не похоже. Что там еще? Про что ты мог забыть? А, да ладно, давай по ходу разбираться. Присел на корточки, потом наклонился, почти прижавшись левым ухом к его губам, взгляд замер на груди.

— Раз, два, три, четыре...

Почти сразу услышал звук вдоха, щеки коснулось дыхание. Грудь и живот мерно ходят — дышит. Ну, слава богу, хоть это.

— Сынок, на вот, возьми.

Поднял глаза — сквозь толпу протолкалась какая-то тетка и протягивала здоровенную булавку!

— Ты язык-то ему к щеке приколи. Что ты на меня так смотришь? Или вас там этому не учили?!

Внутренний умник заржал в голове.

— Кто-нибудь, приколите язык этой «помощнице», — выделил голосом последнее слово, повернулся к «наезжальщику», — как тебя?

— Серый.

— Серый, ты за народом смотришь?

— Мать, иди отсюда, видишь — без тебя справляются. Ты говори, братан, чем помочь?

— Помочь? Да, помощь нужна. Надо ему голову запрокинутой подержать, чтоб язык и вправду не запал. Ворочать его сейчас ни в коем случае нельзя.

— Я! Давайте я подержу, — рядом присел паренек лет двенадцати, добавил сквозь слезы, — это мой папа.

— Как зовут?

— Папу?

— Тебя, — выдавил ободряющую улыбку: «Вот ведь засада. Смотри не угробь мужика на глазах сына!».

— Коля... Николай.

— Значит, Коля-Николай, держишь папе голову вот так, — запрокинул, проворачивая, как на шарнирах, — в таком положении язык не западет и папа будет дышать. Без булавки, — сверкнул глазами в сторону, тетка испуганно юркнула за спины, — и слушаешь дыхание, понял?

Парнишка смахнул слезу, кивнул.

— Голову не отпускаешь. Дыхание слушаешь. Смотришь на грудь и живот — увидишь, как дышит. Если начинает хрипеть или перестает дышать, сначала проверяешь, не опустилась ли голова. Потом зовешь меня. Понял?

Паренек, уже приняв отцовскую голову в руки, опять кивнул.

Здесь пока все? Ну а что еще? Дышит, без сознания, не течет. Лишь бы парнишка голову не упустил. «Этот? Этот будет держать».

Встал, стараясь не коснуться себя перчатками, уткнулся лбом в локтевой сгиб. Господи, ну где инструктор, когда он так нужен?! Я же не медик и не воевал, как Влад. Я ранения только по видео да на манекенах видел! Вдох-выдох, вдох-выдох. Не раскисай, выживальщик, ты для чего столько на курсы ходил? Давай, реализуй на практике!

— Карим! Ты где?

Тот появился молчаливой тенью.

— Будь добр, найди мне что-то вроде косынки. Знаешь, есть такие, медицинские?

Карим отрицательно мотнул головой.

— Любой кусок ткани, треугольный, чтоб длинная сторона была около метра. Хоть из штор нарви. И нужен вороток. Палочка такая, попрочнее, можно отвертку.

Вернулся к первому. Над ним нависал Федор, оттесняя любопытствующих. Присел на корточки рядом, стараясь не наступить в растекшуюся кровь. Посмотрел, вроде ничего не сочится, да и маленькая лужица под раненной рукой не увеличилась. Немного отлегло.

— Живой? Как звать-то тебя?

— Рустам.

— Хорошо, Рустам, сейчас я тебе закрутку наложу, придется потерпеть.

— Может, ремнем перетянуть? — Федор указал на свой пояс.

Артём поморщился, покачал головой:

— Плохая идея. Его не зафиксируешь и, если что, не докрутишь потом. Впрочем, как и жгут эсмарха...

У Артёма на поясе в чехле висел отличный кровеостанавливающий медплантовский жгут-турникет, вот только использовать его на постороннем человеке не хотелось.

«Всегда используйте аптечку пострадавшего или подручные средства. Ваша аптечка — для вас, — говорил инструктор на курсах первой помощи, — иначе свое израсходуете на первого раненого, а когда прилетит вам, будете, как говорится, с голой задницей».

Карим молча возник рядом, как будто материализовался. Протянул комок ткани, две отвертки и толстый маркер в пластиковом корпусе. Артём выбрал из комка одну тряпочку — вполне сойдет, хоть

и синтетика. Сложил вдвое, пристроил маркер. Ну, теперь только не накосячить! Мысленно прокрутил в голове движения, вроде ничего не забыл.

— Так, Рустам, сейчас перевалишься на спину, кровь пойдет опять, но недолго, я тебе быструю закрутку наложу... Подожди пока, я все приготовлю. Давай!

Одним заученным движением перетянул руку под плечом, два оборота маркера, и кровь, пошедшая было снова, опять остановилась. Хорошо, что не бедро, вот там намучаешься! Наскоро зафиксировал свободными концами косынки вороток.

— А вот теперь наложим плановую...

— Э-э-эй! Как вас там... — раздалось со стороны мужика со сломанной ногой, — папа очнулся

— Рустам, придержи вороток, я на секунду. А ты, Федор, присмотри за ним, вдруг отключится. Сразу меня зови, понял?

Сделал шаг в сторону переломанного. «Эй-эй-эй, куда?!» — заорал внутренний умник. Что не так? Оглянулся — он же на спине! Да еще и сам повязку контролирует! А если сейчас отключится?! Мотнул головой, отгоняя сомнения, — прорвемся! Бросился к лежащему мужику, народ расступался уже сам.

— Меня зовут Артём, я вам помогу, только с другим закончу. У вас перелом со смещением, пожалуйста, лежите не шевелитесь.

Мужчина закивал. Сын попытался снова запрокинуть ему голову, остановил:

— Сейчас не надо. Просто разговаривай с ним. Вот если опять потеряет сознание, тогда запрокинешь. Ты меня понял?

— Серый!

— Да!

— Как у вас тут со скорой? Смысл врачей ждать есть?

— Я сразу понял, что ты не местный... Не, братан, не ездит у нас ничего. И врачи из больнички ни ногой. Их, походу, оттуда просто не выпускают.

— Понятно, значит надо тащить. Так, граждане, мне нужно как можно больше ткани, подойдет любая. Карим! Найди какую-нибудь палку поровнее, типа ручки от швабры. Только прочную. И косынок понадобится много. Подойдут ремни, нужно будет к палке его приматывать...

Ах, да, ты на чем его тащить собрался? Подзавис на секунду. Действительно... Снять дверь? Бли-и-ин, про дверь же что-то говорили... Что?! Как отрезало. Альтер эго тоже молчит. Так, спокойно! Мы сломанную ногу примотаем к здоровой через прокладки из ткани, чтоб не шевелить место перелома, так? Так! А здоровую и всего мужика до подмышки к палке. Так... А, к черту все, решено — делаем носилки!

— Нужны две длинные палки и веревка. Найдем?

Серый заверил, что при необходимости из-под земли достанет. Почему-то верилось.

Вернулся к Рустаму. Ну вот, все хорошо, пациент скорее жив, в сознании и дышит. И придерживает вороток здоровой рукой. А на курсах за такое дисквал точно. «Блин, а у тебя выходит!» Не торопясь выбрал косынку из ткани, более всего похожей на хэбэ. «Не суетись, у тебя все получается». Не спеша завязал на двойной узел, затянул потуже. Это же не курсы, сразу после упражнения косынку снимать не придется. Теперь отвертку, как вороток, крутим... зафиксировать...

— Может, с другой стороны? — спросил Федор.

А что? Вот болван! Фиксирующие концы пропустил наоборот!

— Да, спасибо! Забывать уже начал, как обычными косынками работать! — подмигнул Рустаму. — Ну как? Норм?

— Спасибо. А я уж думал — все, хана. Я держу, а она течет.

— Ладно, ладно, лежи, береги силы.

Снял временную закрутку, с маркером. Им же прямо на лбу удивленного Рустама крупно написал время. Повернул пострадавшего снова на бок, рану накрыл еще одной косынкой, поймал взгляд Федора.

— Смотри за ним. Контролируй сознание, разговаривай. Отключится — контролируй дыхание. Óкей? А я пока нашим прыгуном займусь.

Изначально в этот городок заходить не планировал. Да и путь лежал немного в стороне. Но сначала Светка высказала робкую идею зайти за новостями, а после Артём и сам, боясь себе признаться: «А может?..», согласился с тем, что идея хорошая.

Они с приятелями бывали здесь раньше, во время походов. Городок как городок — обычный спутник промышленного центра: тысяч десять населения, бóльшая часть которого ездила на работу в город, производства как такового нет, филиал вуза, несколько

профилакториев, под боком россыпь дачных поселков. Кажется, как раз сюда сосед возил свою тещу с рассадой.

Торговый центр «Аврора»... Хотя какой центр! — так, центрик недалеко от окраины. Автовокзальная площадь, открытые ряды для частной торговли, большая парковка, сейчас по-прежнему забитая автомобилями. В общем, некое сосредоточие цивилизации, но не центровое. Идеальное место, чтоб узнать новости и сильно не светиться.

Не светиться не получилось.

— Добрый день всем!

Нарвался! Краем глаза Артём видел, как справа от него, со стороны ног пострадавшего, толпа раздвигается. Впереди уверенный парень, моложе тридцати, темные волосы в пучке, сильно выцветшая, когда-то красная повязка с оставшимися бледно-желтыми буквами «...жинник». Из-за его спины выглядывал совсем молодой, чуть старше двадцати, с очень живыми глазами, подвижный, как ртуть, паренек в камуфляже.

— И что у нас здесь происх... Ага. Перелом? Да, вижу, перелом, — взгляд парня уцепился за перчатки, рука дернулась к карману, но секундой позже он уже опускался рядом на корточки, — давай помогу.

— Там, — Артём показал подбородком, — еще один. Глубокий порез правого предплечья. Я наложил закрутку, лежит в устойчивом боковом. Должен быть в сознании. Его можно эвакуировать.

— Леший, слышал?

— Да, ща займусь, — камуфлированный паренек отправился к Рустаму. Оттуда донеслось: — Ба! Какие лица! Как же ты так?

Послышался оправдывающийся голос Рустама. Что-то какой-то слабый. Неужели успел столько крови потерять? Да не, не должно: судя по луже, пол-литра, может чуть больше. Ты с повязкой не накосячил? Или закрутка ослабла и рана подтекает? Чуть не бросился проверять.

— Сталкер, слышишь? Рустам в сознании, мы ща потихонечку своим ходом дотопаем...

— Стой! — Артёма обожгла догадка, — какой на фиг «пешком». Слышишь, как разговаривает? Это его от адреналина отпускает. Сейчас пойдете и на улице он у тебя отключится.

— Не боись, допру, если че! Я в армии не таких таскал!

— Да на тебя мне пофиг, а вот если он в кому впадет? Как там тебя, Сталкер?

Первый парень, довольно споро орудовавший с косынками, поднял глаза:

— Того, — опять ткнул подбородком в направлении Рустама, — надо тоже на носилках. Есть где взять?

— С носилками согласен. Вот только где их... До больнички кого послать?

— Ну-ка, пропусти... Такие подойдут? — объявился Серый с целым пуком гардинных карнизов. Обмотаны они были длинным шнуром, с бахромой и кисточками.

— Блин, хлипковаты, — Артём попробовал один из деревянных прутков на прочность, — жаль, длина в самый раз.

— Подожди, — парень, названный Сталкером, тоже взял один из карнизов, — их здесь много, можно по два, даже по три связать, у меня скотча есть немного. А шнур хочешь как полотно навязать? Тогда нужны короткие распорки. Можно, в принципе, одну палку на них пустить, вот только чем отрезать?

— У меня есть чем, — буркнул Артём.

А ты не слишком вкладываешься в эту ситуацию? Сейчас предьявишь им свою замечательную раскладную ножовку, а потом отправишься дальше с пустыми руками? Но спорить с самим собой не стал, а то шизофрения какая-то получается!

Наконец-то обоих пострадавших под руководством Карима утащили в направлении местной больницы. Сталкер заверил, что врачи там дежурят и в безостановочном порядке оказывают помощь всем, кто обратится. Сам Сталкер и его напарник остались, хотя Артём надеялся на совершенно другой исход.

— Ну что ж, теперь можно и поговорить спокойно. Отойдем?

Расположились у огромного витражного окна. Неподалеку, тревожно поглядывая и переминаясь с ноги на ногу у колонны, Светка изображала стойкого оловянного солдатика, приставленного к двум рюкзакам. Артём ободряюще улыбнулся жене.

— Как нас зовут, ты уже понял. К тебе как обращаться?

— Артём, — пожал плечами.

— Документов при себе, у тебя, конечно, нет?

— Документы при себе, у меня, конечно, есть. Вот только почему я тебе их предъявлять должен?

— Хм... Вопрос резонный, — Сталкер сделал вид, что задумался, — может потому, что нас больше?

От входа в их сторону направлялись еще двое. Камуфляж, разгрузки, неспешные уверенные движения. На рукавах — такие же повязки «Дружинник». «Доигрался в благородство!» Но вслух сказал другое:

— Ага, играете в правильных парней, но руководствуетесь при этом правом сильного? Вы, я так полагаю, — местные органы самоуправления?

— Даже не знаю, на что отвечать, — Сталкер развел руками, одновременно качая головой. — На вопрос или наезд? Ладно, начну с вопроса. Как ты выразился, «органы самоуправления» — это не мы. Мы волонтеры, то есть добровольный отряд помощи населению. В том числе приглядываем и за порядком. Теперь что касается права силы. Согласен, мой косяк, неправильно начал разговор. Но и ты нас пойми. Что видим? Чувак, крепкий, подготовленный, толпу вон как застроил. Опять же — прикинут по-лесному, экипировка, амуниция... Только не говори, что ты обычный дачник-грибник, в лесу заблудился и только что вышел. Не будешь?

Артём усмехнулся, молча покачал головой. Парень продолжил:

— Хорошо. Так вот, всех таких спецов в нашем городке я знаю лично. Тебя не знаю — значит, ты чужой. Возникает естественный вопрос — что чужому спецу у нас нужно?

— Спокойно, — Артём поднял руки в примирительном жесте, — я на самом деле проходил мимо и зашел узнать, что слышно. Ничего более. Как сам, наверно, знаешь, с радио, интернетом и тому подобным сейчас напряженка. А тут этот прыгун, вот на рефлексах и вписался. Как выясняется — на свою голову.

— Вписался-то ты как раз правильно. Иначе Рустаму точно кранты, хрен бы ему тут помогли. А он нашему городку нужен. Так что за Рустама спасибо отдельное. — И Сталкер протянул руку.

Артём рефлекторно пожал. Некоторая взвинченность начала отступать. Он, наконец, обратил внимание, что стоящий за плечом Сталкера Леший рассматривает его с интересом, но явно

доброжелательно. И двое подошедших какой-либо агрессии не проявляют.

— Артём, такое предложение — идем сейчас в штаб. Ну, этого, как ты говоришь, самоуправления. Там тебе рассказывают, что известно у нас, а ты, если не откажешься, расскажешь, что знаешь или слышал сам. Идет?

Альтернатива, конечно, так себе, но его явно не хотели отпускать.

— Ладно... — немного замялся. Светка! Сделать вид, что не знакомы? Кто знает, выйдет ли он из этого штаба? С другой стороны, оставить здесь — что она сможет одна? Не то что бункер не найдет, из города может не выйти.

Разрешил сомнения опять Сталкер.

— Девушку с собой бери, не переживай. Здесь ей одной оставаться не резон.

Снова рюкзак отдавливает плечи. Слева прижимается Светка. Шагая под рюкзаком, это не самое удобное. Сказать бы ей... Но, глянув жене в лицо, Артём передумал. Кстати, Светкин рюкзак тащит Леший. Сам предложил, вон он, впереди шагает. Легко, как будто бы с пустыми руками. Двое подошедших дружинников с ними не пошли, попрощались и куда-то исчезли. Сталкер вышагивает справа.

— А ты у кого учился? Не у Герасимова, часом?

— В смысле?

— Я про первую помощь. Представляешь, когда тебя в перчатках увидел, сразу почему-то про него подумал. И работаешь косынками. Ну и закрутка — это же Сергея Васильевича разработка.

— А-а-а, ты про это... Честно, не помню, как ведущего звали.

— Так ты не из поисковиков?

— Кого?

— Понятно... жаль, — по лицу Сталкера пробежала волна разочарования, но только на мгновенье. — Про добровольный поисково-спасательный отряд что-нибудь слышал?

Артём покопался в памяти, пожал плечами.

— А как же ты на курсы к Герасимову попал?

— Да просто: порылся в интернете, нашел курсы, почитал отзывы, сходил. Понравилось, старался хотя бы раз в год обновлять знания.

— Сталкер, он, наверно, про платные говорит!

— Ну да, платные, а какие они еще бывают в наше время? Сейчас даже прыщ бесплатно не вскочит.

Сталкер покачал головой

— Поверь, ты ошибаешься.

Глава 11 Городок. Равилич

С удивлением Артём отметил, что никаких особенных изменений в самом Городке нет. Против ожиданий — ни разрушений, ни следов пожара, даже стекла везде целые. Улицы чистые, а не заваленные всяким мусором и поваленными деревьями. Малолюдно — это да. Если вычеркнуть из памяти последние пару дней, то легко можно представить, что все как обычно, жизнь продолжается, а все недавние события — страшный сон. Хотя чего он ждал? Того же, что было дома?

Вначале сосало какое-то чувство неправильности в этой обыденной картине, потом наконец дошло — на улицах нет машин! Спросил Сталкера.

— С автопарком у нас все нормально, электромагнитный импульс не достал. Просто на общем собрании решили, что пока не прояснится — бензин не жечь. Он сейчас невосполнимый ресурс.

— И как, все тут же послушались?

— Сомневаешься? Вообще-то правильно делаешь. Ну да, не все готовы отказываться от своих сиюминутных удобств ради общего дела. Ничего, — он усмехнулся, — пришлось осваивать методики убеждения. Впрочем, коллективное мнение — это сила, если уметь пользоваться. Главное — качнуть мнение большинства в правильное русло, а там активная общественность поможет с особо непонятливыми.

Артем поморщился, затем уточнил, — И прям все-все теперь, как один, как говорится, в едином порыве?

— Нет конечно! Кто-то по-прежнему думает, что самый умный: может на общих собраниях гривой кивать, а под шумок тырить то, что, по его мнению, ничье. А есть уникумы, до которых вообще, похоже, не доходит. Что поделать, дефекты воспитания! Пришлось прибегнуть к непопулярным мерам.

— Вот как?

— А как ты хотел? Думаешь, мы здесь будем смотреть, как кто-то из-за своих капризов ставит под угрозу выживание большинства? Нашлись тут шестеро из золотой молодежи на каникулах: четыре великовозрастных балбеса с двумя подружками.

— И что с ними сделали? Убили? — Светка округлила глаза.

— Да по-хорошему надо было...

— Леший, ну не начинай. Нет, зачем же. Вывели на границу городка и пинка под зад. Пусть тешат свою блажь где угодно и перед кем угодно. Если найдут таковых. А в городок им появляться заказано.

— А если наплюют на запреты? Они же, как ты говоришь, отмороженные? Что сделаешь?

— Если нам попадутся, так это им повезет. Потому как есть среди жителей и такие, которые не прочь с ними повстречаться. Вот тогда будут у ребят проблемы.

— А куда же им идти?

— Куда хотят.

— Но это же негуманно!

— Негуманно подставлять всех. Чем жизнь этих мажоров ценнее жизни матерей с детьми на руках?

Светка, видимо, хотела еще что-то возразить, но не нашлась. Дальше шли молча.

Штаб располагался в местной мэрии — здании еще советской постройки из силикатного кирпича, с высоким крыльцом, призванным изображать трибуну перед небольшой площадью. На входе — вахтер, похоже еще со времен «до». Кивнул Сталкеру и Лешему, как знакомым.

— Эти со мной. Где Равилич, не знаешь?

— В сто восемнадцатой был.

Сто восемнадцатой оказалась большая комната метров шестьдесят-семьдесят квадратных, с большим овальным столом посередине, по стенам ватманские листы, исчерченные схемами и таблицами, несколько досок для рисования маркером, большая карта города.

— Дима, твою мать, ты что, не догоняешь? У нас просто некого поставить на эту задачу!

— Блин, это, кажется, вы со своим узколобым подходом ничего не догоняете. Если сейчас мы не наладим контакт с деревенскими, завтра это может быть в десять, нет, в сто раз сложнее! А когда вы наконец-то признаете, что Ильясов был, как всегда, прав, придете ко мне каяться: «Дима, мы бараны!», момент уже будет упущен!

Рядом со столом несколько человек о чем-то спорили, надрывая голосовые связки, но появление новых лиц заставило их прерваться.

— Извините, что отвлекаю. Равилич, можно тебя?

Один из спорщиков бросил взгляд на вошедших, задержал его на Артёме, секунду-другую всматривался. И, раскинув руки и широко улыбаясь, пошел навстречу.

— Ба! Знакомые лица! Земляк, какими судьбами?

Секундное замешательство сменилось удивленным узнаванием. Ну точно! Те же очки в тонкой золотой оправе, короткая стрижка ежиком, темно-синяя рубашка, расстегнутая до середины груди. К Артёму шагал давешний пожилой крепыш, с которым он общался еще в городе. Он-то как здесь?

— Так вы знакомы?

— Формально да, — крепыш обнял Артёма. Тому показалось, что попал в тиски, давешний знакомый оказался крепким не только на вид. — Виделись и даже общались. Хотя познакомиться так и не удалось.

Он протянул руку:

— Дмитрий Равильевич, можно по имени. Сталкер со своими просто Равиличем кличут.

Артём представился.

— Так, мужики, — Дмитрий обратился к недавним собеседникам, — давайте прервемся. Иначе мы ни до чего не договоримся. Покурим, подышим, да и вообще надо бы подвигаться, а то с утра не прерывались. Лады? А я как раз с человеком пообщаюсь.

— Куришь?

Артём покачал головой. Он стоял, облокотившись спиной на парапет крыльца, сложив на груди руки и смотрел на супругу. Та находилась неподалеку. Ей, конечно, предложили присесть и кофе, но она наотрез отказалась отдаляться от мужа. В итоге сидела в уголке обширного крыльца на стульчике, которой вытащил все тот же Леший, и обнимала обеими лапками большую кружку кофе.

— Правильно делаешь! Я тоже.

Крепыш прошелся взад-вперед, сделал несколько наклонов, пояснил:

— Представляешь, второй день говорильни, размяться некогда.

Облокотился рядом на парапет и заговорил, глядя то ли на площадку перед зданием мэрии, то ли на весь городок:

— А ведь мне рекомендовали уехать. Последний раз совсем недавно, приблизительно за неделю до всего. Отказался. Что мне делать за бугром, кроме как на пляже валяться? Моя родина здесь. М-да.

— А мы должны были улететь в отпуск. У нас и билеты куплены. Сейчас иногда жалею, ну почему я не взял отпуск на пару-тройку дней раньше.

— Да? — Равилич посмотрел на него внимательным взглядом. Потом опять вернулся к созерцанию окрестностей. — Знаешь, что меня удивляет во всей этой истории? Почему мы оказались не готовы? Сейчас все кажется таким очевидным. Все события последних дней, да что там — месяцев — просто кричали о том, что ситуация не может разрешиться сама собой, что нужно ждать чего-то... страшного.

— Помпеи и Геркуланум, — подала голос Света, — двадцатые числа августа, семьдесят девятого года. Тоже, наверно, косились на Везувий: ведь не мог он взорваться вот так вот сразу, без признаков надвигающегося извержения. С другой стороны, сколько было спекуляций на тему конца света? Самый ближний — две тысячи четырнадцатый.

— А вам, барышня, не отказать в уме, — Равилич показал ей большой палец вверх и повернулся к Артёму. — Ну что ж, Сталкер мне сказал, вы зашли к нам за информацией. У меня была возможность немного к тебе присмотреться, да и за случай в «Авроре» мы, по большому счету, должны. Так что инфой поделимся.

— Я, со своей стороны, готов рассказать все, что знаю о ситуации.

— Скорее всего, все, что ты мне можешь рассказать, я и так знаю. Ну разве что расскажешь мне, что в лесу между городом и нами пошли грибы, — собеседник наконец взглянул на Артёма, улыбнулся. — Удивлен? Да чему тут удивляться! Весточки из Города к нам поступают регулярно. Вы же явно тащились пешком через лес. Не знаю, какие из вас ходоки, но наверняка не меньше дня топали. Ведь так?

Артёму оставалось только согласиться:

— Да, ушли в ночь после того, как виделись крайний раз. От утра не ждал ничего хорошего.

— Вот как?

— Не прельщает работа за пайку на непонятных мне людей.

— А что непонятного в Гаврилове? Он-то действует как раз в очень понятных рамках. Так, как его учили. В этом сила армии: пока мы, гражданские, будем метаться, вопрошая, что же нам делать; собирать собрания и ждать, пока найдутся сумасшедшие, готовые тащить на себе весь этот груз, — у них есть штатное расписание и устав, отработанные на ученьях действия и дисциплина. Может, их действия будут и не самыми подходящими для какой-то конкретной ситуации, но они будут. А это в тысячу раз лучше, чем бездействие и паника.

— Может, и так, только я там оказался не нужен. Представляете? Такая амеба, как мой соседушка, все достоинство которого служба в армии, нужен. А я, полжизни готовившийся к подобным ситуациям, нет! — Артём даже задохнулся от обиды.

— Понятно, — понимающе улыбнулся собеседник, хлопнул его по плечу. — Пойми, это не плохо и не хорошо, это данность армейского подхода. Твой сосед, раз прошел срочную, знает, что такое субординация и дисциплина. И оказавшись опять в армейской среде, не будет умничать, задавать вопросы и обсуждать приказы. Он их будет выполнять, возможно спустя рукава. Но для армии это зло известное, методы борьбы с ленью там отработаны столетиями. А вот умник, который вместо исполнения приказа начнет мыслить самостоятельно и делать по-своему, он даже опасен!

— Чем же? Тем, что вместо идиотского приказа сделал так, как было лучше?

— Хм... — на несколько секунд собеседник задумался. — Вот представь, идет корабль. В каюте лазарет, люди, которые задыхаются и даже могут умереть, если не глотнут свежего морского воздуха. По трансляции поступает команда капитана — закрыть иллюминаторы! Но некто, хорошо разбирающийся в медицине, говорит: приказ — идиотский, или даже преступный! Мы можем потерять этих людей. Нельзя закрывать иллюминаторы! И делает по-своему! Вот только он не видит, что идет волна, а иллюминаторы расположены слишком низко и их захлестнет. Он не знает, что корабль перегружен, имеет плохую устойчивость и даже немного воды на один борт способно его перевернуть!

— Ну так капитан должен просто объяснить, по той же трансляции. Конечно, если открытый иллюминатор может привести к

гибели всего корабля, ни один здравомыслящий человек не откажется его закрыть. Тем более несколько минут без свежего воздуха никого не убьют, это точно.

— Не убьют? Ладно, наверно, неудачный пример. В конце концов, я не силен в медицине, я же для примера! Важно другое: в иной ситуации вдаваться в объяснения — упустить время. А не объяснишь, обязательно найдется умник, который скажет: ну что за ерунда, подумаешь, сколько там успеет влиться в маленькое окошко?! Зато военнослужащий рассуждать не будет — старший приказал закрыть, значит, надо закрыть, а не рассусоливать!

— Да что я, дебил, что ли? Не понимаю, что значит выполнение приказа в экстремальной ситуации? У нас тоже, между прочим, бывало, когда один командует, остальные выполняют, а все претензии потом.

— Возможно. Но у тебя же на лбу не написано: «я не дебил, команды исполняю, в сложных ситуациях не умничаю». Вот поэтому проще взять людей, возможно, не таких умелых и сообразительных, как ты, но понятных и прогнозируемых. А как их отобрать? По формальному признаку — служил-не служил.

— Вот и я говорю, не по пути мне с военными. Не подхожу им по этому самому формальному признаку.

Собеседник посмотрел на Артёма долгим внимательным взглядом:

— Ну а с нами? По пути? Нам-то ты как раз подходишь.

— С кем это «с вами»?

— С теми, кто хочет выжить сам и сохранить жизни другим людям. Правда, вот беда, — Равилич развел руками, — нет у нас под рукой массы дисциплинированных исполнителей. Да и с недисциплинированными тоже напряженка.

— А как же ваши волонтеры?

— Ты про Сталкера и его команду? Их шестеро всего. Да, с ними повезло, не часто в наше время встретишь людей, готовых безвозмездно помогать другим. Я так понял, вы пересекались в прошлой жизни?

Артём покачал головой:

— Честно говоря, я о таких и не слышал. Всегда считал, что волонтерство — это какое-то жульничество. Ну кто в наше время

бесплатно во всякие экологические пикеты пойдет? Кто их кормить будет?

— Плохо ты людей знаешь. Не сказу за активистов-экологов, наши из ДПСО, — увидел удивленно вскинутые брови, — добровольный поисково-спасательный отряд. Парни до всей этой задницы в свои выходные, за свои бабки занимались поиском пропавших людей. Просто потому, что у ментов со спасателями ресурсов на все не хватает. А теперь так же добровольно, не прося ничего взамен, берут на себя самую неблагодарную работу. Просто потому, что кто-то ее должен делать. А работы ты не представляешь сколько! Мы говорили про то, что неплохо бы знать заранее. Так вот, знал бы заранее...

— Уехал бы, — то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал Артём.

— А вот и не угадал! Не уехал! Ни фига! Людей бы нужных постарался спасти. Они наша главная ценность, а не склад с продуктами или медициной.

— Люди, — выдохнул Артём, — это точно, не те люди погибли, не те...

Перед глазами опять встали Влад с Верой, Муха, Толян с Катей, хотя может последние трое еще живы. Потом почему-то вспомнился Родионыч и сразу же, без перехода, — штурмующая «Звездный» толпа и перекошенное лицо соседа во время последней встречи. Захотелось сплюнуть, но удержался, продолжил уже другим тоном:

— Ну и скажите, зачем спасать все это стадо? Да, это люди, но... — пауза затянулась, Артём никак не мог подобрать слова.

— Стоит ли спасать всех? — продолжил за него Дмитрий. — Ты не оригинален. Порой и мне хочется плюнуть на все, сказать — да живите, как хотите, только потом не плачьте. Знаешь, почему не делаю? Потому что один я, как бы ни был подготовлен, не выживу. И даже небольшой группой таких же, как я, — не выживем.

Он невесело рассмеялся:

— О-о! Вижу скепсис вперемешку с презрением! Думаешь, слабаки? Не то, что ты? Давай я тебе кое-что поясню. Ты из так называемых выживальщиков. Идешь ты, скорее всего, к какому-нибудь выкопанному в лесу бункеру, с запасами гречки и тушенки, в котором, как в подводной лодке, надеешься пережить тяжелые времена... — Ильясов расхохотался, потом еще раз хлопнул Артёма по плечу. —

Думаешь, я сейчас начну выпытывать, где твой бункер? Успокойся, на фиг он мне не сдался! Ну, допустим, у тебя там годовой запас жратвы. Фиг с ним, парень ты основательный, скажем так — на десять лет. На двоих. А теперь сам считай: то, что вам двоим на десять лет, двадцать человек съедят за год. Так? А для двухсот? Сколько? Месяц? Ну ладно, пусть чуть больше. А теперь сам считай: у меня народу без малого девять тысяч человек, им твоих запасов — один раз перекусить, и все. Все! Понимаешь? Так что твой бункер интересен будет только тебе да всяким отщепенцам.

Равилич опять прошелся взад-вперед по крыльцу.

— Ты пойми, парень, наступившие времена — это не надвигающийся шторм, который можно переждать на глубине, а потом всплыть к той же обстановке, что и до погружения. И я даже не про то, что жизнь меняется и когда твои запасы гречки подойдут к концу, интегрироваться в какой-то коллектив вам все равно придется. Давай поглядим на более простые примеры. Вот у тебя, как говорит Сталкер, неплохая подготовка в области первой помощи. Может, даже какая-то медицинская специальность есть.

Артём покачал головой:

— Нету.

— Ну, понятно, впрочем, не важно. Я вижу, ты не один, с тобой девушка, — Равилич кивнул в направлении Светки.

— Жена.

— Тем более. А скажи мне, выживальщик, ты не только с ранениями и переломами можешь справиться, ты и роды принять сумеешь?

— Что?

— Что «что»? Это жизнь.

— Ну так рожали же бабы раньше, и без всяких акушеров. — нашелся Артём и покосился на Светку. Та вроде не реагировала, может, не слушала.

— Рожали. А какая при этом смертность была, в курсе? Ты готов оказаться в статистике не в той графе? — Равилич продолжал втаптывать самолюбие парня. — Ты ловко останавливаешь кровотечения на конечностях, а внутриматочное сможешь? Молчишь... Или с ребенком что. Ты педиатрию хорошо знаешь? Я уж не спрашиваю, что будешь делать, если твоя девушка поранится и сепсис

пойдет. Или ты ногу сломаешь. Или кто-то из вас глазом на ветку напорется. Или клещ укусит... Да мало ли что?

Равилич замолчал, давая возможность переварить услышанное.

— За те восемь лет, что я хожу в походы, а это отнюдь не простые прогулки выходного дня, бывали разные ситуации. Но ничего — живой до сих пор, — прозвучало это скорее как оправдание, впрочем, Артём и сам почувствовал.

— Оставайся, Артём. Нам вменяемые специалисты позарез нужны. У меня подавляющее большинство людей или продавцы различных мастей и категорий, или водители, токари и тому подобное — то, что еще долго будет не нужно. Нам же сейчас нужны люди вроде тебя. А я в долгу не останусь. Поверь, сейчас это важно. Знаешь, что Гаврилов ввел продуктовые пайки?

— К тому все и шло.

— А то, что иждивенческий паек на уровне прожиточного минимума по каллоражу? И не надо так на меня смотреть — это путь, который и нас ждет, ибо еды катастрофически не хватает. Конечно, у нас тут садовые участки под боком и в следующем году будем засаживать любой клочок обработанной земли. Но это только будущий год, а впереди зима и еду придется распределять! И конечно, придется выбирать: либо всем еле ноги таскать от голода, либо кормить наиболее ценных членов общества. Но тогда остальных оставить за чертой. Вот ты спас Рустама. А знаешь кто это? Он биолог, последнее время от безысходности выращивал грибы в подвале и был на дух никому не нужен. А сейчас он моя надежда! И я лучше от себя кусок оторву, но он должен выжить. Ибо тогда выживут все остальные.

— А от меня вам какая польза? Я не биолог, не агротехник, я даже картошку последний раз в далеком детстве сажал. И работал простым старшим смены в логистическом распредцентре, командовал грузчиками.

— Иваньковский эрцэ? — заинтересованно спросил Равилич. — Знаю такой, знаю. Человек сто в смене, наверно, было?

— Сто двадцать четыре, это по штату. А так, конечно, кто-то всегда не выходил.

— Понятно. Карщики, комплектовщики, приемщики, кладовщики — все у тебя?

— Ну да, отвечал за всю смену.

Равилич снова хлопнул Артёма по плечу:

— По армейским меркам на роту тянет. А если брать количество служб — батальонный уровень. И Гаврилов просмотрел такого спеца! То, что людьми руководить умеешь, это по «Авроре» было понятно. И первой помощи обучен. А еще, наверно, в лесу хорошо ориентируешься и вообще не пропадешь?

Артём в очередной раз пожал плечами: дескать, ну и что?

— Жена, конечно же, тебе под стать?

— Не, что вы, — откликнулась Света, — Тема пытался меня брать в лес, но мне в городе привычнее.

— А вы, барышня, чем занимались?

— Я учителем музыки работала.

— Вот как? Я подумал, истории.

— Это так, почти хобби. Замещала иногда историчку.

— Так это же замечательно! — Равилич расплылся в улыбке. — У нас школьный сезон на носу, а в нашей школе большинство учителей, как назло, в отпуска поразъехались, и с концами. Теперь их кем-то заменять надо!

— Какая на фиг школа? — потрясенный Артём выкатил глаза на собеседника. — Ты ж сам только что говорил: на носу голод и непонятно, кто зиму переживет! Ты же собрался пайки резать...

Равилич прищурился:

— А скажи-ка мне, выживальщик, у тебя есть мечта?

— Что?

— Мечта. О чем ты мечтаешь, засыпая?

— Да... ни о чем таком. Я хочу выжить в этом бедламе. А еще у меня есть она, — кивнул Артём на Светку, — и она должна жить.

— Достойно, — покивал Равилич, — по-мужски. А знаешь, о чем я мечтаю? Я тоже хочу выжить и вытащить жителей этого городка. Но есть еще кое-что. Я мечтаю, что и через два-три поколения люди будут цитировать Пушкина и Достоевского, знать о Суворове и Александре Невском, а не только уметь сажать картошку и отличать съедобный гриб от несъедобного.

Артём задумался. Затем спросил:

— Скажите, Дмитрий Равилич, а какой в этом толк, если завтра сюда прикатит на своих бэтээрах Гаврилов и отберет все, что вы здесь на-выращиваете?

— Не отрицаю, такой вариант возможен. Но только возможен. А вот если сейчас не озаботиться производством еды и постановкой в стойло всех этих свободно мыслящих индивидуальностей, то завтра эти неповторимые личности перетопчут друг друга за ведро картошки, и никакой Гаврилов или еще кто нужен не будет. Нам уже сегодня нужно жить.

Артём молчал. Равилич выдержал паузу и продолжил:

— Этот городок — моя родина. Я здесь родился, вырос, начинал свой бизнес. Потом, конечно, подался в большой город, там все же возможностей больше. Но тогда, послушав этого коменданта, я вернулся домой, сел на велик и уже ночью был здесь. Потому что обойдется капитан Гаврилов без младшего сержанта Ильясова. А вот мой городок без меня может и не обойтись.

Над крылечком опять повисла тишина. Оба ждали, что скажет собеседник, пауза затягивалась. Наконец Ильясов повернулся лицом к городу, хлопнул рукой по перилам:

— Ладно, выживальщик, поступим так: сейчас ты отправляешься в свой бункер, живешь там с супругой неделю, месяц, год... В общем — сколько влезет. Пока не завоешь на луну оттого, что заняться нечем, что все твои навыки, полученные за многие годы, не к чему применить. Я думаю, что больше месяца не выдержишь, а может, меньше. И вот тогда приходи. Поверь — не обидим. Будет что есть, будет где жить. Будет медобслуживание, все будет. А еще я дам тебе то, что нужнее всего, — чувство нужности. Ах, да! Если будет нужна помощь, любая, тоже приходи. Мы не бросим.

Глава 12 Деревня

Где-то в стороне хлопнул выстрел. Артём присел и настороженно замер, обратившись в слух. Сердце на миг замерло, а потом рвануло с места в карьер, как хороший спринтер. Покосился на Светку, та повторила все в точности. Пару мгновений ничего не происходило, только птичье пение как обрезало. Один ветер продолжал шуметь листвой. Успела мелькнуть робкая надежда — показалось. Не показалось: откуда-то справа резанул женский крик.

Рука сама нащупала цевье, ремень аккуратно сполз с плеча. Под аккомпанемент бухающего в висках пульса поднялся на напружиненных ногах, оружие наизготовку, в голове вакуум. Повернулся к жене, зачем-то показал ей прижатый к губам палец. Можно подумать, она и сама не понимает. Стараясь ступать как можно тише, двинулся в направлении шума. Крадучись преодолел метров сто пятьдесят, аккуратно отвел стволом раскидистую ветку какого-то густого кустарника, и глазам предстала картина.

На небольшом прогальчике среди леса, друг напротив друга две группы людей. Слева сбились в кучку два парня и две девушки. Яркие цветные банданы и кепки, мембранные куртки и рюкзаки из синтетики. Девчонки, обнявшись, давились слезами, опасливо поглядывая на вторую группу. Парни стояли в международной позе сдающихся в плен, подняв руки, в каком-то офигевании выкатив глаза себе под ноги. Там, в невысокой лесной траве, ничком лежало тело их товарища, над которым заходилась криком еще одна девушка. Именно этот надрывный, отчаянный плач послужил звуковым маяком, приведшим Артёма к полянке.

Группа напротив представляла из себя столь колоритное сборище, что не будь событий последних дней, Артём поискал бы взглядом киношников с аппаратурой во главе с капризным режиссером. Чуть впереди дед: брезентовая куртка с капюшоном, темные штаны, заправленные в кирзачи, и окладистая с проседью борода. Дополняла картину направленная на туристов двустволка, которую дед небрежно держал у бедра. У правого плеча, но на полшага позади, стоял его точный клон, лет на двадцать моложе да борода поменьше и пока что

черная. В отличие от деда, губы сжаты в нитку, настороженный прищур, приклад упирается в плечо, а ствол нервно рыщет по сторонам.

Позади — бабка, тетка, как назвать? — женщина, не старуха, но и не молоденькая. Темный платок, из-под такой же брезентовой куртки длинная черная юбка. За руку с трудом удерживает вихрастого подростка. Пацаненка напряжение момента явно не коснулось, и он активно порывался на свободу.

— Смотрите, робя, Федька оклемается, мы рожи-то ваши ему предьявим. Не дай господь, узнает в вас тех, кто его отходил, не сносить вам тогда голов.

— Ты-ты че, дед, я же тебе рус-ским языком говорю, т-туристы мы, вчера еще у К-Козловской балки б-были. Дался нам ваш огород, у нас с-с-сублиматов еще на неделю! — заикаясь и не сводя взгляда со своего убитого товарища, говорил один из парней.

— Неделя кончится, а жрать-то всем надо.

— Погоди Митяй, может, и не они, — подала голос тетка.

— Че это не они? Федька сказывал, тех тоже шестеро было.

— Там вроде две девки было, — басовито подал голос дедов клон.

— Федька мог и ошибиться в темноте.

— Дед, да как тебе д-доказать, не видели мы никакого вашего Федьки, мы неделю от станции Б-Балково идем. Я б тебе трек на навигаторе показал, но он почему-то т-три дня спутники не ловит.

Мысли в голове помчались на перегонки с пульсом. Ясно одно — ребята простые туристы, в походе больше недели, про катастрофу ни слухом ни духом. Шли себе в настроении самом благостном — погода радует, конец маршрута не за горами: от Балково, станции по другой ветке железки, до их города десять дней неспешного хода, тропа нахоженная. И тут им повстречались эти... Кстати, дед что-то говорил про шестерых, из которых две девушки. Смутная догадка мелькнула в памяти. И что делать? Бежать к деду с криками «Подождите, я вам все сейчас объясню!?». Дед, похоже, сначала стреляет и только потом включает мозг.

В глубине сознания внутренний умник начал загибать пальцы: «У тебя в магазине десять патронов с крупной картечью — это раз. Во-вторых, у них две двустволки, у клона один ствол, скорее всего разряжен. Первым выстрелом ты по любому одного выключаешь,

остается один с двустволкой против твоей самозарядки». Все так, вот только... стрелять по живым людям, которые тебе еще ничего не сделали? А может, туристы сами виноваты? А может, они первые напали, а эти деревенские защищались? И еще ладно дед со вторым мужиком, но тетка и пацан! С ними-то что дальше делать?!

А может так: руки вверх, бросай оружие? И что потом? Даже если бросят, не пальнут дуплетом на голос и не залягут, что потом?!

Чтоб не затекли плечи, Артём осторожно перехватил «Сайгу» поудобнее, и в этот момент из-за края поля зрения в ствол вцепилась рука и потянула ружье книзу. Да с такой силой, что чуть не вывернула из ладоней. Он на секунду опешил от неожиданности, каким-то чудом подавив испуганный возглас. Растерянный взгляд пробежал по руке, плечу и уперся в широко распахнутые глаза. Лишь миг спустя сознание охватило картину целиком: рядом стояла Светка, мертвой хваткой вцепившись в оружие, и в каком-то молчаливом припадке трясла головой. Нет, не трясла — быстро-быстро мотала ею в стороны, а широко распахнутые глаза молча кричали: «Нет! Не надо!».

Продолжая удерживать левой рукой ружье, правую поднял ладонью перед собой, изобразил жестом «все хорошо», подкрепляя беззвучной артикуляцией. Потом опять прижал палец к губам. Супруга продолжала мотать головой, но уже больше по инерции. Осторожно отцепил ее руку, еще раз повторил успокаивающую жестикуляцию. Убедившись, что Светка берет себя в руки, показал себе за спину, дескать, постой пока там. И вернулся взглядом к полянке, надеясь, что собравшиеся на ней не обратили внимания на какую-то возню в кустах неподалеку.

Как раз в этот момент парнишка наконец высвободил свою руку из плена теткиной ладони, и не успела та что-либо предпринять, бросился к убитому. Дед грозно выкрикнул, тетка вплеснула руками, туристы замерли, даже девушки, казалось, на миг забыли про рыдания. Только подруга убитого не отреагировала никак. Она уже не заходилась криком, а бессильно опустив мелко подрагивающие плечи, сидела в траве возле мертвого тела и слезы текли двумя ручейками по щекам.

Пацан подскочил к трупу, наклонился и с усилием вытащил из-под него ружье. Минуту разглядывал, а потом радостное выражение

сменилось на разочарование. Показалось, что он сейчас в сердцах пнет убитого.

— Андрейка! Уши оборву! — дед, похоже, подходил к точке закипания. — Ну-ка подошел ко мне. Быстро! — и властно вытянул левую руку, другой, меж тем, продолжая удерживать двустволку направленной на туристов.

Андрейка неохотно подошел и отдал добычу. Дед взял ружье, мазнул взглядом и закинул его ремень на плечо.

— Вы уж не сердитесь на него, — тетка оправдывалась, как будто и не держали ребят под направленными стволами ее родственники, — это племяш мой, из города. Родители нам на лето сбагрили, а сами на юга укатили. Теперь, видать, мы его единственная семья.

Дед в это время кивнул своему клону:

— Слышь, Сёма, а винтарь-то, оказывается, пневматика. Выходит, ты парня зря вальнул.

— Может, и не зря, — недовольно пробурчал тот, — если Федька их опознает, мы их так и так закопаем.

— Да вроде не врут, городские. Похоже — не они это.

— Ну, значит парню просто не повезло. Прости, бать, нервы за последние дни ни к черту... а вдруг бы у него настоящий винтарь оказался?

— Тоже верно.

Парни тем временем, облегченно вздыхая, стали опускать руки.

— Куда это? Я не давал команды руки опускать! — дед продолжил как ни в чем не бывало. — Может, это и не вы нашего Федора отходили, но что вы за люди, это еще разобраться надо.

Он оглядел их еще раз, а потом скомандовал:

— Значит так, робя, берите свои вещички и товарища своего, нечего ему в лесу валяться, похороним по-людски. И давайте, двигайте за... Андрейка! — закричал он. — Ну-ка давай, топай вперед, будешь дорогу указывать. Вот за ним пойдете.

Парни неуклюже за руки за ноги подхватили своего убитого товарища. Тело еще не окоченело, норовило выскользнуть. Так и двинулись: впереди Андрейка, затем две девушки-туристки, продолжающие утирать слезы, за ними, почти волоча по земле труп, двое парней. Следом дед и не отстающий от него Семен. Замыкали колонну девушка убитого туриста и взявшая ее под руку тетка.

— Ниче, ниче, милая, мы ж не злодеи какие. Кажись, Сёмка твоего случайно стрельнул. Так сейчас неизвестно, чего ждать от человека с оружием. Знать, судьба у вас такая. Его — в землю лечь. А тебе дальше жить. Парня мы тебе найдем, нам сейчас люди ох как нужны. Да вон хотя бы и Семёна? У него жёнка как раз перед всем этим в город подалась, видать, там и сгинула...

Наконец слова стали неразборчивы и все они скрылись за деревьями.

По-хорошему бы развернуться и уходить, но время шло, а Артём как будто застыл, все глядя вслед ушедшим. То ли ждал чего-то, то ли боялся пошевелиться, он и сам не знал.

— Да-а-а, а это, между прочим, ближайшая к убежищу деревня. А я-то еще думал сходить, так сказать — навести мосты.

Повернулся к жене:

— Идем?

— Тёма, они что, вот так вот просто взяли и убили человека?

— Похоже на то, родная.

— Но ведь их же теперь...

— Что? Арестуют? Посадят?

Светка часто закивала. Артём привлек к себе жену, обнял, пригладил волосы. Потом чуть отстранил, посмотрел прямо в глаза:

— А кто это сделает, солнышко? Милиция, власть?

Та снова прижалась к нему, крепко, как будто стремилась спрятаться у него на груди, и снова закивала головой.

— Малышка, — Артём опять принялся с нежностью гладить ее по волосам, — ну какая теперь власть? Похоже, в каждом населенном пункте своя.

Перед уходом Равилич, как и обещал, рассказал, что было известно ему самому.

— Да кто ж тебе скажет, что случилось? — Ильясов, как бы извиняясь, развел руками. — Это в фильмах, дорогие мои, вам все объяснят закадровым голосом. Или герой обязательно окажется в жутко секретном правительственном бункере, где станет случайным свидетелем разговора посвященных. Ну, или персонаж по пути попадется очень информированный и все поведает как на духу. Вам, кстати, случайно по пути такой не попался? Нет? Жаль, я бы тоже послушал.

Те, кто нанес удар, не представились. Наверху, скорее всего, правду знали, вот только где этот верх? Докатилась информация, что на месте Москвы, Питера и нескольких самых крупных городов — радиоактивный пустырь. Никто из тех, кто это рассказывал, конечно, своими глазами ничего не видел, но здравый смысл подсказывал, что это так. Даже признаков центральной власти не наблюдалось. Хоть Гаврилов на том собрании и говорил, что его назначили, но кто это сделал? Может, сам Гаврилов, кто знает?

Нашлись очевидцы, что была «ответка» — видели старты, еще до удара. Каждый в отдельности сначала подумал про ученья, но потом те, кто выжил и смог рассказать, уже не сомневались — с кем-то мы оплеухами обменялись. А вот что дальше? Начались наземные операции, или каждая сторона, получив по мордасам, решила не лезть на чужие территории, со своими бы разобраться? Никакой информации. Военные, возможно, знали, но поделиться не спешили.

Стало быть, надеяться на некую «центральную власть», что покарает зарвавшихся местечковых князьков и баронов, не приходилось.

Глава 13 Лес

Маленький вентилятор, запитанный от солнечной батареи, гонит воздух в печку-щепочницу, превращая ее в подобие горна. Сверху водружена походная титановая кастрюлька. Радиатор на дне способствовал более эффективному поглощению тепла, вода закипела буквально мгновенно.

— Опять сублиматы?

— Потерпи родная, еще три часика, и я тебя настоящей кашей накормлю: гречка с тушенкой! Мы с Владом этого добра в бункер на год натащили, — невесело усмехнулся, — теперь получается, уже на два года.

Он скинул куртку и остался в одной тонкой термухе, позволяющей телу дышать, распустил шнуровку на берцах — пусть ноги тоже отдохнут. Спиной прижался к дереву, ноги вытянуты, тело расслаблено, сквозь листву пробиваются солнечные лучики. Что еще нужно после длинного перехода?

— Гречка с тушенкой? — Светка, в отличие от мужа, ограничилась снятым рюкзаком да разве что куртку расстегнула, так и сидела с подобранными ногами. — Всю жизнь мечтала питаться одной гречкой с тушенкой.

— Ну что ты, солнышко, да разве я мог бы допустить, чтоб моя радость оказалась на столь однообразном рационе? Не хотел говорить раньше времени, — он заговорщически подмигнул, — у нас там не один тушняк да гречка с макаронами. Есть и картошка, и яйца порошковые с молоком. Буду тебя по утрам омлетами кормить. Есть шоколад, орехи, несквики всякие. Ну а конец похода отпразднуем консервированными персиками! Поверь, о разнообразии мы позаботились.

Но весь его нарочитый энтузиазм не достиг цели.

— Тёма, ну что мы там будем делать?

Он помолчал немного, потом заговорил бесцветным голосом:

— Мы натащили кучу настольных игр, хотя планировалось, что нас там будет четверо. Кроме того, в убежище большая библиотека. Представляешь? — в голосе опять прорезались веселые нотки. —

Бумажные книги совсем недавно не стоили почти ничего. Кому они были нужны, когда есть электронные гаджеты? Теперь, думаю, опять подскочат в цене. Кстати, думаешь, зря я тащу ноуты? В бункере ждут несколько квадратных метров солнечных панелей — только расстилай на открытом пространстве. Можно будет даже мини-сеть на два компа соорудить и зарубиться во что-нибудь на двоих. Да что мы, вдвоем не найдем себе занятия?

— Артём, а почему ты не остался у Дмитрия?

— У Равилича? Ну, понимаешь...

Пауза затянулась. Он несколько раз порывался начать говорить, набирал воздуха, да так и сдувался. Наконец вымученно улыбнулся:

— Если честно, сам не знаю. Все он правильно говорит, вот только...

Опять повисло молчание.

— Знаешь, милый, я твоя жена и пойду за тобой, даже если буду сомневаться в правильности пути. Но мне кажется, что ты и сам больше тянешься к людям. Ты нужен им, твой опыт, знания, навыки. А люди нужны тебе, я видела твое лицо, когда ты оказывал помощь. Это же твое призвание!

Она помолчала, задумчиво ковыряя поднятой веткой в траве.

— До бункера нужно дойти. Это твоя цель. Это ваш с Владом план. Вы его задумали, вы долго работали над его реализацией, и будет обидно все бросить буквально на пороге. Но...

Что «но», Светка договорить не успела: в кустах совсем рядом раздался хруст сухой ветки.

— Эй, кто там?

Артём непроизвольно положил руку на чехол. После того случая ружье он опять спрятал. Ну на фиг, эдак нарвешься на таких же, как дед Митяй с его нервным сынком Семёном, — сначала стреляют, потом уже вопросы задают.

В ответ с шумом затряслись ветки кустарника, обрамлявшего стоянку, и на огонек вывалились двое.

— Привет честной компании! — нарочито бодро начал паренек на вид лет двадцати, в джинсовом костюме и зеленой бандане. — Разрешите погреться у вашего камелька?

Артём хмыкнул, оглядывая вновь прибывших:

— Да сейчас вроде не холодно? И это не камелек, греться не получится.

— Проходите, конечно, присаживайтесь. Чаю хотите? — Светка преобразилась: само радушие и гостеприимность. — Вижу, давно по лесу ходите, вы заблудились?

— Ага, заблудились, — согласилась девица, под стать парню возрастом, одетая тоже не для леса: флисовая худи с капюшоном и узкие короткие джинсы. Естественно — оставляющие открытыми лодыжки по непонятной Артёму моде. Он злорадно ухмыльнулся про себя: сейчас лодыжки были замотаны какими-то тряпками. На мысли о длительном пребывании в лесу наводила замызганная и изрядно помятая одежда. Взгляд зацепился за почти разваливающиеся кроссовки парня. У девушки обувь выглядела получше.

— Артём, вскипяти воды побольше, ребят надо напоить горячим.

Воды оставалось немного, в городке набирать постеснялся, хотя Сталкер, снова провожавший их до леса, предлагал. Оставалось два литра, на четырехчасовой переход за глаза, да рядом с бункером притаился небольшой родничок. Когда-то была даже мысль сделать отвод воды из него прямо в укрытие, но руки так и не дошли. Ладно, в конце концов воды можно набрать в реке, только потом прокипятить, — бутылки не выбрасывал, а, выпустив воздух, привязывал к рюкзаку свободной стропой.

Вылил одну литрушку в высокий стакан от «Джетбойла», пристроил на щепочницу вместо маленькой кастрюльки.

— Так как же вас угораздило здесь оказаться?

— Заблудились, — развел руками успевший расположиться парень. Он взял лежащую в стороне пенку, расстелил и уселся сверху по-турецки. Девчонка устроилась на корточках у горелки, протянув к ней руки.

— Действительно, а здесь тепла совсем не чувствуется. Какая интересная у вас горелка.

— Это не горелка, это турбопечка с принудительным наддувом. Газ или бензин не нужен, достаточно крупных щепок. Вентилятор создает тягу, а сам запитан от солнечной батареи. Откуда идете, ребята?

— Вышли из города, как шарахнуло, испугались радиации. А идем в деревню, к Майкиным старикам.

— То есть вы пятый день вот так по лесу шарахаетесь? А чего не по дороге-то?

— Хотели срезать, да вон как получилось!

Странно, пронеслось в голове у Артёма, как раз дороги-то и были в их лесистой местности самым прямым путем. Мысленно нарисовав в голове схему дорог, он не мог понять, где тут можно было срезать? То, что по дорогам люди ходили взад-вперед, знал от Равилича.

— Тём, ну что ты ребятам какой-то допрос устроил. Ты же видишь — нет у них твоего опыта.

— Простите, а вы?.. — девчонка изобразила на лице вопрос.

— А мы тоже идем, в Игнатовку, у нас там тоже родня, — названия окрестных деревень он помнил, эта была как раз в нужном направлении, километров на двадцать дальше.

— И чего, только вдвоем?

— Да, но Тёма опытный походник...

Опытный походник поморщился, как от зубной боли: он-то хотел сказать, что они часть большого отряда, который где-то неподалеку.

— Послушай, дядя, а может, махнемся обувкой? — тон парня как-то неожиданно изменился.

— Что? — Артём оказался не готов к такому радикальному изменению в поведении гостей.

— Да ладно, Вовчик, ты же видишь, — девчонка тоже неожиданно перешла на тон громче, — этим утыркам на тебя пофиг. Ты сдохнешь, они дальше пойдут.

— Что за... — в голове не укладывалось, во всей ситуации была какая-то неправильность. — Эй, а ничего, что вы наш чай пьете?

— Блин, да он чая пожалел, козел! — девка уже почти кричала.

Светка огорошено переводила взгляд с Артёма на пришлых, потом обратно.

— Так, хватит! — Артём, закипая, вскочил на ноги. — Ну ка...

Краем глаза успел заметить, как в ужасе распахнулись глаза Светы, глядящие ему куда-то за спину, и, уже начиная догадываться, попытался обернуться... В этот момент затылок взорвался болью. Еще успел увидеть бросившуюся в лицо землю, слух донес сухой хруст, сдавленный Светкин вскрик, и сознание потухло.

Возвращалось сознание медленно. Сначала Артём осознал, что лежит, уткнувшись лицом в землю. Потом накатила тупая боль,

разливающаяся от затылка по всей голове, и тошнота. В правую щеку, почти пропоров ее, вонзилась ветка. Хорошо, что не в глаз! Под щекой что-то липкое. Мысли еле ворочались и путались. Сильно мутило. Где я? Сквозь пелену в памяти начали проступать картины: лес, куда-то шли... Куда? В поход? А почему я валяюсь?

А, ну да! Разом вспомнилось: горящий город, Влад и Вера, Миха, Родионыч, двое парней, неумело тащивших тело третьего. Мы же шли к убежищу. А потом? А потом эти двое и боль в затылке. Я жив? Судя по всему, еще да... Светка! Что с ней?!

Как сквозь вату стали доноситься звуки. Голоса. Как много! Было же двое незваных гостей и Света? Ну да, должен быть еще кто-то, кто огрел по голове. Но ему показалось, что вокруг какая-то гомонящая толпа.

Так, меня вырубили и, похоже, сейчас грабят наши вещи. Что делать? Ружье! Оно в чехле, могли и не заметить. Должно лежать где-то рядом. Мне бы только добраться до него. Магазин уже пристегнут, чехол быстроразъемный, не помеха. Останется только передернуть затвор, и стрелять, стрелять, стрелять. Стрелять, пока враги не кончатся. Стрелять в их мерзкие рожи, видеть страх в глазах и осознание, что кончились их веселые деньки...

— Смотрите-ка, — донесся чей-то удивленный голос, — зашевелился! Длинный, так ты не наглушяк его? А говорил, что черепушка треснула!

— Не может быть! — это, вероятно, помянутый Длинный. — Видели, какая лужа с него натекла? Да и хруст я отчетливо слышал!

— Во, — женский голос, не Майки, другой, рядом, — это дрын твой хрустнул. Говорили тебе — гнилушка, а ты все — береза, крепкая древесина! Знаток, бляха.

Под грудь подсунулся носок ботинка, и с натугой его перевернули.

— Тяжелый, бляха.

На фоне неба над ним склонились, разглядывая, трое незнакомцев — девушка и два парня.

— Точняк живой, глазенками ворочает. Эй, дядя, говорить можешь?

Попытался поднять голову и скривился от пронзившей боли.

— Света, — позвал слабым голосом.

— Да жива твоя телка, — рассмеялась склонившаяся над ним девка, смахнула малиновую прядь, — даже не тронули пацаны. Хотя хотели. Мне скажи спасибо!

Попытался подняться, но руки не держали, и он опять растянулся на земле. Тогда, собравшись с силами, отполз к дереву и облокотился одними плечами. Теперь стало видно происходящее.

Сначала взгляд нашел Светку. Та рыдала, сидя прямо в траве. Губы с левой стороны разбиты, на скуле кровоподтек. Потом до него дошло, что жена сидит в одном термобелье.

Вован рылся в Светкином рюкзаке, как раз доставая оттуда очередной сверток.

— О, Майка, тебе обновки нужны?

Это оказались Светкины летние платья. Майка повертела в руках.

— Да я такую дешевку, даже если мне вообще носить будет нечего, не надену.

И платья полетели в траву. Сама Майка щеголяла в Светкином костюме и берцах.

Еще один, достаточно упитанный парень в такой знакомой горке отвязывал от его рюкзака пустые пластиковые бутылки.

— Он че, старьевщик что ль? На хрена с собой пустую тару таскает?

— Он не старьевщик, он... как его, этот — «берегите лес».

Раздался смех.

— Во дебил, мог бы просто сжечь. Все одно их потом на мусорный полигон отвезут, где они гнить полста лет будут.

Идиоты, пронеслось в мозгу Артёма, а вы воду во что набирать собрались? К лесу ребята явно не приучены.

— Слышь, дядя, снаряга у тебя классная, что ж ты ножиком нормальным не обзавелся? — один из парней крутил в руках его Мору-две тысячи, самый популярный в туристической среде шведский нож. — У моей бабки на кухне и то ножи круче!

Мародеры собирались уходить. На земле остались валяться последствия потрошения рюкзаков: обертки от пайков, смятые бутылки, тряпки. Артёмов рюкзак, пыхтя, напялил на себя толстый парень, Светкин — Вован.

— Ладно, дядя, спасибо тебе за подарки, ты прям Дед Мороз какой-то. Но нам пора. Подругу твою мы с собой забираем...

— А вот это хрен тебе, Русик! — крашеная девица в высоких проклепанных ботинках и косухе резво обернулась к говорившему.

— Диана, солнце мое, я ж не для себя стараюсь, — притворно расплылся Русик, — вон Длинный с Пухлым одиночеством страдают.

Артём, с трудом перевернувшись на живот, уперся обеими руками в землю.

— Я сказала, она с нами не пойдет! — в голосе прорезались истерические нотки.

— Дианка, ты чего? Думаешь, я на нее запал? Вот еще! Там же смотреть не на что!

— Я тебя знаю, кобелина, ты не одной дырки не пропустишь, так что никто с нами не пойдет! — сорвалась на крик крашеная.

Отжавшись, ему с трудом удалось оторвать тело от земли и подставить под себя согнутую ногу. Толчком привел себя в вертикальное положение, разворот... повело, пришлось схватиться за дерево.

— Пошли, красавица.

Высокий тощий парень схватил Свету за руку и рывком поставил на ноги. Та попыталась вырваться. Артём, сжимая кулаки и набычившись, сделал неуверенный шаг вперед. Его еще мутило, но закипевшая в крови злость накачивала силой.

И в этот самый миг крашеная подлетела к Светке и резко наотмашь взмахнула рукой. Светка отшатнулась.

Со своего места Артёму показалось, что крашеная промахнулась, но та с вызовом повернулась к своим спутникам и подбоченилась:

— Я же сказала, никто с нами не пойдет!

— Да ты просто сука бешеная, — с какой-то укоризной, смешанной с восторгом, сказал Русик. — Длинный, пошли.

И он пошагал, догоняя ушедших вперед Вована, Майку и толстого парня. Длинный бросил взгляд на Диану, перевел на Артёма, вымученно улыбнулся, как будто говоря «ну извини, видишь — баба не в себе», и пошел вслед Русику. За ним, не оборачиваясь, ушла крашеная.

Артём перевел взгляд на жену. Та стояла, растерянно-виновато глядя на него, и зажимала себе шею. Из-под руки текла темная струйка.

Мир сузился до размеров этой маленькой, такой родной фигурки и пары метров поверхности вокруг. Пропал лес, вылетели из головы уходящие мародеры и глобальная ядерная катастрофа, все стало неважным и таким далеким. Сознание разделилось.

Шансов никаких. Ты же знаешь, в данной ситуации... Заткнись! — другая часть Артёма, эмоциональная, любящая, отказывалась принимать происходящее. И надеялась: это просто порез. Ничего страшного, капиллярное кровотечение, сейчас наложим давящую повязку, и все будет хорошо... Ты посмотри, разве из капилляров столько натечет?

— Убери руку, дай посмотрю!

Длинный порез с правой стороны от гортани и небольшой, такой с виду не страшный фонтанчик — не то что в фильмах.

«Вот видишь, разве это струя из перерезанной артерии? — с вызовом бросил Артём своему второму я. — Где фонтан на пару метров?»

Руки действовали сами по себе: одна легла на шею сзади, вторая, сжатая в кулак, уперлась в рану, зажимая ее. Пальцы тут же стали мыльными от крови.

— Ложись, ложись, ложись, — шептали губы заученную мантру. Жена послушно сползла по подставленной ноге.

А помнишь тот ролик? Ледяная волна пробежала по спине, сжала сердце. Он помнил, им показывали реальную запись с камер наблюдения в баре: парню так же резанули шею. Он какое-то время ходил, прижимал салфетку, протянутую «сердобольным» барменом, вокруг озирались зеваки, все буднично и просто... Только тот парень не выжил.

Нет, со мной такого не будет, только не со мной! Там, в баре, была толпа баранов. Никто даже скорую вызвать не удосужился... А ты, конечно, вызовешь? Или сам справишься? Ты сосудистый хирург и у тебя под боком операционная?

— Лежи, маленькая, видишь, все под контролем, кровь уже не течет.

Света несмело улыбнулась, доверчиво глядя в глаза, а он нависал над ней, навалившись всем весом на выпрямленную руку, упиравшуюся кулаком в шею.

«Выпрямляй руку и всем весом дави, иначе не пережать! — голос Герасимова звучал как наяву. —Не сгибай в локте, иначе нажим постепенно ослабнет, сам не заметишь».

Давай вспоминай. Забыл? Дальше инструктор говорил про то, что вторая рука теперь свободна, самое время достать телефон и вызывать помощь. Конечно, помощь! Мобила сейчас бесполезный кусок пластика и проводков, сотовые вышки не работают, но у него же есть рация! Если вызывать на всех частотах, может, кто-то и ответит. Нет, не так — обязательно кто-то ответит. Надо только дотянуться до рюкзака...

Осознание прошло по телу, как удар электрического тока, зародившаяся надежда рухнула куда-то вниз, в бездну, увлекая за собой сердце: их рюкзаки сейчас удалялись на спинах шестерки молодых мерзавцев. Нет. Нет! Нет! Такого просто не может быть!

— Сейчас, родная, сейчас. Кто-нибудь пройдет мимо, это же не лес, а какой-то проходной двор...

— Ну, конечно, пройдет. Одни уже прошли... — сухарь, как всегда, был язвителен, — Тебе нужны ребята вроде Сталкера с Лешим, но они сейчас помогают другим. Поэтому они — далеко.

Зачем-то в памяти всплыл эпизод расставания со Сталкером у окраины городка. «Почему ты сказал: жаль, что я не из поисковиков?» — спросил тогда Артём, когда уже пожимали друг другу руки. «Волонтеры сейчас по бункерам не тихарятся», — ответил Сталкер.

Эврика! Я знаю, что делать! Я не могу вызвать помощь. Ну и что?! Да я сам доставлю ее в больничку! Я буду держать рану, и мы потихоньку-потихоньку пойдем в направлении городка...

Не получится, с какой-то грустью констатировал умник, вы сколько шли от городка до сюда? Сутки. Сколько займет предлагаемый тобой способ перемещения? Заткнись, сволоч! Лучше бы помог...

— Слушай, малышка, я сейчас зажму рану, потом ты поднимешься, и так бочком-бочком пойдем к городку. Это будет долго, но мы дойдем!

Света попыталась кивнуть, в глазах не гасла надежда. Но стоило ей пошевелиться, кровь начинала лить снова. Артём сдался:

— Ладно, родная, придумаем что-нибудь еще.

В ответ — ободряющая улыбка. Жена как будто говорила: «Конечно милый, ты обязательно придумаешь!»

Ее не спасти, умник грустно покачал головой, мне правда жаль... Перед мысленным взором всплыл учебный класс курсов первой помощи, занятия по сердечно-легочной реанимации. Они только что закончили упражнение, когда, меняясь по очереди, держали на СЛР манекены в течение сорока минут. «А как долго можно „качать“ пострадавшего?». — «Пока скорая не приедет», — Герасимов отключал манекены. — «А если она долго не едет?» — «Тогда до тех пор, пока не решите, что сделали все возможное. Вы же не сможете поддерживать жизнь в человеке вечно. Поймите, вас никто за это не осудит — вы не врачи и не спасатели, обычные гражданские люди. Вы сделали все от вас зависящее, и даже больше. Любой суд будет на вашей стороне...».

Получается, не любой. Свой внутренний суд неумолим.

Артём представлял тогда, что когда-нибудь может оказаться в ситуации: вот пострадавший, он еще жив, но возможности ему помочь нет, надо принимать решение... Но только не так! Пусть это был бы незнакомый человек, пусть даже знакомый, пусть даже Влад! Но не Света, только не она!

Она не умрет. Я буду держать столько, сколько надо, я не сдамся...

Не сдавайся, Артем

Он продолжал нависать над распростертой супругой, в неудобной позе, согнувшись, упираясь выпрямленной рукой в шею, фактически — глаза в глаза.

Постепенно эффект от выброшенного в кровь адреналина стал подходить к концу, сказывалась усталость от переживаний, давала себя знать травма головы. Сознание путалось, в глазах начало смеркаться. Артём, замерев в неудобной позе, как стойкий оловянный солдатик, отключился.

Пришел в себя рывком, как будто тумблером щелкнули. Кольнул страх: Света! Неужели он в отключке ослабил нажим и кровотечение возобновилось? Нет! Слава богу! Его глаза нашли глаза жены. Света была в сознании и ответила ему спокойным взглядом.

— Извини малыш, я немного отрубился...

«Все хорошо — отвечали ее глаза, — я еще здесь».

Вечерело. Потускневшее солнце клонилось к горизонту, заливая полнеба багровым закатом. Длинные тени протянули вокруг них свои щупальца. Артём поежился, холодало.

Точно! Запоздалая мысль кольнула в сознание. Лето катилось к закату, и ночи становились холоднее. Света лежала в одном тоненьком термобелье, вся задача которого — отводить пот от тела. И холодная земля вытягивала из ее тоненького тела остатки тепла. А под утро выпадет роса...

Внезапно до него дошло, что уже некоторое время Света смотрит на него как-то по-особенному, как будто...

Как будто пытается запомнить!

— Милая, все будет хорошо!

— Пообещай мне, — Артём даже не сразу понял, кто говорит. Голос жены был еле слышен, — пообещай, что вернешься к людям и будешь помогать им.

— Ну что ты, родная, мы вместе вернемся. Вместе. Ты еще помогать мне будешь...

Тонкие пальцы легли ему на губы, останавливая слова. Какие же они холодные! Света замерзала.

— Пообещай...

И неотрывно глядя в ее глаза, так что мир сузился до размера этих карих, таких любимых глаз, он отчетливо кивнул:

— Да, любимая. Я вернусь и буду помогать.

Обе ее руки легли ему на запястье. Света вздохнула, решаясь, и с неожиданной силой оторвала руку, зажимающую рану.

Он отстраненно, как будто все происходило не с ним, смотрел на вновь полившуюся кровь. Потом взглядом снова нашел глаза жены и неотрывно смотрел, как гаснет в них жизнь.

— Ты пообещал... — коснулось его слуха. И глаза Светы погасли навсегда.

Эпилог

Совсем недалеко от крайних домов городка на старой сосне сидел дятел, старательно простукивая кору дерева в поисках вкусных личинок. Он так увлекся, что не сразу заметил бредущего внизу человека. Тот шел, пошатываясь из стороны в сторону, неуверенной заплетающейся походкой. Он был грязен и неопрятен, и почти что бос, только обмотал стопы какими-то тряпками. Лицо и верх тонкой водолазки в каких-то бурых пятнах. На затылке лепешкой запеклась темная корочка.

На руках он нес другого, поменьше. Это была девушка, одетая в легкое летнее платьице. На руках у большого ей было так удобно, что она задремала, склонив голову на грудь своему спутнику, только длинные светлые волосы сбегали ручьем по руке мужчины и свисали вниз, слегка развеваясь на ходу.

Дятел прервался, настороженно приглядываясь, а потом и вовсе решил отлететь подальше. Он легко снялся с дерева и полетел в поисках другого старого дерева, оставляя за спиной странного незнакомца, и через минуту тот стерся из птичьей памяти, как будто его и не было.